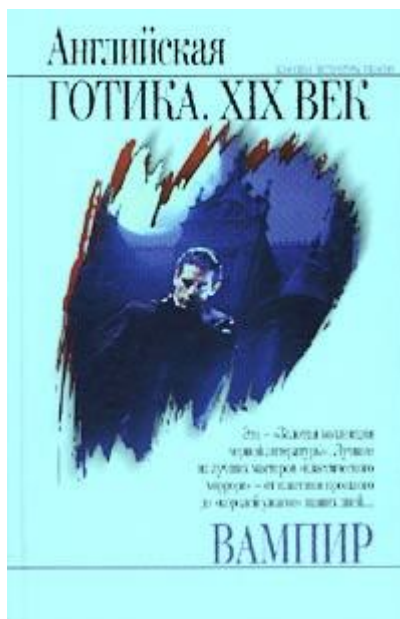

Джозеф Шеридан Ле Фаню Тайна гостиницы "Парящий Дракон"

Скачано с Библиотека умных книг <http://lib.adtm.ru/lib/>
«Вампир. Английская готика. XIX век»: АСТ, Terra Fantastica; 2002
ISBN 5-17-009980-0, 5-7921-0537-5

Аннотация

Готическая повесть о приключениях богатого повесы Ричарда Беккета, неосмотрительно влюбившегося в очаровательную незнакомку, благодаря которой он окажется в весьма интересном положении.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Тайна гостиницы «Парящий дракон»

Глава 1. В пути

В тот достопамятный 1815 год, когда гений Веллингтона в битве при Ватерлоо развеял в прах последние воспоминания о «Ста днях», мне исполнилось двадцать три. Я унаследовал значительную сумму в консолидированной ренте и других ценных бумагах. В Европу, освобожденную от наполеоновского владычества, хлынул поток английских путешественников, стремящихся расширить свой кругозор. Не остался в стороне и я.

Я следовал на почтовых лошадях из Брюсселя в Париж, придерживаясь дороги, по которой считанные недели назад армия союзников гнала разбитые остатки наполеоновского войска. Движение на ней было чрезвычайно оживленным. Бросив взгляд вперед или обернувшись, вы непременно замечали вдалеке облачко пыли, отмечавшее маршрут попутной кареты. Навстречу то и дело попадались почтовые лошади, пыльные и загнанные, возвращающиеся на постоянные дворы, где они были наняты. Для держателей придорожных таверн наступили жаркие деньки. Казалось, весь мир устремился в Париж.

К сожалению, не могу точно описать место, где начались мои необычайные приключения. Мысли мои были целиком заняты предстоящими каникулами в Париже, и я уделял непростительно мало внимания пейзажу, проплывавшему за окнами кареты. Могу

лишь весьма приблизительно сообщить, что место это находилось милях в четырех от окраины живописного городка, название которого я запомнил. Часа за два до заката мы поравнялись с экипажем, попавшим в беду.

Карета была цела, но две передние лошади лежали без движения. Форейторы в высоких сапогах распутовывали постромки, на помощь им спешили двое растерянных слуг, явно впервые оказавшихся в такой переделке. В окне кареты виднелась прелестная головка в розовой шляпке. На мгновение обрисовалась изящная линия плеч. Я решил взять на себя роль доброго самаритянина: остановил коляску, соскочил на землю и в сопровождении слуги протянул несчастной руку помощи. Увы! Под шляпкой дама носила плотную черную вуаль. Я не разглядел ничего, кроме тонкого рисунка брюссельских кружев.

В тот же миг из окна выглянул худощавый пожилой джентльмен. Он производил впечатление тяжело больного человека, так как даже в этот жаркий день укутался до самого носа в толстый черный шарф, полностью скрывавший нижнюю часть лица. Джентльмен приподнял шляпу, опустил на мгновение плотный шарф и рассыпался в благодарностях. Говорил он на хорошем французском языке и оживленно жестикулировал.

Помимо успехов в боксе, которому в те годы обучался каждый англичанин, я могу похвастаться разве что хорошим знанием французского языка. Ответ мой, горячо надеюсь, не содержал грамматических ошибок. Раскланявшись, старый джентльмен скрылся в карете, и моим взорам снова предстал очаровательная головка.

Дама, должно быть, слышала, как я разговариваю со слугой, так как обратилась ко мне на прелестном ломаном английском. Голос ее звучал так нежно, что я снова и снова проклинал черную вуаль, подогревавшую мой романтический интерес.

Герб, нарисованный на дверце кареты, поразил меня своей необычностью. Особенно бросилась мне в глаза основная деталь: карминно-красный аист на желтом фоне, который называется «золотым полем». Птица стояла на одной ноге и в когтях другой держала камень. Если не ошибаюсь, в геральдической символике существо это олицетворяет бдительность. С боков щит поддерживали фигуры каких-то животных, но они мне не запомнились.

Изысканные манеры незнакомцев, богатые ливреи слуг, роскошная карета, герб на дверце — все убеждало меня в том, что попутчики мои — люди знатного происхождения.

Как вы понимаете, после такой догадки незнакомая дама отнюдь не потеряла в моих глазах привлекательности. Благородный титул дает богатую пищу для воображения. Я не имею в виду жалких снобов и лакейские душонки. Превосходство в рождении — мощная движущая сила любви. Знатность в нашем представлении неразрывно связана с утонченностью. Мимолетная реплика богатого сквайра дальше продвинет его на пути к сердцу хорошенькой молочницы, чем добропорядочный селянин сумеет пройти за долгие годы ухаживаний. Воистину, мир устроен несправедливо!

Но эта случайная встреча таила в себе нечто большее. Я был недурен собой и знал это. Даже если вы полагаете, что я хвастаюсь, нельзя отрицать, что росту во мне около шести футов. Почему незнакомая дама столь горячо благодарила меня? Разве недостаточно благодарностей, которые выразил мне ее муж — я пришел к выводу, что пожилой джентльмен был ее супругом. Я инстинктивно чувствовал, что дама окидывает меня не совсем равнодушным взглядом; власть его я ощущал даже через вуаль.

Карета отъехала, вздымая шлейф пыли, а некий легкомысленный юноша проводил ее горящим взглядом и глубоко вздохнул.

Я велел форейторам следовать за каретой, не выпуская ее из виду, и остановиться возле той же почтовой станции, что и незнакомцы. Вскоре мы въехали в небольшой городок. Карета остановилась возле уютной старинной гостиницы «Прекрасная звезда». Незнакомка под руку с пожилым джентльменом вошла в дом.

Мы неторопливо следовали за ними. Я спешил и с самым беспечным видом вошел на крыльцо.

Самонадеянность сослужила мне дурную службу: мне и в голову не пришло поинтересоваться, в каком номере остановились мои попутчики. Я заглянул в комнату

справа от моей, затем слева. Их нигде не было.

Я поднялся на этаж выше. Дверь гостиной была открыта. Напустив на себя самый беззаботный вид, я вошел. В просторной комнате, кроме меня, был всего один человек — очаровательная женщина в той самой шляпке, что в дороге свела меня с ума. Дама стояла ко мне спиной и читала письмо; я не сумел разглядеть, поднята вуаль или опущена.

Я остановился на пороге, не сводя с нее глаз в смутной надежде, что дама обернется, и я увижу ее лицо. Но незнакомка не замечала меня; дочитав письмо, она присела к изящному столику, на котором стояло зеркало в потускневшей раме.

В зеркале отразилась женщина необычайной красоты. Не зная я правды, я мог бы принять ее отражение за портрет, написанный рукой великого мастера.

Она сосредоточенно читала письмо, крепко сжатое в тонких пальцах. Овальное лицо было исполнено легкой грусти и в то же время светилось затаенной чувственностью. Никогда я не встречал таких тонких черт, таких нежных красок. Глаза ее были опущены, и я не видел, какого они цвета, лишь любовался длинными пушистыми ресницами и тонкой линией бровей. Должно быть, письмо было очень интересное — она сосредоточенно замерла, затаив дыхание, и походила на раскрашенную статуэтку.

Зрение мое в молодости отличалось завидной остротой. Я видел это прелестное лицо совершенно отчетливо, разглядел даже тонкие голубые жилки, сбегające вдоль стройной шеи.

Будь я немного благоразумнее, я бы тотчас исчез, постаравшись остаться незамеченным. Но я так залюбовался прелестной незнакомкой, что совсем потерял счет времени. Когда я очнулся, было уже поздно: она подняла глаза. Они оказались большими, того редкого оттенка, какой поэты называют «фиалковым».

Огромные печальные глаза надменно взирали на меня из зеркала. Незнакомка вздрогнула и быстро опустила вуаль.

Мне показалось, что она хочет остаться незамеченной. Я же ловил каждый ее взгляд с таким вниманием, словно от мановения ее руки зависел мой смертный приговор.

Глава 2. **Во дворе гостиницы «Белль Этуаль»**

Я влюбился в незнакомку с первого взгляда. Да и как было не влюбиться в такую красавицу? Чувство это поразило меня, как удар грома; я по-прежнему жаждал узнать, кто она такая, но теперь мною руководило нечто большее, чем просто любопытство. Я растерял всю свою самонадеянность; мое непрощенное присутствие в одной с ней комнате казалось мне непростительной дерзостью. Но она тотчас развеяла мои сомнения, холодно заявив по-французски:

— Месье, вы, вероятно, не знаете, что эта зала не предназначена для широкой публики.

Однако голос ее звучал по-прежнему нежно и певуче. Я низко поклонился, произнес подобающие извинения и попятился к двери.

Должно быть, вид у меня был смущенный и виноватый, потому что она, словно пытаясь сгладить резкую отповедь, добавила:

— Тем не менее, я рада, что могу еще раз выразить вам благодарность за помощь, такую своевременную и необходимую.

Слова ее звучали холодно, однако смягчившийся тон придал мне храбрости. Она имела все основания забыть случайного встречного, но все-таки она узнала меня и даже сочла нужным тотчас же за кратким упреком еще раз выразить благодарность, в чем не было никакой формальной необходимости.

Эти соображения чрезвычайно льстили моему самолюбию.

Голос ее звучал тихо и робко, она на мгновение обернулась ко второму выходу из комнаты. Мне представилось, что в дверях вот-вот появится ревнивый муж в черном парике. Я не обманулся в своих опасениях: в коридоре послышался гнусавый пронзительный голос,

тот самый, что час назад рассыпал мне благодарности из окна кареты. Старик сердито отдавал слугам какие-то распоряжения.

— Месье, настоятельно прошу вас удалиться, — с мольбой произнесла она и сделала знак рукой. Низко поклонившись, я вышел и закрыл дверь.

Ликуя, я сбежал по лестнице и внизу столкнулся с хозяином гостиницы.

Я описал ему комнату, из которой только что вышел, сказал, что она мне очень понравилась, и поинтересовался, не могу ли я снять ее.

— Очень жаль, — ответил хозяин, — но эта комната и две соседние уже заняты.

— Кем?

— Знатными особами.

— Но кто они такие? Должны же у них быть имена и титулы?

— Без сомнения, сударь, но сейчас в Париж стремится столько народу, что мы не успеваем спрашивать у постояльцев имена и титулы — просто запоминаем комнаты, которые они заняли.

— Надолго они остановились?

— Не могу ответить даже на этот вопрос. Мы не спрашиваем у постояльцев таких вещей. Пока гости живут у нас, мы не можем заставить их освободить номера.

— Но мне так понравились эти комнаты! Одна из них, наверное, спальня?

— Да, сэр; как вы знаете, гости обычно не занимают спальни, если не собираются остаться на ночь.

— Что ж, но другие свободные комнаты у вас есть? В любой части здания?

— Разумеется, у меня остались два незанятых номера. Можете, сударь, выбрать любой из них.

— Хорошо, я остаюсь.

Было ясно, что незнакомцы намерены остановиться здесь. По крайней мере, они не собираются уезжать до утра. Я с головой погрузился в неожиданный роман.

Я вошел в свою комнату и выглянул в окно. Оно выходило в гостиничный двор. В стойлах вдоль стен отдыхали взмыленные лошади, другие, свежие и отдохнувшие, готовились в путь. Мостовая была запружена экипажами — преобладали роскошные кареты, принадлежавшие богатым дворянам, но встречались и наемные, наподобие моей, предназначенные для среднего класса, у нас в Англии такие экипажи называют «почтовыми». От кареты к карете, меняя лошадей, суетливо бегали слуги; те, кто не был занят работой, смеясь, прохаживались по двору. Настроение царило оживленное и приподнятое.

Я заметил среди экипажей знакомую дорожную карету и узнал одного из слуг тех самых «знатных особ», что вызывали у меня столь глубокий интерес.

Я бегом спустился по лестнице, распахнул заднюю дверь и очутился на бугристой мостовой. Вокруг кипело деятельное оживление, переполнявшее в те бурные дни все постоянные дворы. Солнце клонилось к закату. Его лучи золотили кирпичные каминные трубы; бочки на шестах, служившие голубятням, пылали, будто охваченные пожаром. В ярких лучах солнца даже самые скучные предметы, на которые в серых рассветных сумерках мы не обратили бы внимания, начинают играть чудесными красками.

Побродив по двору, я подошел к заинтересовавшей меня карете. Слуга запирает дверцы на замок. Я помолчал, разглядывая дверной герб.

— Какой красивый символ — алый аист! — заметил я. — Знатное, должно быть, семейство?

Слуга положил ключ в карман, поднял глаза на меня и саркастически улыбнулся:

— Сами можете догадаться.

Нимало не обескураженный, я применил действенное средство, безотказно развязывающее язык — так называемые «чаевые».

Слуга взвесил в руке наполеондор, перевел взгляд на мое лицо. В глазах его светилось неподдельное изумление.

— Как вы щедры!

— Не стоит. В этой карете прибыли пожилой джентльмен с дамой. Скажи, кто они такие. Как ты помнишь, я и мой слуга помогли вам сегодня в дороге, когда лошади упали.

— Нам велено называть этого господина графом, а молодую даму — графиней, но я не знаю, кто она ему — жена или дочь.

— Где они живут?

— Клянусь честью, господин, не знаю.

— Не знаешь, где живет хозяин? Да знаешь ли ты о нем хоть что-нибудь, кроме имени?

— Почти ничего, господин. Меня наняли в Брюсселе в день отъезда. Вот месье Пикар, лакей господина графа, состоит у него на службе много лет и знает об этой семье все, но он ни с кем не разговаривает, разве что отдает нам приказания. От него я ничего не выведал. Но мы, слава Богу, едем в Париж, а уж там-то я быстро все разузнаю. А пока что мне известно о господине графе не больше вашего.

— Где я могу найти месье Пикара?

— Ушел к точильщику выправить бритвы. Но не думаю, что он что-нибудь расскажет.

Моя золотая монета принесла скудный урожай. Похоже, слуга говорил правду; владеет этот пройдоха хоть одной семейной тайной, он с удовольствием выдал бы ее. Я вежливо откланялся и снова поднялся в комнату.

Я вызвал слугу. Он приехал со мной из Англии, однако по рождению был француз — шустрый парень, он знал все ходы и выходы и мгновенно находил с соотечественниками общий язык.

— Сен-Клер, запри дверь и подойди сюда. Мне необходимо узнать кое-что б знатных господах, занимающих комнаты под моей. Вот тебе пятнадцать франков; разыщи слуг, которым мы помогали в пути, угости их ужином, а по возвращении расскажешь мне все, что знают они. Я уже беседовал с одним из них — он ничего не мог сказать. Другой — забыл, как его зовут — лакей нашего дворянина. Вот его можно попытать как следует. Меня интересует, разумеется, высокородный граф, а не его молодая спутница, понятно? Выспроси все до последней мелочи и передай мне слово в слово. Понял? Беги!

Такое поручение как нельзя лучше соответствовало характеру и наклонностям моего бесценного Сен-Клера. Я давно привык в обращении с ним придерживаться того фамильярного тона, какой в старинных французских комедиях допускается между господином и слугой. Не сомневаюсь, что втайне он посмеивался надо мной, однако держался вежливо и почтительно.

Многозначительно подмигнув и пожав плечами, он удалился. Я выглянул в окно и увидел, как он с невероятной быстротой пробирается по двору. Вскоре он исчез среди экипажей.

Глава 3. **Любовь и смерть всегда вдвоем**

Когда день клонится к закату, а человеку печально и одиноко, когда его снедает лихорадочное нетерпение, когда минутная стрелка ползет медленно, как часовая, а часовая вообще застывает на месте, когда истомленный скукой бедолага зевает, барабанит пальцами по подоконнику, расплющивает нос о стекло, насвистывает ненавистные песенки, короче говоря, не знает, куда себя деть, остается лишь сожалеть, что строгие светские правила не позволяют устраивать роскошный обед из трех блюд более одного раза в день.

Однако в те дни, к которым относится мое повествование, ужин все еще считался весьма существенной трапезой. К счастью, его время приближалось. Однако надо было чем-то занять себя на оставшиеся три четверти часа.

Я взял с собой в дорогу двери непритязательные книжки, однако сейчас у меня не было настроения читать. Нераскрытый роман валялся на диване рядом с пледом и тростью; я бы и бровью не повел, если бы герой вместе с героиней утонули в огромной бочке с водой, что

стояла под моим окном.

Я пару раз прошелся по комнате, вздохнул, посмотрел в зеркало, поправил пышный галстук, завязанный по последней моде, надел светло-коричневый жилет и синий фрак с позолоченными пуговицами, смочил носовой платок одеколоном (в те времена парфюмерия не баловала нас разнообразием ароматов), аккуратно уложил волосы, которыми втайне гордился. Ныне голова моя сверкает гладкой розовой лысиной, а от выющейся темно-каштановой шевелюры осталась лишь дюжина-другая седых волосков. Но не будем вспоминать о грустном. В те годы, как я уже сказал, у меня были густые темно-каштановые кудри, и я уделял туалету немало внимания. Я увенчал свою легкомысленную голову изысканной шляпой, чуть сдвинув ее набекрень под тем самым углом, какой ввел в обиход бессмертный император. «Завершили мое облачение», выражаясь языком сэра Вальтера Скотта, пара тонких французских перчаток и элегантная тросточка, только что вошедшая в моду.

Столь тщательные приготовления к обычной прогулке по Двору захолустной гостиницы могут показаться странными. Я предпринял их исключительно ради прекрасных глаз, которые видел единственный раз в жизни и не мог бы забыть до конца дней своих. Короче говоря, я питал смутную надежду на то, что эти глаза хоть на миг остановятся на изысканном наряде несчастного влюбленного и составят о нем мало-мальски приятное впечатление.

Тем временем начало темнеть; последний солнечный луч угас, в комнате воцарились сумерки. Я тяжело вздохнул и выглянул в окно. Окно этажом ниже также оказалось открыто; до меня донеслись приглушенные голоса. Граф и графиня увлеченно спорили о чем-то, однако я, как ни старался, не мог разобрать ни слова. Я сразу узнал голос мужчины, гнусавый и пронзительный. Такой голос трудно с чем-то спутать. Отвечал ему голос тихий и нежный, тот самый, что ранил мое сердце. Разговор продолжался недолго: мужчина захохотал с дьявольской язвительностью и отошел от окна. Теперь я почти не слышал его. Женщина, судя по голосу, чуть отступила вглубь комнаты, но по-прежнему оставалась недалеко от окна.

Беседа происходила отнюдь не на повышенных тонах. О, я готов был все отдать за то, чтобы это была ссора, жестокая ссора, и я смог бы выступить в роли защитника несправедно обиженной красавицы! Увы! Судя по тону разговора, пара эта была самой дружной и мирной. Через мгновение дама принялась напевать старинную песенку. Нет нужды напоминать, что пение, даже негромкое, разносится куда дальше, чем спокойно произнесенная речь. Я сумел разобрать слова песни. Голос у незнакомки был приятный и нежный; если не ошибаюсь, такой голос называется «полуконтральто». В интонациях было что-то жалобное и, как мне показалось, насмешливое. Я попытался перевести слова песни, пусть неуклюже, зато достаточно точно:

Любовь и Смерть всегда вдвоем
Ждут путника в засаде.
И ночью, и весенним днем
Сулят ему награду.
Жаркий шепот, нежный взгляд -
И закрылась клетка.
Смерть с Любовию разят
Из засады метко.

— Хватит, мадам! — прервал ее голос старика, внезапно сделавшийся злобным. — Не собираетесь же вы развлекать своим пением конюхов и слуг.

Женщина весело рассмеялась.

— Мадам, вам угодно ссориться? — старик с грохотом захлопнул окно, едва не разбив стекла.

Стеклянная перегородка, даже очень тонкая, практически полностью поглощает звук. Я не слышал больше ничего, даже приглушенного разговора.

Какой чудесный голос у графини! Нежный, мелодичный, трепетный! Он поразил меня в самое сердце. О, я готов был шею свернуть этому старому ворону, что осмеливается каркать на поющую Филомелу! «Увы! Так устроена жизнь! — глубокомысленно рассуждал я. — Прелестная графиня, существо, наделенное ангельским терпением, красотой Венеры и достоинствами всех девяти муз, вынуждена покоряться грубияну-мужу! Она слышала, как я открываю окно, и прекрасно знает, кто занимает комнаты над ней. Нетрудно догадаться, для кого в действительности предназначено ее пение — а ты что заподозрил, глупый старик?»

Охваченный счастливым трепетом, я спустился по лестнице и прошел мимо комнат графини, надеясь, что на пороге появится моя прелестная певица. Я уронил тросточку возле дверей и отнюдь не торопился поднимать ее. Однако Фортуна мне не улыбнулась. Не мог же я целый вечер стоять возле двери, поднимая тросточку. Пришлось спуститься в вестибюль.

Я взглянул на часы — до ужина оставалась еще четверть часа. В те бурные дни все на свете перепуталось. Гостиные мало чем отличались от гостиниц. Люди ничтоже сумняшеся совершали то, о чем в обычных обстоятельствах не могли и помыслить. Почему бы не допустить, что граф и графиня за ужином займут места за общим столом?

Глава 4. Месяе Дроквилль

Полный самых радужных надежд, я не торопясь спускался в парадную залу гостиницы. Наступила ночь, чарующий лунный свет серебрил окрестности. Мое романтическое приключение все больше занимало меня, и волшебное сияние луны было как нельзя более созвучно моим чувствам. Какой дивный роман ожидает меня, если прелестная незнакомка окажется дочерью графа и к тому же влюбленной в меня! И что за восхитительная трагедия, если графиня — его жена!

Погрузившись в сладкие мечтания, я едва не натолкнулся на незнакомого джентльмена. Был он высок, лет пятидесяти на вид. Он с изысканной вежливостью обратился ко мне. Элегантный костюм, благородные манеры — все выдавало в нем человека знатного, занимающего высокое положение.

Он стоял на верхней площадке лестницы, любуясь, подобно мне, игрой лунных теней на булыжной мостовой. Тон его слов, дружелюбный и вместе с тем чуть высокомерный, выдавал французского дворянина старой закалки. Он спросил, не я ли тот самый мистер Беккет, что прибыл из Лондона? Я ответил утвердительно. Он назвался маркизом д'Армонвиллем (при этих словах он почему-то понизил голос) и выразил готовность представить мне письмо от лорда Р., который был знаком с моим отцом и когда-то сделал мне небольшое одолжение. Лорд Р., пэр Англии, занимал очень высокое положение в политической иерархии страны и считался наиболее вероятным кандидатом на пост английского посланника в Париже. Я с поклоном взял письмо и прочитал:

Разрешите представить Вам моего близкого друга, маркиза д'Армонвилля. Вы весьма обяжете меня, если сумеете помочь маркизу и мне в одном чрезвычайно серьезном деле, характер которого он Вам объяснит.

По утверждению лорда Р., богатство маркиза, его близкое родство с древнейшими фамилиями страны и положение при дворе обратили на себя внимание Его Величества: король дал маркизу важное поручение, тесно связанное с делами французского правительства. Я ничего не понимал; последующие строки письма лишь усилили мое замешательство.

Кстати, вчера ко мне заходил Уолтон. Он сообщил, что Ваше нынешнее положение находится под угрозой; в Домвелле, без сомнения, что-то затевается. Как Вы понимаете, мне крайне неудобно вмешиваться в Ваши дела даже таким незначительным образом. Но, не желая показаться навязчивым, все же советую Вам поручить Хэкстону как следует во

всем разобраться и представить немедленный отчет. Боюсь, положение очень серьезно. Должен пояснить, что по причинам, о которых Вы вскоре узнаете, маркиз, с согласия наших общих друзей, будет некоторое время держать свой титул в тайне и называться просто месье Дроквилль.

В настоящий момент я отъезжаю в город и не могу больше ничего сообщить Вам. Искренне Ваш, Р.

Я был в полном недоумении. Едва ли я мог назвать себя близким другом лорда Р. Я не знал ни одного человека по имени Хэкстон, а Уолтон был всего лишь торговцем, у которого я покупал шляпы. Однако письмо лорда было явно адресовано близкому другу! Я взглянул на обратную сторону письма, и загадка разрешилась. На конверте значилось имя адресата:

Джорджу Стенхоупу Беккету, сквайру, члену парламента.

Меня же звали просто Ричард Беккет.

Я в ужасе поднял глаза на маркиза.

— О, господин мар... то есть месье Дроквилль, приношу вам тысячу извинений. Моя фамилия действительно Беккет, и лорд Р. в самом деле немного знаком со мной. Но письмо предназначено не мне. Меня зовут Ричард Беккет, а оно адресовано мистеру Стенхоупу Беккету, государственному деятелю. Произошло прискорбное совпадение. Могу лишь поклясться честью джентльмена, что сохраню содержание письма в глубокой тайне.

Всем своим видом я выражал искреннюю досаду и самые добрые намерения. Маркиз, видимо, поверил в мою честность, так как лицо его, на миг потемневшее в замешательстве, озарилось добродушной улыбкой. Он протянул мне руку.

— Нимало не сомневаюсь, месье Беккет, что вы сохраните мою тайну. И, раз уж судьба решила сыграть со мной злую шутку, я благодарю свою счастливую звезду за то, что она послала мне вас, человека честного и добропорядочного. Надеюсь, месье Беккет, вы позволите называть вас моим другом?

Я искренне поблагодарил маркиза за добрые слова. Он продолжал:

— Сударь, разрешите пригласить вас в Клеролвилль, мое поместье в Нормандии. Пятнадцатого августа там соберутся мои друзья, и я буду раз познакомить вас с ними.

Я поблагодарил его за гостеприимство. Он добавил:

— По причинам, о которых вы догадываетесь, в настоящее время я не могу принимать друзей в своем парижском доме. Надеюсь, вам не составит труда сообщить мне, в каком отеле вы намерены остановиться по прибытии в Париж; вы убедитесь, что, хотя маркиз д'Армонвилль отсутствует в городе, месье Дроквилль не намерен терять вас из виду.

Я охотно сообщил ему название отеля.

— Я буду поддерживать с вами связь на случай, если месье Дроквилль сможет быть чем-нибудь вам полезен. Я сумею устроить так, что вы легко сможете при необходимости уведомить меня.

Я был польщен. Маркиз сразу пришелся мне по душе. Такие мгновенные симпатии нередко перерастают в крепкую дружбу. В то же время я вполне допускал, что маркиз из простого благоразумия стремится поддерживать добрые отношения с невольным обладателем политической тайны, даже такой незначительной.

Маркиз откланялся и поднялся к себе в номер, я же остался на лестнице и с минуту обдумывал неожиданное происшествие. Однако воспоминания о прелестных глазах, чарующем голосе и стройной фигурке прекрасной незнакомки быстро вытеснили странного маркиза из моих мыслей. Я рассеянно блуждал по тихой улице, залитой таинственным сиянием луны, преобразившим серые дома, такие будничные при свете дня, в волшебную декорацию для моего романтического приключения.

Побродив немного, я вернулся в гостиницу. Там воцарилось затишье. Во дворе, всего час назад кипевшем шумной суетой, не было никого, если не считать стоявших повсюду экипажей. Видимо, в это время накрывали ужин для слуг. При свете луны я без помех разыскал карету моей возлюбленной и задумчиво прошелся вокруг нее. Я понимал, что глуп и сентиментален, как всякий влюбленный юноша моих лет. Шторки на окнах были опущены,

двери, наверно, заперты. Полная луна заливала двор ярким светом. Карета отбрасывала на мостовую резкую тень, на которой можно было различить силуэты колес, осей, рессор — все детали ее устройства. Я внимательно рассмотрел гербовый щит на двери. О, сколько раз ее глаза останавливались на нем! Я погрузился в упоительные мечтания. Из задумчивости меня вывел хриплый голос за спиной:

— Красный аист — здорово! Аист — птица хищная, бдительная и жадная, ловит глупых пескарей. И красная — красная, как кровь! Ха-ха-ха! Подходящий символ.

Я обернулся — передо мной стоял высокий человек в форме французского офицера. Никогда в жизни я не видел такого бледного лица. Широкое и злобное, оно было обезображено глубоким шрамом, тянувшимся через нос и бровь.

Офицер вздернул подбородок, изогнул бровь в издевательской ухмылке и добавил:

— Как-то раз я подстрелил аиста из винтовки, когда он летал под облаками и думал, что ему ничто не грозит! Просто так, ради развлечения! — Он злобно захохотал. — Знаете, сударь, если за дело берется человек вроде меня — энергичный, в здравом уме, прошедший, *parbleu*, со штыком в руках всю Европу — если он ставит себе целью раскрыть тайну, схватить за руку воров, вывести преступников на чистую воду, он наверняка добьется своего. Ха-ха-ха! Прощайте, сударь!

Он повернулся на каблуках и размашисто зашагал к воротам.

Глава 5.

Ужин в гостинице

В те дни французские военные пребывали далеко не в лучшем расположении духа. Любым иностранцам, а англичанам в особенности, трудно было ждать от них любезности. Тем не менее, было ясно, что бледный, как смерть, офицер относил свои угрозы явно не ко мне. Его душу жгло какое-то давнее воспоминание, под влиянием которого он обрушил на графский герб всю накопившуюся ярость.

И все-таки он не на шутку напугал меня. Мы всегда вздрагиваем, когда, полагая, что находимся одни, отдаемся на волю собственных мыслей и вдруг обнаруживаем, что за всеми нашими чудачествами исподтишка наблюдает нежданный зритель. Эффект неожиданности еще усилился отчасти из-за необычайного уродства незнакомца, отчасти оттого, что чудовищное лицо всплыло совсем рядом со мной, буквально нос к носу. В ушах у меня до сих пор звучала странная речь незнакомца, полная ненависти и затаенных угроз. Да, тут было над чем поработать пылкому воображению влюбленного.

Однако пора было идти к ужину. Кто знает, какие неожиданные сведения о предмете моих воздыханий удастся выудить из обрывков застольных разговоров?

Я вошел в комнату и внимательно оглядел собравшихся. За столом сидело человек тридцать. В те суматошные дни постояльцам стоило немалых усилий добиться от слуг, чтобы те, усталые и запыхавшиеся, приносили ужин в номера. Менее настойчивым, если они не собирались умирать с голоду, оставалось лишь ужинать в гостиной за общим столом. Среди собравшихся не было ни графа, ни его прелестной спутницы. Однако маркиз д'Армонвилль, которого я менее всего ожидал встретить в общественном месте, с понимающей улыбкой указал на стул рядом с собой. Я повиновался. Видимо удовлетворенный, он тотчас завел светский разговор.

— Вы, должно быть, впервые во Франции? — спросил он.

Я подтвердил.

— Не считите за дерзость мой дружеский совет. Париж — одно из самых опасных мест для пылкого богатого юноши. На вашем месте я бы не рискнул ехать туда в одиночку. Если у вас нет опытного друга, который сопровождал бы вас во время путешествия... — Он помолчал.

Я сказал, что спутника у меня нет, однако я в состоянии сам позаботиться о себе. В Англии я достаточно повидал жизнь и, полагаю, человеческая натура одинакова во всех

странах. Маркиз с улыбкой покачал головой.

— Вы непременно заметите различия, и весьма существенные, — возразил он. — Каждой нации свойственны определенные черты характера и особенности умственного склада. В преступной среде эти особенности преломляются в характерный почерк, отличающий мошенников разных стран. Класс людей, добывающих пропитание собственной изворотливостью, в Париже в три-четыре раза многочисленнее, чем в Лондоне, и живут они гораздо богаче; кое-кто даже утопает в роскоши. Изысканностью манер и образом жизни эти жулики не уступают высшему свету. И они куда изворотливее лондонских бандитов, действуют изобретательно, с вдохновением, проявляют недюжинные актерские способности, которых вашим соотечественникам явно недостает. Мошеннические уловки их нередко сродни искусству; живут же они в основном игрой.

— В Лондоне тоже немало карточных мошенников.

— Да, но здесь это происходит совсем по-другому. Шулеры постоянно обитают возле карточных столов, они *habitués* в бильярдных, на скачках, везде, где идет игра по-крупному. Действуют они тонко, так, что комар носа не подточит. Они превосходно вычисляют шансы, прибегают к помощи сообщников, к подкупу и другим ухищрениям. Для каждого зеленого новичка у них находятся новые жульнические приемы. Да, это происходит везде; однако только в Париже мошенничество совершается столь утонченно, с таким *finesse*. Вы не раз встретите модно одетых людей с великолепными манерами, изысканной речью. Живут они на широкую ногу; богатству их завидуют даже парижские буржуа, искренне полагающие, что люди эти занимают очень высокое положение в обществе. Они обитают в роскошных дворцах, обставленных с утонченным вкусом; дворцы эти часто посещаются знатными иностранцами и, как ни прискорбно, молодыми глупыми французами. Во всех этих дворцах идет большая игра. Сами хозяева редко участвуют в ней, предпочитая держаться в тени; это фигуры подставные. Они предоставляют полную свободу действий своим сообщникам, те заманивают наивных гостей в сети и обирают до нитки.

— Но я слышал, как один молодой англичанин, сын лорда Руксбери, не далее как в прошлом году дочиста разорил два парижских игорных стола.

— Видно, — засмеялся маркиз, — вы намерены повторить его подвиг. Я в вашем возрасте тоже предпринял нечто подобное. Начал я ни больше, ни меньше с пятисот тысяч франков и вознамерился выйти в победители, просто удваивая ставки. Я не раз слышал о таком приеме и наивно полагал, что шулеры, истинные хозяева стола, ничего о нем не подозревают. Однако вскоре я обнаружил, что они не только превосходно знакомы с этой тактикой, но и обладают действенным оружием против нее. Они применили правило, запрещающее удваивать ставки более четырех раз подряд, и, не успев начать, я остался без гроша в кармане.

— А это правило все еще в силе? — обескуражено спросил я.

— Разумеется, в силе, мой юный друг, — рассмеялся он и пожал плечами. — Люди, живущие игрой, понимают в ней куда больше новичков. Я вижу, вы выработали тот же самый план и прибыли сюда хорошо подготовленным.

Я поведал маркизу, что замыслы мои простираются гораздо дальше. Я привез для игры тридцать тысяч фунтов стерлингов.

— Вы знакомы с моим добрым другом, лордом Р.; помимо уважения к нему, я питаю симпатию к вам лично, поэтому не сочтите мой совет излишне навязчивым.

Я искренне поблагодарил его за участие и пообещал, что непременно прислушаюсь к любому его совету.

— В таком случае послушайте меня, — сказал он. — Оставьте деньги в том банке, где они сейчас лежат, и не прикасайтесь к ним. Не ставьте в игорном доме ни единого наполеондора. В ту ночь, когда я вознамерился сорвать банк, я потерял семь или восемь тысяч фунтов стерлингов в пересчете на английские деньги. В следующий раз я получил приглашение в один из тех великосветских игорных домов, что скрываются под видом частных особняков; там меня спас от разорения некий господин. С тех пор мое уважение к

нему возрастает год от года. По счастливому совпадению, он находится сейчас в этой гостинице. Я узнал его слугу и нанес краткий визит. Он не изменился; все так же добр, отважен и в высшей степени достоин уважения. Человек, о котором я говорю, — граф де Сен-Алир. Он происходит из чрезвычайно древнего рода. Ныне он совершенно удалился от светской жизни; я объясню, почему. Пятнадцать лет назад не было человека отзывчивее его. Он и сейчас честнейший и разумнейший человек на свете, если не считать одной странности.

— Какой? — я сгорал от нетерпения.

— Недавно он женился на очаровательной девушке, лет на сорок пять его моложе, и, разумеется, ужасно ревнует, хотя и совершенно беспочвенно.

— А что графиня?

— Графиня во всех отношениях достойна такого замечательного мужа, — сухо ответил он.

— Нынче вечером я слышал пение; полагаю, это была она.

— Возможно; графиня очень утонченная натура. — Помолчав немного, он продолжил: — Мне нельзя упускать вас из виду. Я сгорю со стыда, если при встрече с моим другом лордом Р. вы будете вынуждены сообщить ему, что в Париже вас обчистили. Богатый англичанин с крупной суммой во французском банке, молодой, беспутный — на такую добычу тотчас слетятся вурдалаки и гарпии со всего Парижа.

В этот миг мой сосед справа толкнул меня локтем в бок. Он не намеревался меня задеть, просто слишком резко повернулся на стуле.

— Клянусь честью солдата, нет на свете шкуры, на которой дырки заживали бы быстрее, чем у меня.

Голос был хриплым и зычным; я подскочил на месте. Это был тот самый офицер, чье мертвенно-бледное лицо нагнало на меня страху в гостиничном дворе. Он яростно вытер рот и, отхлебнув вина, продолжал:

— Верно говорю, в жилах у меня не простая кровь, а ихор — кровь богов! Я уж не говорю о росте, мускулах, крепких костях и даже о храбрости; отнимите у меня все это, и, клянусь честью, я голыми руками разорву на куски голодного льва, вобью ему зубы в пасть и задушу его же собственным хвостом! Отнимите у меня все, чем наделила природа, и все равно я в битве буду стоять шестерых, потому что на мне любая рана заживает, как на собаке. Разорвите меня в клочья — я срastусь заново быстрее, чем ваш портной пришьет пуговицу. Черт возьми, господа, видели бы вы меня голым! Вам бы стало не до смеха. Взгляните на мою руку — я заслонил голову, и сабля разрубила мне ладонь до кости. Три стежка — и через пять дней я играл в мяч с английским генералом! Дело было в Мадриде, возле монастыря Санта-Мария-де-ла-Кастита, а в плен мы его взяли при Арколе. Вот была заварушка, клянусь дьяволом! Дыма было столько, что вы, господа, задохнулись бы в пять минут; Я получил две мушкетные пули в бедро, заряд дробы в лодыжку, удар пикой в левое плечо, порцию шрапнели в левую лопатку, штыковую рану в хрящи правых ребер, да в придачу мне саблей снесли кусок мяса с груди и заехали ядром прямо в лоб. И что же, господа? Да вы не успели бы и глазом моргнуть — через восемь с половиной дней мы шли форсированным маршем, босиком, и я был душой нашего взвода, здоров, как бык!

— Bravo! Bravissimo! Per Bacco! Un gallant uomo! — в воинственном запале восклицал маленький толстый итальянец, производивший зубочистки и плетеные корзины на острове Нотр-Дам. — Слава о ваших подвигах прокатится по всей Европе! Вашей кровью можно написать историю этих войн!

— Пустяки, не стоит! — заявил бравый солдат. — На завтра в Линьи мы стерли пруссаков в порошок. Осколок ядра задел меня по ноге и вскрыл артерию. Фонтан был высотой с печную трубу, в полминуты я потерял целый котел крови. Тут бы мне и конец, но я с быстротой молнии обмотал ногу кушаком, вырвал у мертвого пруссака штык и соорудил турникет. Кровь перестала течь, и я спасся. Но, *sacre bleu*, господа, сколько крови я потерял! С тех пор я и хожу бледный, как тарелка. Ну да ничего. Не страшно. Эта кровь пролита за правое дело, господа. — Он снова приложился к бутылке *vin ordinaire*.

В продолжение этой речи маркиз отрешенно закрыл глаза, словно собеседник вызывал у него неодолимое отвращение.

— Гарсон, — бросил через плечо офицер, — кто прибыл в дорожной карете, что стоит посреди двора? Темно-желтой с черным, на дверце герб в виде красного аиста?

Официант не знал. Офицер помрачнел, и, казалось, отрешился от общей беседы. Внезапно его потухший взгляд загорелся, остановившись на мне.

— Прошу прощения, сударь, — сказал он. — Не вы ли нынче вечером вместе со мной разглядывали эту карету? Не знаете ли, кто в ней приехал?

— Полагаю, граф и графиня де Сен-Алир.

— Они остановились здесь, в «Прекрасной Звезде»?

— Их номер наверху, — ответил я.

Он вскочил, едва не опрокинув стул, но тотчас сел, вполголоса выругавшись.

Я не мог понять, испугался он или разозлился.

Я обернулся к маркизу, но он исчез. Постояльцы один за другим вставали из-за стола; вскоре ужин закончился.

Ночь выдалась прохладная, в очаге тлела пара крупных поленьев. Возле камина стояло большое резное кресло с высокой спинкой; по всей видимости, оно знавало времена Генриха IV. Я опустил в него.

— Гарсон, — позвал я. — Вы, случаем, не знаете, кто этот офицер?

— Полковник Гайяр.

— Он часто бывает здесь?

— Заезжал как-то на недельку, год назад.

— В жизни не видал такого бледного лица.

— Да уж точно. Его иногда принимают за привидение.

— У вас есть бутылка хорошего бургундского? — Лучшее во Франции, сударь.

— Подайте ее сюда. И стакан. Могу я посидеть полчасика?

— Разумеется.

Я удобно устроился у очага. Вино было отличное, и мысли мои приняли романтический оборот. «О, прелестная графиня! Прелестная графиня! Суждено ли мне узнать вас ближе?»

Глава 6. Шпага обнажена

Если человек скакал без передышки целый день, обозревая с каждого холма все новые виды, если он доволен собой и его ничто не тревожит, если он плотно поужинал и удобно устроился в кресле у камина, никто не упрекнет его за то, что он на минуту вздремнул.

В четвертый раз наполнив стакан, я внезапно заснул. Голова моя свесилась на грудь, шея затекла; и верно говорят, что французская кухня не способствует приятным сновидениям.

Мне снилось, что я нахожусь в огромном темном соборе. Свет падал лишь от четырех тонких свечек, стоявших по углам высокого помоста, занавешенного черным. На нем под черным покрывалом лежало мертвое тело графини де Сен-Алир. В соборе было пусто и холодно, тусклое пламя свечей едва разгоняло темноту. Собор был по-готически унылым. Моя фантазия наполняла сумрачную мглу ужасными видениями. На каменных плитах прохода мне слышались шаги двух человек. Им вторило гулкое эхо, подчеркивавшее громадные размеры храма. На меня навалилось предчувствие чего-то ужасного; вдруг тело, неподвижно лежавшее на катафалке, произнесло ледяным шепотом: «Спасите! Меня хоронят заживо». Я хотел пошевелиться, но не смог. Меня сковал страх.

Из темноты появились двое, те самые, чьи шаги я слышал. Один из вошедших, граф де Сен-Алир, подложил под голову графини длинные тощие руки. Другой, мертвенно-бледный полковник со шрамом, светился адским торжеством. Он обхватил графиню за ноги, и они

приподняли тело. Нечеловеческим усилием я разбил сковавшие меня чары и с криком вскочил на ноги.

Я проснулся; на меня смотрело бледное, как смерть, злобное лицо полковника.

— Где она? — выпалил я.

— Это смотря о ком вы говорите, сударь, — ответил полковник.

— О небо! — Озираясь, я хватал ртом воздух.

Полковник, смерив меня саркастическим взглядом, вернулся к недопитой чашке *safe poir*, распространявшей приятный аромат бренди.

Я задремал и видел сон, а проснувшись, не сразу понял, где я нахожусь, пояснил я, с трудом сдержав более крепкие выражения, просившиеся на язык.

— Вы тот самый господин, что занимает комнату над номером графа и графини де Сен-Алир? — Он задумчиво прикрыл один глаз.

— Полагаю, да, — ответил я.

— Что ж, юноша, как бы однажды ночью вам не приснился куда более страшный сон, — загадочно бросил полковник и захохотал. — Куда страшнее, — повторил он.

— Что вы имеете в виду?

— А вот это я сам хотел бы знать, — ответил полковник. — И я добьюсь правды. Если уж я ухватился за кончик нити, то, как она ни вейся, туда-сюда, туда-сюда, я ее, мало-помалу распутаю, дознаюсь, что тут кроется. Таков уж я — хитер, как пять лисиц, всегда начеку, как ласка! Черт возьми, вздумай я заделаться шпионом, мог бы состояние сколотить. Хорошее тут вино? — Он с подозрением взглянул на мою бутылку.

— Отличное, — ответил я. — Не выпьете ли стаканчик?

Он выбрал самый большой стакан, церемонно поклонился и медленно осушил его.

— Тьфу! Совсем не то, что надо, — заявил он, наполняя его снова. — Попросили бы меня, я бы знал, что заказать; они бы не осмелились принести вам это пойло!

Я поспешил поскорее, насколько позволяла вежливость, отделаться от этого человека и, надев шляпу, вышел на улицу, не имея при себе другого спутника, кроме крепкой трости. Я завернул во двор и поднял мечтательный взгляд на окна графини — они были закрыты. На мою долю не выпало даже слабого утешения — полюбоваться светом в ее окнах, представить, что в этот самый миг моя прекрасная незнакомка пишет письмо, или читает, или просто сидит и думает... о ком?

Я мужественно снес это испытание и решил немного прогуляться по городу. Не стану утомлять читателя описаниями лунного света и прочих красот; вам и так ясно, о чем раздумывает юноша, с первого взгляда влюбившийся в прелестное лицо. Скажу только, что через полчаса, возвращаясь с прогулки окольным путем, я очутился на небольшой площади, обрамленной высокими домами. Посреди нее на пьедестале возвышалась древняя статуя из грубого камня, иссеченная ветрами многих столетий. Этой статуей любовался высокий стройный мужчина. Я тотчас узнал его — это был маркиз д'Армонвилль. Он тоже заметил меня, подошел и со смехом пожал плечами:

— Удивляетесь, что месье Дроквилль среди ночи любуется старинными камнями? Чем не займешься, лишь бы убить время. Вы, вижу, тоже страдаете от скуки. Ох уж эти заштатные городки! До чего же тоскливо в них жить! Я даже готов пожалеть, что когда-то свел дружбу с одним человеком, поскольку теперь эта дружба обрекла меня на прозябание в захолустном городишке. Вы отправляетесь в Париж утром?

— Я уже заказал лошадей.

— Что до меня, я вынужден ждать либо письма, либо прибытия одного моего знакомого. Трудно сказать, когда это случится.

— Могут ли быть вам полезен? — начал я.

— Нет, сударь, тысяча благодарностей. Роли давно распределены. Я всего лишь актер-любитель, и только дружеские чувства заставили меня принять участие в этом спектакле.

Мы медленно шли в сторону «Прекрасной Звезды». Он рассыпался в благодарностях еще некоторое время, затем наступило молчание. Я спросил, знает ли он полковника Гайяра.

— О да, разумеется. Он немного не в своем уме — давняя рана в голову. Страдает галлюцинациями — мерещится черт знает что. Довел все военное министерство до белого каления. Ему подыскивали какое-то занятие, естественно, не в действующей армии, но в эту войну Наполеон, у которого каждый солдат был на счету, поставил его командовать полком. Дерется он отчаянно, а такие люди нужны императору.

В городке была еще одна гостиница — «Французское Экю». Возле ее дверей маркиз остановился, пожелал мне доброй ночи и исчез.

Я медленно побрел к гостинице. Под сенью тополей я встретил официанта, подававшего мне в гостинице бутылку бургундского, и решил расспросить его о полковнике.

— Вы сказали, что полковник Гайяр однажды прожил у вас неделю.

— Да, господин.

— Как, по-вашему, он в своем уме?

Юноша выпучил глаза.

— Вполне.

— А за ним когда-нибудь замечались странные выходки?

— Ни разу, господин. Иногда, правда, бывает немного шумноват, но в целом это очень здравомыслящий человек.

— И что я должен думать? — пробормотал я, направляясь дальше. Вскоре вдали показались огни «Прекрасной Звезды». Возле дверей, в полосе лунного света, стояла карета, запряженная четверкой лошадей. В вестибюле шла яростная перебранка, в которой громче других раздавался голос полковника Гайяра.

Молодежь нередко с удовольствием наблюдает чужие ссоры. Однако чутье подсказало мне, что на этот раз мне не удастся остаться в стороне. Я ворвался в вестибюль. Главным героем в этом спектакле был, несомненно, полковник. Лицом к лицу с ним стоял старый граф де Сен-Алир в дорожном костюме; лицо его, как обычно, скрывал черный шелковый шарф. Полковник преграждал ему путь к экипажу. Чуть позади графиня в дорожном платье и черной вуали держала в руках белую розу. Полковник воплощал собой дьявольскую злобу и ненависть: на лбу его вздулись жилы, глаза выкатывались из орбит. Он выкрикивал страшные проклятия, скрипел зубами, на губах выступила пена. Вдруг он выхватил шпагу.

Хозяин гостиницы безуспешно пытался успокоить разъяренного постояльца. Два официанта, бледные от страха, беспомощно дрожали в стороне. Полковник визжал, топал ногами и размахивал обнаженной шпагой.

— Ах вы, кровавые хищные птицы! Как я вас сразу не узнал! Вот не думал, что у вас хватит наглости ездить по людным дорогами жить в гостиницах, под одной крышей с честными людьми! Вы... вы оба... вампиры, волки, упыри! Зовите жандармов, говорю вам! Попробуйте только шаг сделать к двери! Клянусь святым Петром я всеми дьяволами, отрублю вам головы!

На миг я застыл от изумления. Вот это да! Я подошел к даме — она в отчаянии оперлась на мою руку.

— О! Месье! — прошептала она. — Что это за безумец? Что нам делать? Он нас не пускает; он убьет моего мужа!

— Не бойтесь, мадам, — с романтической горячностью ответил я и встал между графом и Гайяром. Тот извергал ругательства. — Придержи язык и убирайся с дороги, грубиян, трус, невежа! — крикнул я.

Леди тихо ахнула, вознаградив меня за храбрость. Обезумевший вояка на миг изумленно замер, потом взмахнул шпагой, намереваясь разрубить меня пополам.

Глава 7.

Белая роза

Однако я оказался проворнее. Когда полковник, не видя ничего перед собой, замахнулся шпагой, я схватил трость и ударил его в висок тяжелым набалдашником. Он

пошатнулся; я нанес еще один удар — он замертво рухнул на пол.

Меня захлестнула целая буря чувств, одновременно воинственных и радостных. В этот миг я не дал бы за жизнь полковника и ломаного гроша. Я переломил шпагу полковника пополам и выбросил обломки на улицу. Старый граф де Сен-Алир опустил глаза и, никого не поблагодарив, проворно ускользнул — бочком, бочком, в дверь, по лестнице, в карету. Я тотчас же оказался возле графини, брошенной на произвол судьбы, предложил ей руку и проводил к карете. Она вошла; я захлопнул дверцу. Никто не произнес ни слова. Я хотел спросить, не угодно ли графине дать мне какое-либо поручение. Рука моя легла на нижний край открытого окна.

Графиня робко накрыла мою руку ладонью. Едва не касаясь губами моей щеки, она торопливо шепнула:

— Может быть, я больше не увижу вас, но никогда, никогда не забуду. Прощайте. Бога ради, прощайте!

Я на мгновение сжал ее руку. Дрожащими пальцами она вложила мне в ладонь белую розу, которую прижимала к груди в продолжение трагической сцены.

Граф ничего не заметил — яростно чертыхаясь, он отдавал приказания слугам. Те еле двигались, будто оглушенные — дикое происшествие в вестибюле и мой ловкий выпад выбили их из колеи. Теперь, когда опасность миновала, они проворно вскочили на лошадей. Форейторы взмахнули кнутами, лошади рысью рванулись с места, и карета покатилась по тихой улочке в сторону Парижа, унося с собой мое самое драгоценное сокровище.

Я глядел вслед, пока экипаж не скрылся из виду.

С глубоким вздохом я спрятал на груди белую розу — прощальный залог любви, драгоценный тайный дар. Ничей нескромный взор не заметил, как она передала его мне.

Стараниями владельца гостиницы и его помощников раненый герой сотни боев был поднят с пола и водружен около стены. Для устойчивости его с двух сторон подперли чемоданами, влили в горло стакан бренди, не забыв включить его в счет. Впервые в жизни эта могучая глотка не сумела проглотить божественный напиток.

Послали за доктором. В этом городке практиковал бывший военный хирург, проворный лысый человечек в очках, после битвы при Эйлау отрезавший, по собственным подсчетам, восемьдесят семь ног и рук. Не так давно он ушел в отставку и, имея при себе лишь шпагу, пилу, пластырь да воспоминания о былой славе, поселился в родном городе. Осмотрев проломленный череп храброго полковника, сей эскулап пришел к выводу, что герой потерпел сильное сотрясение мозга и теперь будет вынужден продемонстрировать все свои хваленые способности к самозаживлению, причем менее чем двумя неделями в постели он не отделается.

У меня мурашки поползли по коже. Мне отнюдь не улыбалось, чтобы увеселительная поездка, в которой я намеревался срывать банки, разбивать сердца, но пришлось, как видите, разбивать головы, окончилась на виселице или на гильотине — я не знал, какое именно устройство узаконено теперь для смертной казни, слишком уж часто менялась политическая обстановка.

Апоплексически хрипящего полковника перенесли в комнату.

В дверях столовой меня ждал хозяин. Я хорошо знал важное правило: если вам довелось применить силу, то, сколь бы вескими ни были ваши оправдания, забудьте об экономии. Лучше превысить черту благоразумия в сто раз, чем оказаться хоть на йоту ниже нее. Поэтому я заказал бутылку самого лучшего вина, усадил хозяина за стол и щедро наливал ему в пропорции два стакана к одному своему. Затем выразил надежду, что он не откажется принять небольшой сувенир от гостя, восхищенного пребыванием в сей славной гостинице, и вложил ему в руку тридцать пять наполеондоров. При виде кошелька настроение хозяина, до той поры отнюдь не благосклонное, мгновенно переменялось к лучшему. Он проворно опустил монеты в карман, рассыпался в благодарностях, и я понял, что теперь между нами установились самые добрые отношения.

Я тотчас же завел разговор о разбитой голове полковника. Мы сошлись во мнении, что,

если бы я не пристукнул его слегка своей тросточкой, он бы обезглавил половину постояльцев «Прекрасной Звезды». И каждый слуга в заведении готов был клятвенно подтвердить то же самое.

Читатель легко догадается, что в моем стремлении поскорее отбыть в Париж мною руководила отнюдь не только боязнь судебного преследования. Судите сами, в какое отчаяние я пришел, когда выяснилось, что нынче вечером в городке ни за какие деньги нельзя раздобыть лошадей. Последнюю пару в гостинице «Французское Экю» нанял некий господин, столовавший в «Прекрасной Звезде». Ему необходимо отбыть в Париж немедленно.

Кто же этот господин? Уехал ли он уже? И нельзя ли уговорить его обождать до утра?

Господин этот находится у себя в номере, собирает вещи, был ответ. Зовут его месье Дроквилль.

Я взбежал по лестнице. В комнате ждал Сен-Клер, мой слуга. При виде него мысли мои приняли другое направление.

— Ну, Сен-Клер, ты выяснил, кто такая эта леди? — спросил я.

— То ли жена, то ли дочь старого графа де Сен-Алира; нынче ночью его едва не изрубил в капусту тот самый генерал, кого вы, сударь, хвала Создателю, уложили в постель метким ударом.

— Придержи язык, болван! Тот человек просто напился вдрызг и зол на весь мир. При желании он бы рассказал... ну да ладно. Упакуй мои вещи. Ты знаешь, где комната месье Дроквилля?

Еще бы ему не знать; он всегда знал все на свете.

Полчаса спустя мы с месье Дроквиллем следовали в Париж в моей карете, запряженной его лошадьми. Я набрался храбрости и спросил маркиза д'Армонвилля о даме, сопровождавшей графа.

— Это и есть графиня? Или она его дочь?

— Не уверен. У графа в самом деле есть дочь от первого брака. Трудно сказать, кто эта очаровательная юная леди — может быть, дочь, а может, и жена. Сегодня я видел только самого графа.

Маркиз зевнул и вскоре крепко уснул. Я клевал носом, маркиз же спал как убитый. Он проснулся лишь на минуту-другую на следующей почтовой станции, куда, к счастью, заранее послал слугу заказать лошадей.

— Прошу простить, но собеседник из меня никудышный, — заметил он. — За последние шестьдесят часов я проспал всего часа два. Пожалуй, закажу здесь чашечку кофе. Рекомендую и вам, кофе здесь отменный. — Он заказал две чашки черного кофе. — Чашки мы оставим себе, — заявил он официанту, — и поднос тоже. Благодарю.

Он расплатился за все, взял небольшой поднос и протянул мне чашку кофе. Поднос он поставил на колени, соорудив что-то вроде небольшого столика.

— Терпеть не могу, когда у меня стоят над душой и поторапливают, — сказал он. — Кофе нужно пить не торопясь.

Я согласился. Кофе и вправду был хорош.

— Подобно вам, господин маркиз, я за последние две или три ночи спал очень мало и едва держусь на ногах. Этот кофе творит чудеса: я чувствую себя хорошо отдохнувшим.

Не успели мы выпить по половине чашки, как карета тронулась в путь. Крепкий кофе взбодрил нас, и мы разговорились.

Маркиз оказался человеком умным и чрезвычайно добродушным. Он подробно рассказал мне о парижской жизни, нравах горожан, предупредил об опасностях, грозящих новичку, и дал несколько весьма ценных практических советов.

Однако как ни развлекало меня красочное и остроумное повествование маркиза, я почувствовал, что меня снова одолевает дремота. Видя, что я засыпаю, маркиз понимающе замолчал. Допив кофе, он выбросил чашку в открытое окно и проделал то же самое с моей. Вскоре за ними последовал и поднос; я услышал, как они клацнули о дорогу — удачная находка для какого-нибудь раннего путника в деревянных башмаках,

Я откинулся на сиденье. Бесценный дар — белая роза — хранился у самого сердца, завернутый в бумагу. Я надеялся, что он навеет мне романтические сновидения. Меня все больше клонило в дремоту, однако настоящий сон никак не приходил. Из своего угла я, полускрыв глаза, хорошо видел всю внутреннюю часть кареты. Мне хотелось спать, однако барьер между бодрствованием и сном казался совершенно непреодолимым. Я погрузился в какое-то неизвестное доселе состояние — неопределимую расслабленность.

Маркиз раскрыл дорожный ящик для бумаг, достал из него лампу и повесил ее за крюк к противоположному окну. Затем надел очки, достал связку писем и принялся сосредоточенно их просматривать.

Мы ехали очень медленно. До сих пор на каждой станции я нанимал четверку лошадей, теперь же мы были рады, если удавалось раздобыть двух. Черепашья скорость нашего продвижения бесила меня. Мне надоело смотреть, как маркиз в очках размеренно читает письма, складывает, убирает, читает, складывает, убирает. Хотелось закрыть глаза, но какая-то сила не давала мне опустить веки. Я попытался еще раз — ничего не вышло.

Я хотел протереть глаза, но не сумел приподнять руку. Тело не повиновалось мне. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Как ни напрягал я волю — результат был таким, словно я пытался усилием мысли развернуть карету.

Меня охватил ужас. Такое состояние нельзя было объяснить просто дурным сном. Что за неведомая болезнь овладела мною?

Трудно было смотреть, как мой невозмутимый спутник продолжает как ни в чем ни бывало читать письма, тогда как ему ничего не стоило бы разогнать мои страхи, просто встряхнув меня за плечо. Я напряг все силы, чтобы окликнуть его; ничего не вышло. Маркиз перевязал письма ленточкой и выглянул из окна, насвистывая мелодию из какой-то оперы. Затем обернулся ко мне:

— Огни уже видны; через две-три минуты будем на месте.

Он внимательнее всмотрелся в мое лицо и улыбнулся:

— Бедный мальчик, как крепко он спит! Должно быть, очень устал. Что ж, пусть поспит; когда карета остановится, он проснется.

Затем сложил письма в сумку, убрал очки в карман и снова выглянул, из окна.

Мы въехали в небольшой городок. Было, должно быть, часа два пополудни. Карета остановилась. Я видел, как отворилась дверь гостиницы; внутри горел свет.

— Вот и прибыли! — весело воскликнул мой спутник.

Но я не проснулся.

— Как он устал! — произнес маркиз, не дождавшись ответа.

Мой слуга распахнул дверцу кареты.

— Ваш хозяин крепко спит. Он так устал! Не стоит будить его. Пока меняют лошадей, мы с вами зайдем в таверну, подкрепимся и закажем что-нибудь месье Беккету. Когда он проснется, наверняка захочет есть.

Он поправил фитиль лампы, подлил масла и, стараясь не побеспокоить меня, вышел. Я слышал, как они с Сен-Клером входят в таверну, а сам в том же самом непонятном состоянии остался сидеть в углу кареты.

Глава 8.

Ночной визитер

Мне доводилось испытывать сильную физическую боль, но ни разу в жизни я, слава Богу, не попадал в столь унижительное положение. Искренне надеюсь, что состояние это ни в коей мере не напоминает смерть, ожидающую всех нас в конце пути. Я превратился в дух, заключенный в темницу, мучения мои были безмолвны и неподвижны. Странное оцепенение не затронуло моих мыслей. В мозгу колотился слепой ужас: чем все это кончится? Может быть, я умер? Я прекрасно воспринимал все окружающее. Я видел и слышал отчетливее, чем когда-либо в жизни. Просто тело мне не повиновалось.

Я уже сказал, что маркиз д'Армонвилль, удаляясь в сельскую таверну, не погасил лампы в карете. Я внимательно прислушивался, ожидая его возвращения — может быть, по счастливой случайности, он пробудит меня от каталепсии.

Ни звук шагов, ни даже малейший шорох не предупредили меня о приближении незнакомца. Дверь кареты внезапно распахнулась, в карету вошел совершенно неизвестный мне человек. Лампа горела ярко, как восковая свеча, и я хорошо разглядел вошедшего. Он был молод, одет в темно-серый свободный плащ с капюшоном. На мгновение мне показалось, что под капюшоном блеснул золотой околыш офицерской фуражки; и, без сомнения, я разглядел на манжетах, выглядывавших из рукавов широкого плаща, армейские галуны и пуговицы. У юноши были густые усы и бородка-эспаньолка; щеку и губу пересекал широкий красный шрам.

Он тихо прикрыл дверь и сел рядом со мной. Все произошло в мгновение ока: он склонился ко мне и, прикрыв глаза от света, внимательно всмотрелся в мое лицо.

Незнакомец двигался бесшумно, как привидение. Жесты его были исполнены решительности, говорившей, что действует он не наобум, а по тщательно продуманному плану. Я не сомневался, что он замыслил недоброе. Ограбить меня, а может быть, и убить. А я был беспомощен и неподвижен, как покойник. Он запустил руку в мой нагрудный карман, извлек драгоценную белую розу и пакет с письмами, среди которых было одно, весьма важное для меня.

Негодяй едва взглянул на мои письма — он искал явно не их. Белая роза тоже не вызвала у него интереса. Его заботила та самая бумага — развернув ее, он достал карандаш и принялся быстро переписывать ее содержание в блокнот. Действовал он бесшумно, с невозмутимой поспешностью, какая вырабатывается, подумал я, за долгие годы службы в полиции.

Он уложил мои бумаги в том же порядке, в каком их нашел, сунул обратно в боковой карман и исчез.

Все заняло не более трех минут. Вскоре после исчезновения незнакомца послышался голос маркиза. Он вошел, взглянул на меня и улыбнулся. Мне подумалось, что он даже немного завидует моему крепкому сну. О, если бы он знал, что со мной приключилось! Он снова принялся просматривать письма при свете лампы, той самой, что минуту назад помогала незнакомцу в его шпионском деле.

Мы выбрались из города, двигаясь по-прежнему довольно медленно. Когда место происшествия осталось в двух лигах позади, я почувствовал странную пульсацию в ухе, словно воздух проходил через него в горло. Мне казалось, что где-то глубоко в голове набухает и лопается воздушный пузырь. Напряжение в мозгу внезапно спало; в голове гудело, по телу распространялось странное покалывание, какое бывает в ноге, когда она затекает. Я вскрикнул, приподнялся на сиденье и рухнул обратно. Тело дрожало от чудовищной слабости.

Маркиз внимательно посмотрел на меня, взял за руку и спросил, не болен ли я. В ответ я лишь застонал.

Постепенно я пришел в себя и сумел еле слышным голосом рассказать маркизу о припадке страшной болезни. Затем я описал, что случилось со мной и моими письмами во время его отсутствия.

— Боже милостивый, — воскликнул маркиз. — Этот злодей не заглядывал в мой ящик с бумагами?

Я заверил его, что нет. Он поставил ящик на сиденье и тщательно проверил содержимое.

— Слава Богу, все на месте, — пробормотал он. — Здесь есть с полдюжины писем, которые нельзя читать никому.

Успокоившись относительно писем, маркиз с участием расспросил меня о странной болезни. Выслушав мой рассказ, он заметил:

— У моего друга был однажды примерно такой же приступ. Это случилось на борту

корабля; перед тем мой друг перенес сильное смятение. Он был храбрец, вроде вас; события потребовали от него напряжения всей силы и смелости. Час или два спустя он почувствовал глубокую усталость; окружающим казалось, что он крепко уснул. На самом же деле он погрузился в некое странное состояние, которое по пробуждении описывал теми же словами, что и вы.

— Рад слышать, что моя болезнь не единична. У вашего друга бывали повторные приступы?

— Я был знаком с ним много лет и ни разу не слышал о повторении. Что меня удивляет, так это совпадение условий, предшествовавших приступу. Неожданная рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть с таким опытным противником, как обезумевший драгунский полковник, последующая глубокая усталость. Затем вы, как и мой друг, попытались уснуть.

— Хотел бы я знать, — продолжил маркиз, немного помолчав, — кто был тот негодяй. Что читал ваши письма. Возвращаться нет смысла — мы ничего не выясним. У таких пройдох всегда все шито-крыто. Полагаю, во всяком случае, что это был агент полиции. Будь это простой разбойник, он обязательно ограбил бы вас.

Я чувствовал ужасную слабость и почти не принимал участия в беседе, но маркиз был сама разговорчивость.

— Мы так подружились, — сказал он наконец. — Должен напомнить, что в настоящее время я не маркиз д'Армонвиль, а просто месье Дроквилль. По прибытии в Париж нам не придется встречаться часто, однако я смогу быть вам полезен. Пожалуйста, назовите отель, в котором вы намерены остановиться. Маркиз, как вам известно, находится в отъезде, поэтому в Отеле д'Армонвилль обитают только двое-трое старых слуг, которым нельзя встречаться с месье Дроквиллем. Однако месье Дроквилль сумеет устроить так, что ложа господина маркиза в Опере будет открыта для вас, равно как и менее доступные места. Как только дипломатическая миссия маркиза д'Армонвиля будет закончена и он сможет открыто появляться на людях, друзья его будут обязаны сдержать данное ими обещание и осенью навестить маркиза в его замке Шато-д'Армонвилль.

Я горячо поблагодарил маркиза. Чем ближе мы подъезжали к Парижу, тем ценнее казалось мне его покровительство. Этот человек проявил ко мне, фактически случайному встречному, глубокий доброжелательный интерес; доброе слово, сказанное им, может выручить меня в трудную минуту. Будущие каникулы рисовались мне в самых радужных тонах.

Маркиз являл собой воплощенную любезность. Пока я рассыпался в благодарностях, карета внезапно остановилась у ворот, за которыми нас ожидала свежая упряжка лошадей. Здесь, как выяснилось, наши пути должны были разойтись.

Глава 9.

Слухи и советы

Мое бурное путешествие наконец завершилось. Я сидел возле раскрытого окна в роскошном номере отеля и любовался беспокойным кипением парижской жизни, быстро вернувшейся после недавних потрясений к привычной веселой суете. Все вы читали о революциях, сопровождавших крах Наполеона и вторую реставрацию Бурбонов. Поэтому не стану повторяться и описывать собственные парижские впечатления, тем более что сейчас, по прошествии многих лет, я почти все забыл. То была моя первая поездка в Париж. И, хоть с тех пор я бывал там много раз, никогда эта взбалмошная столица не представляла передо мной в таком блеске, кипении и красе.

Я пробыл в Париже два дня, любовался красотой его улиц и площадей и ни разу не столкнулся с высокомерной грубостью обозленных офицеров разбитой французской армии, о которой меня не раз предупреждали.

Должен добавить, что я бродил по городу и осматривал многочисленные

достопримечательности не без задней мысли. Романтическое увлечение полностью овладело мной, и я втайне лелеял надежду встретить где-нибудь на улицах, в парках или галереях предмет моего тайного обожания.

Однако, как я ни искал, нигде мне не встретилось ни единого упоминания о графе или графине де Сен-Алир; маркиз д'Армонвилль также не подавал весточки. Я полностью оправился от странного ночного недомогания; подобные приступы больше не повторялись.

Наступил вечер. Я начал опасаться, что мой высокородный знакомый совсем забыл обо мне, когда слуга принес визитную карточку ме-сье Дроквилля. Я велел поскорее пригласить этого господина ко мне.

Вскоре маркиз д'Армонвилль, любезный, как всегда, постучал в мою дверь. Мы обменялись положенными приветствиями.

— Я теперь ночная пташка, — заявил маркиз. — Днем стараюсь держаться в тени и едва отваживаюсь выезжать в закрытом экипаже. Так распорядились друзья, возложившие на меня тайное поручение. Они считают, что, если меня узнает кто-либо в Париже, все погибло. Для начала разрешите вручить вам билеты в мою ложу. Я нахожусь в столь затруднительных обстоятельствах, что не смогу воспользоваться ею ранее, чем через две недели. На время отсутствия я велел секретарю каждый вечер предоставлять мою ложу в распоряжение того из друзей, кто раньше обратится с просьбой, и, как видите, на мою долю осталось не так уж много вечеров.

Я горячо поблагодарил его.

— А теперь разрешите дать еще одно наставление. Вы, должно быть, прибыли сюда без рекомендательных писем?

Я достал с полдюжины конвертов. Маркиз внимательно просмотрел адреса.

— Уберите эти бумаги подальше, — заявил он. — Я сам отведу вас в нужные дома и представлю хозяевам. Один надежный друг стоит дюжины рекомендательных писем. А до тех пор не заводите никаких знакомств, особенно сердечных. Вы, молодежь, предпочитаете сначала отведать всех общедоступных развлечений большого города, а лишь затем утруждать себя налаживанием светских контактов. Вот и поразвлекайтесь для начала. Это займет вас по меньшей мере на три недели. А затем я освобожусь от своих обязательств и смогу ввести вас в повседневную светскую жизнь, блестящую, но сравнительно тихую. Положитесь на меня и запомните: попав однажды в высшее общество Парижа, вы останетесь в нем навсегда.

Я поблагодарил маркиза и сказал, что буду в точности следовать его указаниям.

— А теперь, — добавил он, — я расскажу, где вам необходимо побывать. Достаньте карту и помечайте цифрами места, которые я назову. Мы составим небольшой список. Там действительно есть что посмотреть.

Пересыпая свою речь забавными и пикантными анекдотами, маркиз д'Армонвилль методично перечислял наиболее достойные внимания достопримечательности Парижа. Вскоре я стал обладателем подробного путеводителя, весьма ценного для такого искателя развлечений, как я.

— Через две недели, а может быть, и раньше, — сказал маркиз, — я освобожусь от службы и тогда смогу быть вам по-настоящему полезен. А до тех пор позаботьтесь о себе сами. Ни в коем случае не играйте: вас непременно обчистят. Не забывайте, вас окружают мошенники и негодяи; они на редкость ловко умеют втираться в доверие, а деньги доверчивых иностранцев — единственный источник их существования. Не доверяйте никому, кроме самого себя.

Я еще раз поблагодарил маркиза и пообещал прислушаться к его советам. Но сердце мое было переполнено мыслями о прекрасной графине; мог ли я распрощаться с маркизом, не попытавшись узнать что-нибудь о ней? Я спросил нового друга о графе и графине де Сен-Алир, которых мне посчастливилось вызволить из весьма неприятного происшествия в придорожной гостинице.

Увы! С тех пор маркиз не видел их и не знал, где они остановились. Граф и графиня

владели старинным особняком неподалеку от Парижа, однако маркиз полагал, что они на несколько дней задержатся в городе, поскольку после длительного отсутствия хозяев дом должен быть подготовлен к встрече.

— И как долго они отсутствовали?

— Около восьми месяцев.

— Вы говорили, они небогаты?

— У вас они считались бы небогатыми. Однако, сударь, в этой стране все дешевле, чем в Англии; граф и графиня ведут спокойную жизнь вдали от большого света, и скромный годовой доход позволяет им жить весьма комфортабельно и даже роскошно.

— Значит, они счастливы?

— Я бы сказал, могут быть счастливы.

— Но что же им мешает?

— Граф ревнив.

— А что жена — дает ему повод?

— Боюсь, что да,

— Каким же образом?

— Мне всегда казалось, что она слишком... очень даже слишком...

— Слишком что, сударь?

— Слишком красива. Но, несмотря на изумительные глаза, тонкие черты лица и точеную фигурку, я никогда не сомневался, что она женщина глубоко порядочная. Вам не доводилось встречаться с ней?

— Той ночью, когда я проломил голову грубияну в «Прекрасной Звезде», в вестибюле стояла дама в широком плаще и черной вуали, такой плотной, что я не смог разглядеть ее лица. — Как видите, я ответил дипломатично. — Может быть, то была дочь графа. Они часто ссорятся?

— Кто, граф с женой?

— Да.

— Бывает.

— А из-за чего?

— Это долгая история; поводом для ссор служат бриллианты графини. Очень дорогие — Ла Переллез оценивает их в миллион франков. Граф хочет продать их и перевести в ренту, которую она могла бы тратить по своему усмотрению. А графиня, их владелица, не желает их продавать, и причину этого нежелания она вряд ли когда-нибудь откроет графу.

— Но какая же тут причина? — я сгорал от любопытства.

— Мне кажется, она представляет, как хорошо будет смотреться в этих бриллиантах под руку со вторым мужем.

— Что? Ах, да. А граф де Сен-Алир — он хороший человек?

— Достойный восхищения и очень разумный.

— Я бы очень хотел быть представленным графу. Вы говорили, он так...

— Так удачно женат. Но они живут вдалеке от большого света. Время от времени он вывозит ее в Оперу или на публичные празднества, вот и все.

— Граф, должно быть, знает очень много о прежнем царствовании, помнит события революции?

— Да, он прекрасный собеседник для такого философа, как вы! К тому же после обеда граф ложится спать, а графиня любит прогуляться. Но, если говорить серьезно, граф давно удалился от шумного света и стал ко всему безразличен. Жена ему под стать — ничто, кажется, ее не интересует, даже... даже собственный муж!

Маркиз встал и собрался уходить.

— Не ставьте деньги на кон, — предупредил он на прощание еще раз. — Вскоре вам представится возможность очень выгодно вложить их. Через неделю-другую с молотка пойдут коллекции по-настоящему хороших картин. Они реквизированы у лиц, запятнавших себя участием в бонапартистской Реставрации. Вот тогда-то вы и покажете себя. На редкость

выгодные торги! Поберегите средства для них. Я дам вам знать. Кстати, — он остановился в дверях. — Чуть не забыл. Наследующей неделе состоится развлечение, каких вы в Англии почти не знаете, — грандиозный бал-маскарад в Версале. Там будет весь свет — уже сейчас билеты идут нарасхват. Но, надеюсь, я смогу достать вам приглашение. Доброй ночи! До свидания!

Глава 10. Черная вуаль

Я свободно говорил по-французски и мог не ограничивать себя в расходах — таким образом, ничто не мешало мне вкушать все развлечения, какие может предоставить Париж. Два дня пролетели, как одно мгновение. На третий день, приблизительно в тот же час, ко мне снова зашел месье Дроквилль.

Любезный и добродушный, как обычно, маркиз сообщил мне, что костюмированный бал назначен на следующую среду и что он заказал мне приглашение.

— Какая досада. Боюсь, что не смогу прийти, — ответил я.

Он нахмурился и впился в меня угрожающим взглядом. Я не мог понять, что его так разозлило. Помолчав, он сердито спросил:

— Не соблаговолите ли, месье Беккет, объяснить причину вашего отказа?

Я немного удивился, но ответил чистую правду: в этот вечер у меня назначена встреча с двумя-тремя приятелями из Англии, мне трудно им отказать.

— И только-то! Вы, англичане, странный народ: где ни окажетесь, везде ищите встречи с грубиянами-соотечественниками, пьете английское пиво и жуете бифштексы. Попад в незнакомую страну, вы только делаете вид, что пытаетесь изучать ее народ и обычаи, на деле же пьянствуете, курите и чертыхаетесь друг с другом и возвращаетесь на родину такими же неотесанными, какими уехали, словно и не путешествовали по миру, а ошивались на ярмарке где-нибудь близ Гринвича.

Он саркастически рассмеялся и испепелил меня взглядом.

— Вот оно, — он бросил приглашение на стол. — Примите или выбросьте, как вам заблагорассудится. Вижу, я старался напрасно. Но имейте в виду, что человек моего положения редко дает себе труд выхлопотать некоторые привилегии для случайного знакомого, вы же отвечаете на мою заботу черной неблагодарностью.

Я не мог стерпеть такую дерзость? Я почувствовал себя оскорбленным, но тотчас раскаялся. Я допустил оплошность, невольно нарушил правила хорошего тона, принятые во Франции, — согласно этим правилам, жестокие и недостойные упреки маркиза находят, видимо, вполне основательное оправдание.

Обуреваемый самыми противоречивыми чувствами, я поспешил принести маркизу извинений: В конце концов мне удалось умиротворить его, случайного друга, который был столь бескорыстно любезен. Я заверил его, что постараюсь, чего бы мне это ни стоило, отказаться от договоренности, которой столь неудачно связал себя; клялся, что не хотел его обидеть, а всего лишь сказал, не подумав, и сожалел, что никогда не сумею достойно отблагодарить маркиза за несказанную доброту.

— Молю вас, ни слова больше. Не скрою, я рассердился на вас, однако выразил свою обиду в чересчур сильных выражениях, которые вы, надеюсь, по доброте душевной простите. Друзья мои хорошо знают, что нередко я говорю куда больше, чем следует, а потом раскаиваюсь. Надеюсь, месье Беккет, вы забудете, что однажды месье Дроквилль на мгновение вышел из себя, и мы останемся столь же добрыми друзьями, как прежде.

Он улыбнулся и протянул руку. Я сердечно, с уважением пожал ее. Теперь он был прежним радушным месье Дроквиллем, с каким я познакомился в «Прекрасной Звезде».

Мимолетная ссора лишь крепче сдружила нас. Маркиз порекомендовал мне заранее снять комнату в одной из версальских гостиниц, так как впоследствии сделать это будет нелегко, и посоветовал съездить для этого в город завтра же, не откладывая.

Я заказал лошадей на одиннадцать часов утра. Побеседовав еще немного, маркиз д'Армонвилль пожелал мне доброй ночи и торопливо спустился по лестнице, прижимая к лицу носовой платок. Я выглянул из окна — он вскочил в закрытую карету и скрылся из виду.

Назавтра я был в Версале. Не успев даже постучать в дверь «Отель де Франс», я понял, что прибыл чересчур поздно.

Площадь перед входом была запружена экипажами, и я не мог даже подъехать к воротам. Оставалось только выйти из коляски и проталкиваться между лошадьми. В фойе толпились господа и слуги. И те, и другие во весь голос орали на владельца гостиницы, а тот, вращая обезумевшими глазами, уверял всех вместе и каждого в отдельности, что во всем отеле нет не только ни единой свободной комнаты, но даже чулана.

Я выскользнул на улицу, оставив охрипшую толпу тщетно взывать к хозяину в напрасной надежде, что тот, если захочет, сможет им помочь, а сам сел в коляску и что есть мочи помчался в «Отель дю Резервуар». Подходы к двери были забиты столь же плотно, как ив предыдущей гостинице. Внутри творилось то же самое. Это было очень досадно, но что оставалось делать?

Пока я в фойе беседовал с хозяином гостиницы, мой не в меру услужливый фореитор мало-помалу подгонял лошадей наместо отъезжавших экипажей, так что в конце концов коляска оказалась прямо у гостиничного крыльца.

При таком расположении мне было очень удобно сесть в нее, однако отъехать оказалось весьма затруднительно. Экипажи стояли впереди, позади, и от проезжей части улицы нас отделяло не меньше четырех плотных рядов.

В те годы я отличался довольно острым зрением. Если до той минуты меня снедало лишь нетерпение, то представьте себе мои чувства, когда я заметил в открытом ландо, проезжавшем по узкой свободной полосе на противоположной стороне улицы, графиню в черной вуали и ее мужа. Лошади их едва плелись шагом, потому что впереди неторопливо катилась тяжелая телега, занимавшая почти всю ширину улицы.

Разумнее всего было бы спрыгнуть на тротуар и бегом обогнуть плотную череду колясок, отделявших меня от ландо. Но, к сожалению, в душе я скорее Мюрат, нежели Мольтке, и предпочитаю действовать напрямик, а не полагаться на хитроумную тактику. Невероятным прыжком я вскочил на заднее сиденье коляски, стоявшей рядом с моей, кувырком преодолел кабриолет, ухитрившись не разбудить дремавшего в нем старика с собакой, перешагнув, рассыпаясь в бессвязных извинениях, через боковую стенку открытой кареты, потревожив жаркий спор четырех джентльменов, и, наконец, свалился ничком на спины пары лошадей, которые тотчас же рванулись вперед и сбросили меня лицом вниз в дорожную пыль.

Вероятно, зрители, не знавшие цели моих невообразимых акробатических упражнений, решили, что я сошел с ума. Шляпа моя сбилась набекрень, я был покрыт пылью с головы до ног. К счастью, ландо с семейством де Сен-Алир только что скрылось за поворотом, и мне не довелось предстать перед очами возлюбленной в столь непрезентабельном виде.

В бесплодных попытках счистить грязь с одежды носовым платком я мужественно выдержал обрушившуюся на меня бурю проклятий, перемежавшихся издевательским смехом, как вдруг знакомый голос окликнул:

— Месье Беккет!

Я оглянулся — из окна закрытого экипажа мне дружески махал маркиз. Я тотчас же подскочил к его карете.

— Похоже, в Версале вам делать нечего, — сказал он. — Вы, несомненно, сами поняли, что во всех гостиницах не найдется ни единой свободной койки, а я добавлю, что и во всем городе невозможно снять комнату. Но я нашел для вас кое-что подходящее. Велите слуге следовать за нами, а сами садитесь ко мне.

На наше счастье, в плотной череде экипажей открылся свободный проход, и моя коляска тотчас же воспользовалась им.

Я велел слуге следовать за каретой маркиза; мой друг отдал приказание кучеру, и мы тронулись в путь.

— Я отвезу вас в роскошное место, о существовании которого знает мало кто из парижан. Предвидя сегодняшний ажиотаж, я заранее заказал там комнату для вас. Эта гостиница, старинная и очень уютная, называется «Парящий Дракон». Вам повезло, что дела мои привели меня сюда в столь ранний час.

Миля через полторы мы добрались до дальней ограды дворца и выехали на старинную узкую дорогу. С одной стороны ее окаймлял версальский лес, с другой возвышались коренастые дубы такого могучего обхвата, какой редко встретишь во Франции.

Мы остановились возле старинного здания, выстроенного из крепкого темно-серого камня. Изысканная архитектура и богатая отделка фасада, какие нечасто употребляются при строительстве простых гостиниц, говорили о том, что первоначально здание это служило загородным особняком некой богатой особы. Знатное происхождение прежних владельцев подтверждали и многочисленные гербы на стене. Над дверями гостеприимно выдавался широкий портик, украшенный пышной лепниной; он был явно пристроен к дому позднее. Над ним сияла яркими красками барельефная вывеска гостиницы — летящий дракон, широко раскинувший багрово-красные с золотом крылья. Длинный хвост, бледно-зеленый с позолотой, свивался многочисленными кольцами, на конце его грозно сверкала остроконечная смертоносная стрела.

— Я не могу сопровождать вас; войдите, и, уверен, вам здесь понравится. Во всяком случае, это лучше, чем ничего. Я бы зашел вместе с вами, но мне необходимо сохранять инкогнито. Надеюсь, вам доставит удовольствие узнать, что в гостинице этой встречаются привидения. Я в вашем возрасте был бы рад услышать такое. Но не советую упоминать о призраках в присутствии хозяина — для него это больной вопрос. Прощайте. Если все же надумаете повеселиться на балу, рекомендую надеть домино. Я, пожалуй, загляну ненадолго; на мне будет такой же костюм. Но как нам узнать друг друга? Можно держать в руках условленные предметы, но это редко помогает — слишком многие приедут на бал с цветами. Положим, вы пришьете на костюм крест размером в пару дюймов — пусть он будет красным, как у святого Георгия, покровителя вашей страны — а я пришью белый крест. Отличная мысль! И вот что: входя в любую из зал, старайтесь держаться поближе к дверям. Проходя по комнатам, я буду высматривать вас возле дверей; и вы ищите меня там же. Таким образом мы вскоре найдем друг друга. Значит, договорились. Мне скучно ходить на балы, если меня не сопровождает юный спутник, от души радующийся всему, что он видит. Человек моих лет заражается весельем от молодых. Прощайте; встретимся вечером.

Я попрощался с маркизом, захлопнул дверцу, и карета тронулась.

Глава 11.

«Парящий дракон»

Я огляделся. Место было на редкость живописное. В ушах у меня до сих пор звенело от бурной парижской суеты, и величественная тишина густой дубравы, окружавшей старинное здание гостиницы, радовала мне душу.

С минуту-другую я изучал красочную вывеску, затем внимательно рассмотрел гостиничный фасад. Суровый и основательный, в моем представлении он ассоциировался скорее со старинным английским постоялым двором, в каком могли бы остановиться кентерберийские паломники Чосера, чем с галльским приютом развлечений. Единственной уступкой континентальной моде была круглая башенка под остроконечной крышей, венчающая левое крыло здания — такие можно встретить в любом французском шато.

Я вошел в фойе, назвал себя месье Беккетом и спросил, готова ли заказанная для меня комната.

Хозяин рассыпался в любезностях: еще бы, в его гостиницу пожаловал английский милорд, человек высокородный да к тому же с бездонным кошельком.

Меня проводили в номер. Комната оказалась просторная, правда, чуть мрачноватая, обставленная старинной тяжеловесной мебелью, со стенами, обшитыми темным деревом. У дальней стены чернел широкий камин с мраморной доской, украшенной гербами, в которых, питай я страсть к геральдике, можно было бы разглядеть родственные связи с гербовыми щитами на внешней стене. Обстановка комнаты, грустная, даже чуть тоскливая, составляла изысканный контраст с моим настроением. Я подошел к окну, обрамленному каменными колоннами. Внизу расстился небольшой парк, переходящий в густую лесную чащу, над которой возвышался изящный замок, весь как: бы составленный из круглых башенок, подобных той, какую я только что описал. И лес, и замок являли собой печальное зрелище. На них лежала печать упадка и заброшенности; весь вид дышал воспоминаниями о былом величии.

Я спросил хозяина, как называется замок.

— Это, сударь, Шато-де-ла-Карк, — был ответ.

— Жаль, что он содержится в таком небрежении, — заметил я. — Что, его владелец внезапно обеднел?

— Может, и так, сударь.

— Может? — переспросил я. — Стало быть, хозяев здесь не очень-то жалуют?

— Ни то, ни другое, сударь, — ответил он. — Богатства у него хватает, да какой в нем толк? Вот чего мы тут никак понять не можем.

— А кому принадлежит замок? — поинтересовался я.

— Графу де Сен-Алиру.

— Да? Самому графу? Вы уверены? — оживился я.

Настал черед трактирщика окинуть меня озадаченным взглядом.

— Разумеется, сударь, это замок графа де Сен-Алира.

— И часто он здесь появляется?

— Не очень, сударь, подолгу бывает в отлучках.

— Значит, он беден? — спросил я.

— Я снимаю у него этот дом. Арендная плата невелика, но он не терпит задержек с выплатой; похоже, ему трудно перебиться от срока до срока, — лукаво усмехнулся трактирщик.

— Однако, как я слышал, граф не впал в нищету? — продолжал я.

— Говорят, сударь, он играет. Не знаю. Во всяком случае, богатым его назвать нельзя. Месяцев семь назад где-то на краю земли скончался его дальний родственник. Тело его, согласно последней воле покойного, перевезли сюда и похоронили на кладбище Пер-Лашез. Граф сильно горевал, хотя, говорят, получил неплохое наследство. Но, похоже, деньги никогда не доводили его до добра.

— Он, наверно, немолод?

— Немолод? Слабо сказано! Мы зовем его Вечным Жидом, хотя тот был богат, а у этого в кармане не всегда найдется и пять су. Однако, сударь, душой он не стареет. Недавно женился на молодой красавице.

— А что она? — поинтересовался я.

— Она? Стала графиней де Сен-Алир.

— Да, конечно, но вы ведь можете рассказать о ней и побольше. Чем она знаменита?

— У нее масса достоинств, по крайней мере, три.

— Какие же?

— Красота, молодость и бриллианты.

Я рассмеялся. Старый пройдоха умело подогревал мое любопытство.

— Видно, дружище, — произнес я, — вы не хотите...

— ...ссориться с графом, — закончил он. — Видите ли, сударь, у него есть немало возможностей досадить мне, как, впрочем, и я могу пощекотать ему нервы. Однако пусть лучше каждый занимается своим делом. Худой мир лучше доброй ссоры. Верно?

Я понял, что не стоит и пытаться вытянуть из него хоть словечко. Впрочем, он,

возможно, и вправду ничего не знал. Однако не мешало бы испробовать, как подействуют на хитреца несколько наполеондоров. Может быть, он затеял эти увертки именно для того, чтобы вытянуть из меня монету-другую.

Владелец «Парящего Дракона», пожилой худощавый человек с умным загорелым лицом, держался решительно, с военной выправкой. Позже я узнал, что он под началом Наполеона участвовал в ранних итальянских кампаниях.

— Полагаю, вы ответите на один вопрос без риска навлечь на себя неприятности, — произнес я. — Где сейчас граф — дома?

— Я бы сказал, у него много домов, — уклончиво ответил хозяин. — Но, думаю, сударь, не ошибусь, если предположу, что в настоящее время он остановился в Шато-де-ла-Карк.

Я выглянул в окно. Лесистые окрестности замка внезапно вызвали во мне жгучий интерес.

— Сегодня я видел графа в Версале, он ехал в своем экипаже, — добавил я.

— Ничего удивительного.

— Значит, экипаж, лошади и слуги находятся в замке?

— Экипаж он оставляет здесь, сударь, а слуг нанимает от случая к случаю. В замке постоянно живет всего лишь один дворецкий. Как, должно быть, надоела госпоже графине такая жизнь, — заметил трактирщик.

«Ах, гнусный мошенник! — подумал я. — Надеется этими издевательствами вытянуть у бедняжки ее бриллианты. Несчастливая графиня! Как тяжело ей живется со старым ревнивцем и вымогателем». Произнеся про себя эту рыцарскую речь, я бросил взгляд на замок дамы моего сердца и тяжело вздохнул. Каким я был глупцом! И все же, если быть честными перед самими собой, становимся ли мы с годами умнее? По моему убеждению, с возрастом меняются лишь владеющие нами иллюзии, мы же остаемся прежними безумцами.

— Ну что, Сен-Клер, — спросил я вошедшего слугу, — нашел себе постель?

— Да, сударь, на чердаке, среди пауков и — *par ma foi* — кошек и сов. Но мы неплохо договорились. *Vive la bagatelle!*

— Вот не думал, что гостиница так переполнена.

— Тут поселились в основном слуги, чьим хозяевам посчастливилось найти себе пристанище в Версале.

— А что ты сам думаешь о «Парящем Драконе»?

— Парящий дракон, сударь? Мерзкое огнедышащее чудовище! Если правду говорят в народе, то это сам дьявол! Клянусь верой Христовой, сударь, в этом доме творятся бесовские штучки!

— Ты о чем говоришь? О призраках?

— Нет, сударь, кое о чем похуже. Призраки — это пустяки. Говорят, люди тут исчезают и никогда не возвращаются — проваливаются под землю прямо на глазах у полудюжины свидетелей.

— Что ты говоришь, Сен-Клер? Расскажи же подробнее об этих чудесах.

— Рассказывают, сударь, что в этой гостинице жил шталмейстер покойного короля — если помните, сударь, ему отрубили голову во время революции. Так вот, император позволил этому шталмейстеру вернуться во Францию, он поселился здесь и прожил с месяц, а потом исчез из виду, как я говорил, прямо на глазах у полудюжины надежнейших свидетелей. А еще здесь жил. Русский дворянин, шести футов росту. Однажды он стоял посреди комнаты, внизу, и описывал друзьям последние минуты жизни Петра Великого. В одной руке он держал стакан *eau de vie*, в другой — *tasse de cafe*, почти допитую, и точно так же исчез. Это видели семеро господ, на слово которых можно положиться. На полу, где он стоял, остались лишь сапоги. Господин, сидевший справа, вдруг заметил, что держит в руках ту самую чашку кофе, а господин, что сидел слева, — стакан *eau de vie*...

— И в смятении выпил его, — закончил я.

— Этот стакан хранили три года среди самых памятных вещей в доме, пока однажды

кюре, беседовавший с мадемуазель Фидон в комнате экономки, случайно не разбил его. А о русском дворянине никогда больше не слыхивали. Parbleu! Надеюсь, когда настанет наш черед выезжать из «Парящего Дракона», мы покинем его, как положено, через дверь. Мне, сударь, рассказал все это форейтор, что привез нас сюда.

— Ну, тогда это чистая правда! — рассмеялся я.

Однако суровый вид из окна и мрачная обстановка комнаты мало-помалу начали вселять в меня тревогу; в душу закрадывалось предчувствие чего-то недоброго. Шутка моя прозвучала невесело.

Глава 12. Прорицатель

Трудно вообразить зрелище более яркое, чем костюмированный бал. Среди салонов и галерей, предоставленных в распоряжение веселящейся публики, выделялась своим великолепием Большая Зеркальная галерея, освещенная в честь праздника четырьмя тысячами восковых свечей, чьи отражения многократно повторялись в десятках зеркал. Длинные анфилады салонов были заполнены гостями в самых разнообразных костюмах. Ни одна комната не пустовала. Повсюду звучала музыка, звенел смех, мелькали яркие костюмы, вспыхивали бриллианты. Маскарад был организован так тщательно, что напоминал непринужденное уличное веселье.

Никогда в жизни не бывал я на столь великолепном празднестве. Укрывшись за домино и маской, я беспечно бродил по залам, то присоединяясь к остроумной беседе, то подхватывая веселую песню, но в то же время внимательно смотрел по сторонам, дабы не пропустить моего друга в черном домино с белым крестом на груди.

Входя в двери, я, как и уговорился с маркизом, всякий раз останавливался, но его нигде не было.

Вдруг в одной из зал я заметил позолоченные носилки, или, точнее, китайский паланкин, украшенный с фантастическим великолепием. Его внесли на позолоченных шестах четыре китайца в вычурных нарядах. Еще один китаец со скипетром в руках маршировал впереди, его собрат замыкал шествие. Сбоку торжественно вышагивал тощий старик с длинной черной бородой, в высокой феске, какие носят дервиши. Старик был одет в длинный шелковый халат, расшитый причудливыми иероглифами. Черно-золотая вышивка резко выделялась на ярком многоцветье наряда. Халат был подпоясан широким золотым кушаком с красно-черными каббалистическими знаками. Завершали наряд старика красные чулки и шитые золотом туфли с загнутыми на восточный манер носами. Под мышкой он нес старинную книгу, в руке — полированный жезл из черного дерева. Смуглое лицо старика было сурово, широкие черные брови сошлись на переносице. Опустив голову, он сосредоточенно вглядывался в землю.

Китаец, шагавший впереди, повел рукой, и толпа расступилась, освобождая дорогу странному паланкину с опущенными занавесками. Таинственное шествие тотчас же заинтересовало меня.

К моей радости, носильщики опустили паланкин в нескольких ярдах от двери, возле которой стоял я. Глашатаи с золочеными жезлами хлопнули в ладоши и в полной тишине закружились вокруг паланкина в диковинном танце, рисунок которого был явно исполнен некоего глубокого смысла. Носильщики принялись аккомпанировать танцорам хлопками в ладоши и ритмичными выкриками. Я увлеченно созерцал танец, но тут моего локтя коснулась чья-то рука. Я обернулся — передо мной стоял человек в черном домино с белым крестом.

— Я так рад, что наконец нашел вас, — проговорил маркиз. — И как раз вовремя. Здесь происходит самое интересное событие бала. Вам непременно нужно поговорить с этим колдуном. Час назад я встретил их в другом салоне и беседовал с прорицателем. В жизни не встречал ничего более удивительного. Ответы его немного загадочны, но, тем не менее, ясно,

что ему известны такие подробности моего дела, о которых не знает никто, кроме меня да еще двоих-троих друзей, самых надежных людей во Франции. Можете представить себе мое потрясение. Я видел и других — все, кто общался с оракулом, были изумлены и напуганы не меньше меня. Попробуйте и вы. Кстати, со мной пришли граф и графиня де Сен-Алир. — Он кивком указал на худощавого человека в домино. Это был граф. — Пойдемте, — сказал маркиз. — Я вас представлю.

Я не заставил себя ждать.

Маркиз представил меня, как бы мимоходом сославшись на происшествие в «Прекрасной Звезде», где я так удачно выступил в защиту графа. Последний рассыпался в выражениях признательности и, к моей вящей радости, добавил:

— Графиня находится неподалеку от нас, в соседнем салоне, беседует с подругой, герцогиней д'Аржансак. Я приведу ее и познакомлю с вами. Еще раз благодарю за помощь, столь мужественную и своевременную.

— Вы непременно должны поговорить с прорицателем, — сказал маркиз графу де Сен-Алиру. — Вам понравится. Я уже общался с ним; смею вас уверить, я и представить себе не мог, что получу такие достоверные ответы! Не знаю, что и думать.

— В самом деле? Ну что ж, давайте попытаем счастья, — откликнулся граф.

Мы втроем приблизились к чернобородому магу, стоявшему возле паланкина. Мимо нас прошел юноша в испанском платье, только что побеседовавший с оракулом. Он удивленно говорил другу:

— Чрезвычайно остроумная мистификация! Интересно, кто сидит в паланкине? Похоже, он знает все обо всех!

Граф в домино и маске с видимой неохотой подошел к паланкину вместе с нами. Служители-китайцы окружили паланкин широким кольцом, и любопытствующая толпа наблюдала за происходящим с почтительного расстояния. Один из помощников, тот самый, что с золоченым жезлом в руке вышагивал впереди процессии, приблизился и протянул ладонь.

— Деньги? — спросил граф.

— Золото, — был ответ.

Граф опустил в ладонь несколько золотых монет, мы с маркизом последовали его примеру и были допущены в круг.

Заклинатель духов стоял возле паланкина, придерживая рукой шелковую занавеску и опираясь на черный посох. Он по-прежнему хмуро смотрел в землю, угольно-черная борода свисала почти до пояса. В лице не было ни кровинки. Никогда я не видел столь неподвижного лица, разве что у покойников.

Граф задал первый вопрос:

— Женат я или нет?

Чародей быстро откинул занавеску и склонился к китайцу в пышном платье, сидевшему в паланкине, затем выпрямился и снова задернул занавеску.

— Да.

Та же самая процедура повторялась после каждого вопроса, так что колдун с черным посохом оказался скорее медиумом, нежели прорицателем. Отвечал он словами некоего высшего существа.

Граф задал еще два или три вопроса. Ответы на них привели маркиза в восторг, которого я не разделял, так как почти ничего не знал о жизни и привычках графа.

— Любит ли меня жена? — игриво спросил граф.

— Насколько вы заслуживаете.

— А кого я люблю больше всех на свете?

— Себя.

— Ба! То же самое можно сказать о любом из живущих. Но, если не считать меня самого, есть ли на свете человек, которого я любил бы больше жены?

— Ее бриллианты.

— Ох! — только и смог вымолвить граф.

Маркиз тихо рассмеялся.

— Верно ли, — поинтересовался граф, поспешно меняя тему разговора, — что возле Неаполя была тяжелая битва?

— Нет, во Франции.

— Разумеется, — саркастически заметил граф, оглянувшись по сторонам. — А могу ли я узнать, кем были враждующие стороны и по какому поводу разгорелся бой?

— Между графом и графиней де Сен-Алир, по поводу документа, подписанного 25 июля 1811 года.

Впоследствии маркиз сообщил мне, что в этот день было подписано брачное соглашение графа и графини. Граф оторопело застыл; казалось, краска залила не только его лицо, но даже и маску. Ни один человек, кроме нас двоих, не знал, что вопросы задавал не кто иной, как граф де Сен-Алир.

Граф изо всех сил пытался придумать тему для следующего вопроса; похоже, он раскаивался, что дал втянуть себя в такое сомнительное предприятие. К его облегчению, маркиз тронул его за рукав и прошептал:

— Взгляните направо, посмотрите, кто идет.

Я обернулся — к нам приближалась высокая изможденная фигура. Этот человек не носил маскарадного костюма. Широкое, бледное, как смерть, лицо пересекалось багровым шрамом. Короче, это был полковник Гайяр собственной персоной, в мундире капрала императорской гвардии. Левую руку он согнул так, чтобы она напоминала обрубок, и приколот пустой рукав к груди. В том месте, куда пришелся удар моей трости, бровь и висок пересекали вполне настоящие полосы пластыря. Стало быть, к почетным военным шрамам полковника добавились и отметины, оставленные моей рукой.

Глава 13.

Удивительное сообщение оракула

На миг я даже забыл, что домино и маска надежно защищают меня от тяжелого взгляда старого вояки, и приготовился к ссоре. Граф де Сен-Алир благоразумно отступил на шаг. Наш друг в синем капральском мундире, белом жилете и белых гамахах, войдя в роль, держался не менее буйно и заносчиво, чем в реальной жизни. Его уже дважды собирались выставить за дверь за чересчур громкое восхваление подвигов великого Наполеона, сопровождавшееся грозными ужимками, после чего он едва не вступил в рукопашную схватку с прусским гусаром. Полковник с удовольствием затеял бы пару-другую драк с кровопролитием, не останавливая его мысль об истинной цели его прихода сюда: назначить свидание некой богатой вдовушке, которая, как он считал, поглядывала на него весьма благосклонно. Поэтому наш герой не мог допустить, чтобы какие-то глупые жандармы вывели его под руки с праздничной сцены, украшением коей он, несомненно, являлся.

— Деньги! Золото! Тьфу! — бушевал полковник. — Какие могут быть деньги у израненного солдата? Сами видите, у вашего покорного слуга осталась лишь правая рука, чтобы держать саблю, так что в пылу боя мне нечем было грабить имущество поверженного врага!

— Не брать с него денег, — приказал волшебник. — Он заплатил пролитой кровью.

— Браво, господин прорицатель! Брависсимо! Моту ли я, уважаемый оракул, не теряя времени даром, приступить к вопросам?

Не дожидаясь ответа, полковник зычным голосом начал допрос. Получив с полдюжины верных ответов, он спросил:

— Кого я сейчас преследую?

— Двух человек.

— Ха! Верно, двоих! И кто же они?

— Англичанин; если вы его нагоните, он вас убьет. И вдова-француженка; если вы ее

найдете, она плюнет вам в лицо.

— Господин волшебник знает, кто находится под защитой маскарадного костюма, и не боится называть вещи своими именами. Ну да неважно. Почему я их преследую?

— Вдова нанесла рану вам в сердце, а англичанин — в голову. Они и порознь слишком сильны для вас; берегитесь, как бы ваша погоня не помогла им объединиться.

— Вот еще! Каким это образом?

— Англичанин защищает дам. Именно это он и пытался вбить вам в голову. Если вдова увидит его, она выйдет за него замуж. По ее расчетам, на то, чтобы выйти в полковники, требуется время, а англичанин еще очень молод, у него все впереди.

— Ну ничего, я ему подрежу крылышки, — злобно чертыхнувшись, пригрозил Гайяр, затем продолжил более спокойным тоном: — Где она?

— Достаточно близко, чтобы обидеться на вашу неудачу.

— Так ей и надо, черт бы ее побрал. Господин прорицатель, вы правы. Тысяча благодарностей! Прощайте!

Полковник вытянул тощую шею, огляделся по сторонам и гордо удалился, покачивая медвежьим кивером.

Я попытался разглядеть таинственного оракула, сидящего в паланкине. Лишь один раз мне предоставилась возможность на мгновение заглянуть за занавески. Зрелище поразило меня. Как я уже говорил, оракул был одет очень богато, в китайское платье.

Он был явно выше переводчика, стоявшего снаружи. Оракул низко склонил голову. Глаза его были закрыты, подбородок упирался в грудь, украшенную вышитой манишкой. Лицо с крупными тяжелыми чертами застыло в оцепенелом безразличии. Вся фигура оракула казалась преувеличенным повторением неподвижного медиума, поддерживавшего связь с бурным внешним миром. Лицо казалось красным, как кровь, однако я решил, что причиной этому был свет, пробивавшийся через алые шелковые занавески. Все эти подробности я ухватил одним-единственным взглядом: чародей быстро задернул занавеску, скрыв таинственного оракула от моих глаз. Круг возле паланкина освободился, и маркиз подтолкнул меня:

— Смелее, мой друг.

Я шагнул вперед. Поравнявшись с чародеем, как мы прозвали человека с черным посохом, я обернулся, чтобы проверить, слышит ли меня граф.

Нет, он стоял в десятке шагов позади, погружившись в увлеченную беседу с маркизом. Последний, утолив, видимо, свое любопытство, завел разговор о чем-то не имеющем отношения к прорицателю.

Я облегченно вздохнул. Мудрец, похоже, без стеснения выдавал самые сокровенные тайны, а некоторые из моих секретов вряд ли пришлись бы по вкусу графу.

Я задумался. Мне хотелось проверить оракула. Человек англиканского вероисповедания был в Париже *ga ga avis*.

— Какова моя религия? — спросил я.

— Прекрасная ересь, — тотчас же ответил оракул.

— Ересь? И как же она называется?

— Любовь.

— О! Тогда, полагаю, я политеист и влюблен во многих богинь?

— В одну.

— Но, если говорить серьезно, — я попытался направить беседу в менее рискованное русло, — доводилось ли мне слышать сердечные признания?

— Да.

— Можете их повторить?

— Подойдите ближе.

Я склонился к паланкину. Чернобородый мудрец задернул занавески и внятно прошептал слова, которые, как вы понимаете, я тотчас же узнал: «Может быть, я больше не увижу вас, но никогда, никогда не забуду. Прощайте. Бога ради, прощайте!»

Я подскочил на месте. Если вы помните, это были те самые слова, что прошептала мне при расставании графиня.

Боже милосердный! Ну и чудо! Я готов был поклясться, что этих слов не слышал никто, кроме меня и дамы моего сердца!

Я вгляделся в бесстрастное лицо медиума. Казалось, он не осознавал, что слова, произнесенные им, могут заинтересовать меня; он даже как будто не понимал их смысла.

— Чего я хочу сильнее всего? — спросил я, едва шевеля губами.

— Увидеть рай.

— Что мне мешает?

— Черная вуаль.

Чем дальше, тем больше! Таинственный оракул был знаком с мельчайшими подробностями моего романа, о котором не догадывался даже маркиз. Да и сам я в маскарадном костюме и маске изменился так, что меня родной брат не узнал бы!

— Вы сказали, что я влюблен в единственную богиню. Отвечают ли мне взаимностью?

— Попробуйте счастья.

Я заговорил тише и склонился к чернобородому мудрецу, чтобы тот не отвечал слишком громко.

— Любим ли я? — спросил я еще раз.

— Втайне, — был ответ.

— Сильно или не очень?

— Слишком сильно.

— Долго ли продлится эта любовь?

— Пока роза не сбросит листья. Роза — еще один намек!

— Дальше — темнота! — вздохнул я. — Но до тех пор я буду жить со светом в душе.

— Светом фиалковых глаз.

Да, любовь — удивительная штука. Если это и не религия, как утверждает оракул, то уж, по крайней мере, что-то сверхъестественное в ней есть. Она распаляет воображение, будоражит рассудок и делает нас такими легковверными!

Случись это не со мной, я бы только посмеялся; но любовь овладела мною до глубины души. Она разожгла во мне кровь, затуманила разум, я был сам не свой!

Организатор ловкого трюка — если это и вправду был трюк — сделал мне жезлом знак удалиться. Я отошел, не спуская глаз со странного паланкина, окруженного в моем воображении завесой тайны. Вдруг чародей повелительно поднял руку, давая команду глашатаю с золоченым посохом.

Глашатай ударил посохом оземь и пронзительно возгласил:

— Великий Конфуций будет молчать один час!

В тот же миг носильщики потянули за легкие бамбуковые жалюзи; те закрылись с тихим треском.

Чернобородый дервиш в высокой феске принялся топтаться на месте в причудливом танце. К нему присоединились сначала глашатаи с золочеными посохами, затем стоявшие кольцом носильщики. Танцоры кружились вокруг паланкина, постепенно ускоряя шаг, движения их делались все быстрее, лихорадочнее.

Подстегиваемые аплодисментами зрителей и всеобщим восторгом, они помчались по кругу, завертелись, словно подхваченные вихрем, и вдруг растворились в толпе. Необычайное представление окончилось, если не совсем, то, по крайней мере, на время.

Маркиз д'Армонвилль стоял неподалеку, задумчиво опустив глаза. Я приблизился.

— Граф отошел поискать жену, — сказал маркиз. — Жаль, что ее не оказалось поблизости и она не поговорила с оракулом. Интересно было бы посмотреть, как отнесется к этому граф. Давайте пройдем к нему. Я просил его представить вас графине.

С бешено колотящимся сердцем я последовал за маркизом.

Глава 14.

Мадемуазель де ла Вальер

Мы с маркизом переходили из салона в салон. Нелегко было найти друзей в столь пестрой толпе.

— Останьтесь здесь, — сказал наконец маркиз. — Я подумаю, как лучше разыскать их. Кроме того, этот ревнивец мог подумать, что было бы не слишком благоразумно знакомить жену с вами. Да вы и сами чересчур горите желанием быть представленным. Пойду вперед и постараюсь разубедить его.

Разговор этот происходил в зале, называемой «Салон Аполлона». Картины на стенах до сих пор свежи в моей памяти; эта комната самой судьбой была предназначена для романтического приключения.

Я присел на широкий диван с позолотой и осмотрелся. Кроме меня, на просторном сиденье умещалось еще трое или четверо гостей. Все они были увлечены веселым разговором, за исключением моей соседки. Нас разделяло не более двух футов. Дама, казалось, не замечала меня, погружившись в мечтательную задумчивость. Трудно представить себе более изящное создание. Костюм ее был в точности скопирован с портрета мадемуазель де Ла Вальер кисти Коллиньяна. Если вы помните, наряд фаворитки на этой картине отличается не только роскошью, но и редкой изысканностью. Волосы ее белели от пудры, однако природный их цвет, как я догадался, был темно-каштановым. Из-под платья выглянула крохотная ножка, изящные руки сверкали лилейной белизной.

Гости на маскараде имели обыкновение держать маску в руке, поднося время от времени к лицу. Незнакомка же, в отличие от них, носила на лице непроницаемую для глаз маску. Мне до безумия захотелось увидеть ее лицо.

Я готов был дать голову на отсечение, что она хороша собой. Маскарад — это микрокосм, в котором отличить друга от врага можно лишь по голосу да по тонким намекам. Пользуясь неузнаваемостью, я заговорил с незнакомкой:

— Меня не так легко провести, мадемуазель.

— Тем лучше для вас, сударь, — тихо ответила маска.

Я решил идти напрямик.

— Я имею в виду, мадемуазель, что красоту не так легко скрыть, как вы полагаете.

— Однако вам, сударь, это очень хорошо удастся, — откликнулась она прежним беззаботным тоном.

— Костюм красавицы давних лет, мадемуазель де Ла Вальер, украшает собой особу более прелестную, чем прототип; глаза мои наткнулись на маску, однако я все же догадался, что под ней скрывается прекрасная леди. Красота — как драгоценный камень из сказок «Тысячи и одной ночи»: как его ни прячь, свет, испускаемый им, виден издалека.

— Мне знакома эта сказка, — ответила юная леди. — Свет действительно выдает его, но не на солнце, а в темноте. В этой комнате, сударь, так темно, что даже жалкий светлячок сияет, как яркий факел. Полагаю, если бы здесь появилась некая графиня, вы бы подумали, что вошло солнце?

Незнакомка поставила меня в трудное положение. Что мне ответить ей? Может быть, она, подобно многим дамам, любительница сомнительных розыгрышей, а возможно, близкая подруга графини де Сен-Алир. Я осторожно спросил:

— Какая графиня?

— Если вы узнали меня, то должны знать и мою лучшую подругу. Правда, она красавица?

— Откуда мне знать, на свете так много графинь.

— Но те, кто знаком со мной, знают и мою дорогую подругу. Разве вы меня не знаете?

— Жестокая. Трудно поверить, что я обознался.

— С кем вы только что прогуливались? — спросила она.

— С другом, — ответил я.

— Разумеется, с другом; мне кажется, я его знаю. Хотелось бы убедиться, что я не

ошиблась. Это некий маркиз? Еще один неловкий вопрос!

— Здесь так много гостей; можно прогуливаться сначала с одним, затем с другим, так что...

— Так что человек не слишком щепетильный может легко уклониться от ответа на самый простой вопрос. Запомните же раз и навсегда, что ничто не вызывает в одухотворенном человеке такого отвращения, как подозрительность. Вы, сударь, человек рассудительный. Решайте сами, стоит ли мне уважать вас.

— Мадемуазель, вы сочтете меня достойным презрения, если я не оправдаю оказанного мне доверия.

— Не нужно меня обманывать. Вы подражаете дипломатическим уверткам вашего друга. Ненавижу дипломатию. Под ней скрываются обман и трусость. Думаете, я не узнала вашего друга? Человека с белым крестом на груди? Я хорошо знакома с маркизом д'Армонвиллем. Как видите, ваша изобретательность пропала впустую.

— Не могу ответить ни да, ни нет.

— Вам и не нужно отвечать. Но почему вы так долго мучили несчастную даму?

— У меня и в мыслях такого не было.

— Сначала вы притворились, что узнали меня, на самом же деле вы меня не знаете; то ли из любопытства, то ли по некоему странному капризу вам вздумалось беседовать не с дамой, а с костюмом. Вы говорили мне комплименты, потом сделали вид, что спутали меня с кем-то. Но кто эта особа, что вызывает у вас такое восхищение? Или на свете больше не доискаться правды?

— Мадемуазель, у вас сложилось превратное представление обо мне.

— А у вас — обо мне; вы с удивлением обнаруживаете, что я не так глупа, как вам казалось. Я хорошо знаю, кого вы искали и чье сердце намеревались растрогать нежными признаниями и печальными вздохами.

— Откройте же, о ком вы говорите, — взмолился я.

— При одном условии.

— Каком?

— Если я назову имя этой дамы, вы во всем признаетесь.

— Вы неверно толкуете мои намерения, — воспротивился я. — Я никогда не осмелился бы разговаривать с дамой в таком тоне, какой вы мне приписываете.

— Ну что ж, не буду настаивать. Условие изменяется: если я назову имя этой особы, вы признаете, что я права.

— Я должен пообещать вам это?

— Ни в коем случае, никакого принуждения. Но без вашего обещания я больше не буду с вами разговаривать.

Я заколебался; но откуда ей знать имя моей возлюбленной? Сама графиня вряд ли придавала значение пылким взглядам случайного встречного; а дама в костюме Ла Вальер наверняка не знала моего имени — для нее я был всего лишь незнакомцем в домино и маске.

— Согласен, — произнес я. — Обещаю.

— Поклянись честью джентльмена.

— Что ж, клянусь честью джентльмена.

— Эта дама — графиня де Сен-Алир.

От удивления я лишился дара речи. Я смутился, но, памятуя свое обещание, подтвердил:

— Да, я действительно надеялся сегодня вечером быть представленным графине де Сен-Алир; но, клянусь опять же честью джентльмена, вы не должны питать ни малейших подозрений о том, что я намеревался завоевать ее сердце или даже что она знает о моем существовании. Мне посчастливилось оказать ей и графу небольшую любезность, столь незначительную; что, право, не стоит о ней вспоминать.

— Уверяю вас, мир не настолько исполнен черной неблагодарности, как вы полагаете. На свете немало людей, умеющих платить добром за добро. Надеюсь, графиня де Сен-Алир

простит, если я отвечу за нее: она не из тех, что забывают об услуге. Графиня не выражает своих чувств, однако я-то знаю, что она глубоко несчастна.

— Несчастлива! Этого-то я и боялся. Однако что касается остальных ваших предположений, это всего лишь мечты, льстящие моему тщеславию.

— Как я уже говорила, я подруга графини и поэтому хорошо знаю ее характер. Отношения между нами самые доверительные, и не исключено, что мне известно о той незначительной услуге куда больше, чем вы полагаете.

Незнакомка заинтриговывала меня все сильнее и сильнее. Испорченный, как и все молодые люди, я не замечал всей гнусности таких расспросов. Во мне выиграло себялюбие и прочие страсти, сопутствующие Любви.

Образ прекрасной графини заслонил собой всю красоту моей прелестной собеседницы в костюме Ла Вальер. Я готов был жизнь отдать за то, чтобы услышать, что графиня не забыла безвестного юношу, вставшего на ее защиту с одной лишь тросточкой в руке против разъяренного драгуна с саблей и вышедшего победителем.

— Вы сказали, что графиня несчастна, — напомнил я. — Что ее тревожит?

— Многое. Муж ее — старый тиран, он груб и ревнив. Разве этого недостаточно? Даже когда он не обременяет ее своим присутствием, она одинока.

— Но ведь у нее есть подруга — это вы.

— А по-вашему, одной подруги достаточно? — ответила она. — Только мне бедняжка может открыть свое сердце.

— Могу ли я тоже стать ей другом?

— Попробуйте.

— Каким образом?

— Она поможет вам.

— Как?

Она ответила вопросом на вопрос:

— Вам удалось снять комнату в каком-либо из версальских отелей?

— Нет. Я остановился в «Парящем Драконе», на границе владений, прилегающих к замку Шато-де-ла-Карк.

— Это еще лучше. Я не сомневаюсь, что у вас хватит мужества для опасного предприятия. Не сомневаюсь и в том, что вы человек чести. Любая дама может без опаски довериться вам. Такие люди встречаются нечасто. Я устрою вам свидание с графиней. Вы увидите с ней в два часа пополудни в парке замка Шато-де-ла-Карк. Какую комнату в гостинице «Парящий Дракон» вы занимаете?

Отвага и решительность незнакомки удивили меня. Что, если она, как говорится, водит меня за нос?

— Я могу точно описать ее, — ответил я. — Моя комната находится в тыльной половине здания. Если смотреть из окон, она угловая, крайняя справа, один лестничный пролет вверх.

— Отлично; если вы дали себе труд выглянуть в парк, то наверняка заметили две-три куртины лип и каштанов, сливающихся в небольшую рощу. Вернитесь в гостиницу и переодевайтесь, затем выйдите из комнаты и незаметно перелезьте через стену парка. Соблюдайте строжайшую тайну, не говорите никому, куда и зачем вы направляетесь. Оказавшись в парке, вы сразу заметите ту самую рощицу. Там вы и встретитесь с графиней; она уделит вам несколько минут и вкратце объяснит очень серьезное дело, о котором я не могу распространяться. Помните, графиня рассчитывает на вашу скромность!

Не могу описать, какая буря чувств нахлынула на меня при этих словах.

Я был поражен, но затем меня охватило сомнение. Не шутит ли надо мной прелестная незнакомка?

— Мадемуазель, я не осмеливаюсь поверить, что графиня в самом деле удостоивает меня такого счастья. Будь это истиной, благодарность моя не знала бы границ. Но, мадемуазель, разрешите предположить, что вами движут скорее доброта и сочувствие к

несчастному влюбленному, чем искренняя уверенность в том, что графиня готова оказать мне такую честь.

— Сударь, вы, видимо, полагаете, что я лишь делаю вид, будто посвящена в тайну, о которой не знает никто, кроме графини и вас, или же вам кажется, что я бессовестно вас разыгрываю. Клянусь всем, что вам дорого, что графиня полностью мне доверяет. Клянусь увядшим собратом этого цветка! — Она извлекла из букета белую розу. — Клянусь моей путеводной звездой, клянусь ее... может быть, лучше сказать — Нашей «Прекрасной Звездой»? Разве мало доказательств я вам представила?

— Мало? — переспросил я. — Более чем достаточно! Тысячу раз благодарю!

— Видите, раз графиня так доверяет мне, значит, я в самом деле ее подруга; а разве по-дружески было бы затевать от ее имени такие жестокие игры? И для чего — чтобы подшутить над вами, несчастным чужестранцем?

— Простите меня, мадемуазель. Не забывайте, сколь много для меня значит надежда увидеть графиню и поговорить с ней. Что же удивительного в том, что я не сразу поверил вам? Однако вы меня убедили и, надеюсь, простите мои сомнения.

— Значит, вы придете на указанное мною место в два часа пополудни?

— Без сомнения, — ответил я.

— Надеюсь, сударь, страх не остановит вас. Нет, не стоит меня разуверять; вы уже доказали свое мужество.

— Я преодолею любые преграды!

— А теперь, сударь, вам, по-видимому, пора идти, пока друзья не хватились вас.

— Я обещал дожидаться друзей здесь. Граф де Сен-Алир собирался представить меня графине.

— А у вас, сударь, хватило наивности поверить ему?

— Почему бы и нет?

— Потому что он хитер и ревнив. Скоро вы сами убедитесь в этом. Он никогда не познакомит вас с женой. Он вернется и скажет, что не сумел ее найти, пообещает представить вас в другой раз.

— Мне кажется, граф с моим другом направляются сюда. Вы правы — с ними нет дамы.

— Что я вам говорила? Если вы рассчитываете, что он действительно познакомит вас с графиней, то вам придется долго дожидаться такой чести. Однако поспешите; будет лучше, если он не увидит нас вместе. Старик заподозрит, что мы говорили о его жене, и тогда его злоба и ревность разыграют с удвоенной силой.

Я поблагодарил неизвестную доброжелательницу в маске, отступил на несколько шагов и, описав широкую дугу, приблизился к графу сзади, словно только что нагнал его.

Граф принялся заверять меня, что герцогиня де ла Рокем куда-то ушла и взяла графиню с собой, однако он надеется, что вскоре; сумеет сдержать свое обещание и познакомить меня с женой. Я улыбнулся под маской.

Я старался держаться подальше от маркиза д'Армонвиля, шедшего об руку с графом. Я боялся, что он предложит проводить меня домой; мне хотелось избежать ненужных объяснений.

Поэтому я поскорее затерялся в толпе и поспешил к Зеркальной галерее, лежавшей в противоположном крыле от того места, куда направлялись граф и мой друг маркиз.

Глава 15.

Странные происшествия в гостинице «Парящий Дракон»

Во Франции тех дней празднества заканчивались раньше, чем наши современные лондонские балы. Я взглянул на часы. Стрелка чуть перевалила за двенадцать.

Ночь выдалась тихая и знойная. В огромном роскошном дворце, переполненном гостями, царил душная жара. Кое-где толпа сгущалась так, что танцующие задевали

друг друга локтями, и жар свечей делал духоту еще невыносимее. Под маской было просто нечем дышать; я заметил, что кое-кто из гостей, не слишком заботясь о сохранении инкогнито, снял маски, и последовал их примеру. Едва я вздохнул полной грудью, как меня окликнул по-английски дружеский голос. Это был Том Уистлвик, офицер Н-ского драгунского полка. Он тоже снял маску, лицо его пылало. Уистлвик был из тех новоиспеченных героев Ватерлоо, которых почитал весь мир, за исключением Франции; единственной дурной чертой, которую я в нем знал, была привычка изобильно утолять жажду шампанским; он неизменно следовал ей на балах, музыкальных вечерах и всех праздниках, какие ему доводилось посещать. Когда Том представил мне своего друга, господина Карманьяка, я заметил, что язык его уже слегка заплетается. Господин Карманьяк, невысокий худощавый человечек, держался неестественно прямо. Он был лыс, нюхал табак и носил очки; вскоре я узнал, что он занимает высокий государственный пост.

Том отпускал веселые шуточки, однако вследствие чрезмерно приподнятого настроения понять его было трудновато. Он шевелил бровями, выпячивал губы и рассеянно обмахивался маской. Проведя некоторое время в приятной беседе, я с облегчением убедился, что наш драгун предпочитает молчать и удовлетворяется ролью слушателя, тогда как мы с господином Карманьяком оживленно переговаривались. Вскоре Том с величайшими предосторожностями утвердил свое могучее тело, на широкой скамье неподалеку от нас; как я заметил, ему нелегко было держать глаза открытыми.

— Вы говорили, — напомнил мой собеседник, — что сняли комнату в гостинице «Парящий Дракон», примерно в полулиге отсюда. Года четыре назад я служил в полицейском отделении и помню два странных происшествия, связанных с этим домом. Одно из них произошло с богатым эмигрантом, которому имп... то есть Наполеон разрешил вернуться во Францию. Он исчез бесследно. Другое, не менее странное, случилось с богатым русским дворянином. Он исчез при столь же таинственных обстоятельствах.

— Мой слуга, — добавил я, — тоже рассказывал мне о каких-то исчезновениях. Насколько мне помнится, в его рассказе фигурировали те же люди — французский аристократ, вернувшийся на родину, и русский дворянин. Но в его устах эта история так изобиловала сверхъестественными подробностями, что, признаюсь, я не поверил ни единому слову.

— Ничего сверхъестественного тут нет, однако многое не поддается объяснению, — возразил француз. — Разумеется, было высказано множество гипотез, однако, насколько я знаю, никому еще не удалось пролить свет на эти загадочные исчезновения.

— Прошу вас, расскажите мне эту историю, — взмолился я. — Она касается моего нынешнего обиталища, поэтому, думаю, я вправе просить вас об этом. Уж не подозреваете ли вы хозяев дома?

— С тех пор гостиница сменила хозяев. Но, похоже, роковые происшествия связаны с одной-единственной комнатой.

— Какой именно?

— Сейчас опишу. Это просторная спальня, обшитая деревянными панелями, расположена в тыльной части здания, крайняя справа, если смотреть из окон.

— О! Неужели? Как ни странно, я живу в этой самой комнате! — воскликнул я. Мною овладел неподдельный интерес, к которому примешивалась едва ощутимая толика дурных предчувствий. — А что эти люди — они умерли или просто исчезли как призраки?

— Они не умерли — исчезли совершенно непонятным образом. Я расскажу вам эти события во всех подробностях. Они хорошо известны мне, так как в первом случае я в качестве официального лица посещал этот дом для сбора свидетельских показаний; и, хотя во втором случае мне не довелось побывать на месте происшествия, все следственные документы проходили через меня. Я диктовал официальные извещения родственникам исчезнувших — они обратились в правительство с просьбой о расследовании. Через два года мы получили от этих родственников письма, из которых выяснилось, что пропавшие нигде и никогда больше не объявились.

Он взял щепотку табаку и внимательно посмотрел на меня.

— Нигде и никогда! Я расскажу все, что нам удалось установить. Французский дворянин, аристократ по имени граф Шато-Блассемар, в отличие от большинства эмигрантов, вовремя уловил, куда ветер дует, и успел продать большую часть имущества прежде, чем революция перекрыла для этого все возможности. Он уехал за границу, имея на руках значительную сумму — около полумиллиона франков, в основном вложенных в различные французские ценные бумаги. Кроме того, его состояние в австрийской недвижимости казначейских обязательствах выражалось еще более крупной цифрой. Как видите, этот человек был богат, и нет оснований утверждать, что он потерял свои деньги или же оказался в стесненных обстоятельствах.

Я признал справедливость его слов.

— Привычки этого господина были довольно скромны в сравнении с его средствами. Он владел удобными апартаментами в Париже, время от времени посещал светские развлечения, театры и балы. Он не играл. Красавец средних лет, он любил выглядеть молодо и отличался щегольством, обычным в людях его круга; в остальном же это был человек доброжелательный и учтивый, никому не причинял вреда — трудно представить, чтобы кто-то питал к нему враждебные чувства.

— Разумеется, — согласился я.

— В начале лета 1811 года он выправил ордер, позволяющий ему снять копию с одной из картин в дворцовых салонах, и с этой целью прибыл в Версаль. Работа продвигалась медленным темпе.

Через некоторое время он съехал из городского отеля и поселился в «Парящем Драконе». Из всех имевшихся номеров он выбрал именно тот, который по случайности достался вам. После переезда он почему-то стал уделять рисованию значительно меньше времени и реже посещал свою парижскую квартиру. Однажды ночью он сказал хозяину «Парящего Дракона», что уезжает в Париж по важному делу и останется там на день или два. Слуга его поедет с ним. Дворянин просил сохранить за ним комнату. Он оставил в номере кое-какую одежду, однако уложил чемодан, взял несессер, сел в экипаж и со слугой на запятках укатил в Париж. Вы следите за моим рассказом, сударь?

— Очень внимательно, — откликнулся я.

— Далее дело обстояло так: немного не доехав до своего дома, граф внезапно остановил карету и заявил слуге, что планы его изменились; ему-де нужно ехать по чрезвычайно важному делу на север Франции, в Руан. Он заночует где-нибудь по дороге, рано утром отправится в путь и вернется недели через две. Граф нанял фиакр; из багажа он взял с собой лишь кожаный портфель — судя по размерам, в нем мог бы уместиться разве что сюртук да пара рубашек, однако слуга клянется, что портфель этот был необычайно тяжел: он держал его в руках, пока хозяин отсчитывал ему причитающиеся тридцать шесть наполеондоров. Итак, граф с вышеописанным портфелем сел в фиакр. Как видите, до сих пор все предельно ясно.

— Вполне, — согласился я.

— Далее и начинается тайна, — продолжил господин Карманьяк. — После этого никто из друзей или знакомых не видел графа Шато-Блассемара. Нам удалось выяснить, что накануне поверенный графа, по указанию последнего, продал все его ценные бумаги и вручил графу всю вырученную сумму наличными. Поверенный назвал нам причину, которой граф объяснил столь странное распоряжение; она полностью совпадает с показаниями слуги. По словам поверенного, граф отправился на север Франции, чтобы уладить некоторые претензии, и не мог точно указать, сколько времени отнимут у него дела. Портфель, озадачивший слугу своей тяжестью, содержал, несомненно, крупную сумму золотом. Не хотите ли понюхать моего табаку?

Господин Карманьяк протянул мне табакерку. Я осторожно взял щепотку желтоватого порошка.

— Было начато расследование, — продолжал мой собеседник. — Мы назначили

награду за любые сведения, которые могли бы пролить свет на таинственное исчезновение графа, и предложили, как было указано в официальном объявлении, «кучеру фиакра, нанятого такого-то числа, около половины одиннадцатого вечера, господином, имевшим при себе кожаный портфель. Господин этот вышел из личной кареты и вручил слуге некоторую сумму денег; предварительно дважды пересчитав ее». На наше объявление откликнулось более ста пятидесяти кучеров, но нужного нам среди них не оказалось. Однако нам удалось получить весьма ценные сведения там, где мы меньше всего ожидали. Нет, вы только посмотрите, что вытворяет этот арлекин со своей шпагой!

— Ну и ну! — подивился я искусству шпагоглотателя.

Вскоре арлекин ушел, и господин Карманьяк продолжил свой рассказ.

— Сведения эти сообщил нам мальчик, хорошо знавший графа Шато-Блассемара в лицо — тот часто посылал его с различными поручениями. По его словам, в ту ночь, около половины первого, а надо вам сказать, луна светила очень ярко — мать его внезапно заболела и послала его за *sage femme*, жившей в двух шагах от «Парящего Драконе». Мальчуган жил приблизительно в миле от таверны, и путь его пролегал через парк, примыкающий к замку Шато-де-ла-Карк, мимо кладбища Сен-Обэн, отделенного от дороги невысокой изгородью да двумя-тремя старыми деревьями. Приближаясь к древнему захоронению, мальчик дрожал от страха. Вдруг среди могил он заметил человека — это был граф, мальчик клянется, что узнал его; в округе граф известен под прозвищем, дословно означающим «улыбчивый». Однако в ту ночь улыбки графу было не до веселья — он сидел на могильном камне, заряжая пистолет и положив возле себя острую шпагу.

Мальчик на цыпочках приблизился к графу Шато-Блассемару или же к человеку, которого принял за графа. Тот был одет в непривычный темный костюм, лицо его было сурово и печально, однако мальчик клянется, что не мог обознаться — это был граф. Если это правда, то мальчик был последним свидетелем, видевшим графа живым. Больше о нем никто не слышал. Не появлялся он и в окрестностях Руана. Свидетельств о его смерти также не поступало; никто не может сказать наверняка, жив сейчас граф или мертв.

— Да, случай весьма необычный, — заметил я и приготовился задать собеседнику несколько вопросов. Но тут меня прервал Том Уистлвик: пока я слушал рассказ Карманьяка, он, будучи незамеченным мною, проснулся, прогулялся по залам и вернулся в куда более бодром настроении.

— Слышите, Карманьяк, уже поздно, мне пора уходить. Вам известно, куда я тороплюсь. А с вами, Беккет, нам непременно нужно увидеться еще раз, и как можно скорее.

— Очень жаль, что я не смог рассказать вам историю другого постояльца из той же самой комнаты, — сказал мне Карманьяк. — Случай этот, гораздо более таинственный и зловещий, произошел осенью того же года.

— Не соблаговолите ли, господа, отобедать со мной завтра в «Парящем Драконе»? — пригласил я, провожая их вдоль Большой Зеркальной галереи. Мои новые знакомые охотно дали согласие.

— Господи помилуй! — воскликнул Уистлвик, дойдя до конца галереи. — Смотрите, эта пагода, или паланкин, или что еще такое, так и стоит там, где ее поставили, и никого нет поблизости! Ума не приложу, как им удастся так здорово предсказывать судьбу. Джек Наффлз, он сегодня тоже был здесь, говорит, что это цыгане. Но хотел бы я знать, куда они запропастились? Пойду-ка взгляну на оракула.

Он приподнял занавески, изготовленные по принципу венецианских подъемных жалюзи. Внутри оказались красные шторы. Они не поддавались, и Тому удалось лишь заглянуть под одну из них, неплотно опущенную.

Он рассказал об увиденном так:

— Темно, как в погребу, я едва разглядел оракула. Весь завернут в красные и золотые одежды, на голове расшитая шляпа, как у мандарина. Крепко спит, а воняет, черт побери, как хорек! Не хотите ли сами убедиться? Будет о чем порассказать друзьям! Тьфу! Ну и запахок. Фу!

Не удостоив вниманием его любезное приглашение, мы неторопливо направились к дверям. Я пожелал новым друзьям доброй ночи, напомнив об обещании отобедать со мной, добрался, наконец, до своей кареты и вскоре под сенью раскидистых деревьев медленно катил в сторону «Пярящего Дракона».

В голове моей теснились самые причудливые картины. Сколько необычайных происшествий случилось со мной за каких-нибудь два часа! Какие удивительные приключения ждут меня впереди! Перед глазами у меня до сих пор вертелся бурный водоворот музыки и танцев, огней, бриллиантов, ярких красок, и тихая дорога, озаряемая мягким лунным светом, казалась моему распаленному воображению еще пустынное.

Безмолвное очарование ночной природы мгновенно охладило мои чувства. Только сейчас я с ужасом понял, до чего безумна моя преступная затея с ночным свиданием. Я почти жалел, что вступил в лабиринт, который может привести меня неизвестно куда. Я понимал, что раскаиваться уже поздно, однако к праздничным восторгам начинала примешиваться горечь; сердце мое сжалось от дурных предчувствий. Еще немного, и я готов был рассказать о своих сомнениях не только моему жизнерадостному другу Альфреду Оглу, но и заядлому насмешнику, любезнейшему Тому Уистлвику.

Глава 16.

В парке Шато-де-ла-Карк

Не стоило опасаться, что двери в «Пярящем Драконе» запрут ранее трех или четырех часов утра. В таверне квартировало много слуг, чьи знатные господа будут веселиться на балу вплоть до самого его окончания; они вернутся в таверну лишь после того, как доставят хозяев в отели и благополучно уложат спать.

Следовательно, у меня достаточно времени для тайной ночной прогулки, и мне не придется стучаться в запертую дверь, возбуждая ненужное любопытство владельца гостиницы.

Карета остановилась возле гостиничной вывески. Сучья деревьев, нависавшие над дорогой, тесно переплетались, образуя плотный шатер, из приоткрытых дверей падал яркий свет.

Я отпустил экипаж, с маской в руке взбежал по широкой лестнице и вошел в просторную спальню. Тяжелая старинная мебель и темные панели на стенах делали ночную тьму еще непрогляднее, складках черного балдахина над высокой кроватью таились зловещие тени.

На полу загадочно мерцал тусклый отблеск лунного света. Я поспешил к окну. Темный лес, залитый серебристым сиянием луны, погрузился в зачарованный сон. На бледно-сером небе сурово чернели причудливые очертания замка Шато-де-ла-Карк, его многочисленных башенок, печных труб, островерхих крыш. На полпути между таверной и замком, чуть влево, виднелась роща, где таинственная леди в маске назначила мне встречу с прелестной графиней. Верхушки деревьев, колеблемые легким ветерком, призрачно трепетали в лунном сиянии. Я прикинул как можно точнее, в каком направлении нужно идти, чтобы попасть в сумрачную рощу. Сердце мое бешено колотилось. Я всматривался в незнакомый лес, которому суждено было стать декорацией к моему необычайному приключению, и по спине моей ползали мурашки.

Время летело неумолимо; приближался назначенный час. Я скинул халат и бросил его на диван; сменил легкие туфли без каблучков, называемые в те годы «бальными», так как без них мужчина не мог появиться в обществе, на крепкие сапоги, надел шляпу, сунул за пояс пару заряженных пистолетов — постоянных спутников каждого путешественника по Франции тех дней: леса кишели солдатами из расформированных полков, среди которых попадались горячие головы. Снарядившись таким образом, я, каюсь, взял зеркало и подошел к окну, чтобы взглянуть, хорошо ли я выгляжу в лунном свете. Оставшись доволен своим обликом, я бегом спустился по лестнице.

В вестибюле я окликнул слугу: Шато-де-ла-Карк — Сен-Клер, — сказал я, — я хочу немного прогуляться под луной, минут десять или около того. Не ложись спать, пока я не вернусь. Если погода будет хорошая, я, возможно, задержусь.

Я с беспечным видом вышел за дверь, огляделся по сторонам, словно выбирая, куда бы мне направить свои стопы, и зашагал по дороге, поглядывая то на луну, то на легкие белые облачка и насвистывая веселую мелодию, подхваченную в каком-то из театров.

Однако стоило мне отойти от «Парящего Дракона» на сотню ярдов, как от напускной беззаботности не осталось и следа. Я обернулся. Дорога белела, словно покрытая инеем; на фоне темного неба смутно вырисовывался силуэт старой таверны, сквозь густую листву пробивался свет одинокого окна.

Вокруг не было ни души. Я взглянул на часы — луна светила так ярко, что я, хоть и с трудом, сумел различить стрелки. До назначенного часа оставалось восемь минут.

Каменную ограду до самого верха скрывал густой ковер плюща. Толстые плети помогли мне вскарабкаться на стену и укрыли от случайного нескромного взгляда. Я перебрался через стену и, как гнусный браконьер, проникший во владения ничего не подозревающего землевладельца, очутился в парке замка Шато-де-ла-Карк.

Прямо передо мной, черная, как плюмаж на катафалке, темнела роща, описанная незнакомкой. Чем ближе я подходил, тем суровее вздымались надо мной мрачные колонны деревьев, тем неотвратимее подползала к моим ногам широкая черная тень. Наконец я вступил под своды древесных крон, и тьма поглотила меня. Я брел среди величественных лип и каштанов, сердце мое замирало от тревожных предчувствий.

Посреди рощи деревья расступались; на поляне стоял небольшой греческий храм. С четырех сторон к нему вели широкие порталы. В окружении коринфских колонн виднелась высокая статуя. Беломраморное строение, некогда величественное, ныне почти разрушилось. Сквозь трещины в мраморных плитах пробивалась трава, пьедестал и карниз поросли мхом. У подножия лестницы в мраморной чаше журчал и плескался чахлый фонтан, питаемый из прудов, расположенных по другую сторону замка. В лучах луны водяная струя рассыпалась пригоршнями алмазных игл. Картина дышала упадком и запустением, однако печать заброшенности придавала руинам некое грустное очарование. Помимо воли они наполняли мою Душу романтической печалью. В воображении возникал уютный грот над лесным источником; казалось, из храма вот-вот появится мудрая нимфа Эгерия.

В ожидании возлюбленной я слишком внимательно всматривался в ночную мглу, чтобы любоваться живописными развалинами. Из задумчивости меня вывел тихий нежный голос. Я обернулся, едва не подскочив от неожиданности: у меня за спиной стояла давешняя незнакомка в маске и костюме мадемуазель де Ла Вальер.

— Графиня вскоре придет сюда, — сказала незнакомка. Лунный свет озарял ее прелестную фигурку, изящную и грациозную. — Тем временем я подробнее расскажу вам о том, какую жизнь она ведет. Бедняжка глубоко несчастна; судите сами, неравный брак, муж — ревнивый тиран, терзает супругу, чтобы вынудить ее продать бриллианты, которые...

— Стоят тридцать тысяч фунтов стерлингов. Мне рассказывал об этом друг. Могу ли я помочь графине? Только намекните; нет такой жертвы, на которую я не пошел бы ради нее. Все, что в моих силах...

— Если вы сумеете презреть опасность; впрочем, нет, тут дело не в риске. Если вы сумеете презреть незыблемые каноны светской морали, если, как истинный рыцарь, отдадите всего себя служению прекрасной даме, не ожидая иной награды, кроме слов благодарности, если у вас хватит на это мужества и сил, то тогда вы спасете графиню и завоюете не только ее признательность, но и сердечную дружбу.

При этих словах незнакомка в маске отвернулась и заплакала. Я с радостью дал обет стать почтительным и верным рабом графини.

— Однако, — напомнил я, — вы сказали, что графиня вскоре придет сюда.

— Да, если ничто не помешает. Граф де Сен-Алир строго следит за домом и садом; бедняжке трудно выбраться незамеченной.

— А она в самом деле желает видеть меня? — с трепетом спросил я.

— Сначала скажите, часто ли вы вспоминали ее после происшествия в «Прекрасной Звезде».

— Ни на минуту не переставал я думать о графине. Денно и ночью преследует меня взгляд ее чудных глаз, звучит в ушах дивный голос.

— Говорят, мой голос очень похож на ее, — заметила маска.

— Это так, — сказал я, — однако ее голос я не спутаю ни с чем.

— Да? Значит, мой лучше?

— Простите, мадемуазель, я этого не говорил. Ваш голос очень мелодичен, но звучит, по-моему, чуть выше.

— Вы хотели сказать, чуть пронзительнее, — откликнулась де ла Вальер, как мне показалось, с досадой.

— Отнюдь; ваш голос совсем не пронзителен, он нежен и мелодичен, однако ее голос все же сильнее волнует мою душу.

— Это не так, сударь; вами владеет предубеждение.

Мне нечем было возразить прелестной даме, и я поклонился.

— Вижу, сударь, вы надо мной смеетесь, считаете, что я из пустого тщеславия пытаюсь выказать себя равной графине де Сен-Алир. Однако признайте же, по крайней мере, что рука моя ничем не хуже, чем у нее. — Она сняла перчатку и протянула белоснежную кисть. Незнакомка, казалось, уязвлена не на шутку. Это недостойное состязание выводило меня из терпения: в пустой болтовне уходили драгоценные минуты, а свидание мое пока что не принесло никаких плодов. — Вы не можете не признать, что рука моя столь же изящна, как у графини.

— Не могу согласиться с вами, мадемуазель, — возразил я, теряя самообладание. — Не хочу вдаваться в сравнения, однако графиня де Сен-Алир — самая прекрасная женщина, какую я встречал в жизни.

Незнакомка холодно рассмеялась, но затем, смягчившись, со вздохом произнесла:

— Я докажу, что я права.

При этих словах она сняла маску: на меня с улыбкой, прекрасная, как никогда, смущенно смотрела графиня де Сен-Алир!

— О небо! — воскликнул я. — До чего же я был глуп! И сейчас, и в салоне я, сам того не подозревая, долго беседовал с самой госпожой графиней! — Я лишился дара речи. Красавица сердечно рассмеялась и протянула мне руку. Я пылко поднес ее к губам.

— Нет, не надо, — тихо произнесла она. — Мы еще недостаточно близкие друзья. Вижу, вы, хоть и ошиблись во мне, все еще не забыли свою графиню из «Прекрасной Звезды» и готовы истово и бесстрашно защищать меня. Если бы вы уступили притязаниям моей соперницы и признали, что мадемуазель де ла Вальер красивее меня, графиня де Сен-Алир никогда не доверилась бы вам. Однако теперь я уверена в вашей верности, равно как и в храбрости. Как видите, я вас не забыла; и, раз вы готовы рисковать жизнью ради меня, я тоже сумею без содрогания взглянуть в лицо опасности. Мне совсем не хочется потерять друга навсегда. У меня осталось всего несколько минут. Не сообразовали ли вы прийти сюда завтра ночью, в четверть двенадцатого? Я буду ждать вас на этом же месте. Молю вас, сударь, будьте как можно осторожнее, чтобы никто не заподозрил, что вы приходили сюда. Поклянитесь мне в этом, — с горячей мольбой произнесла она.

Я поклялся, что скорее умру, чем допущу, чтобы случайная оплошность разрушила тайну, составлявшую счастье и смысл моей жизни. С каждой минутой графиня казалась мне красивее и красивее. Меня сжигало желание помочь ей.

— Завтра вы должны пойти другой дорогой, — предупредила графиня. — По другую сторону замка лежит древнее кладбище с разрушенной часовней. Мимо проходит дорога, но она пустынна: местные жители боятся показываться там ночью. В ограде есть калитка; шагах в пятидесяти за ней вы найдете заросли густого кустарника.

Я пообещал в точности следовать ее указаниям.

— Более года я терзаюсь нерешительностью. Наконец я отважилась порвать с прошлым. Жизнь моя исполнена печали; даже монахини в монастыре не так удалены от мира, как я в замке графа. Мне некому довериться, не у кого спросить совета, не на кого положиться. В вашем лице я, наконец, обрела храброго и преданного друга. Смогу ли я забыть, как героически бросились вы на мою защиту в «Прекрасной Звезде»? Вы в самом деле сохранили розу, которую я дала вам на прощание? Да, конечно, вы же поклялись. Не стоило; я и без клятв верю вам. О Ричард, как часто я в затворничестве повторяла ваше имя — я узнала его у слуги! Ричард! Мой герой! Король моего сердца! Я люблю вас.

Я готов был броситься к ногам графини, прижать ее к сердцу, однако моя прелестная и, надо сказать, непоследовательная возлюбленная остановила меня.

— Нет, нельзя тратить драгоценные минуты нашего свидания на безумства. Поймите, что творится у меня на душе. В замужестве нет такого понятия, как безразличие. Если я не люблю своего мужа, — продолжала она, — значит, я его ненавижу. Граф жалок и смешон; однако в ревности он грозен. Поэтому, прошу вас, хотя бы из сострадания ко мне, соблюдайте осторожность. И в любых разговорах подчеркивайте, что вы не знакомы ни с кем из обитателей Шато-де-ла-Карк; если в вашем присутствии кто-либо упомянет имена графа или графини де Сен-Алир, утверждайте, что вы никогда с ними не встречались. На нашем завтрашнем свидании я смогу поведать вам больше. Все, что я делаю и о чем умалчиваю, есть веская причина, которую я пока что не могу вам открыть. Прощайте. Идите же!

Повелительным жестом она велела мне удалиться.

— Прощайте! — откликнулся я.

Весь разговор продолжался, по-моему, не более десяти минут. Я снова перебрался через каменную ограду и вернулся в «Парящий Дракон» прежде, чем там закрыли двери.

Я долго лежал без сна, дрожа от лихорадочного возбуждения. До самой зари у меня перед глазами стояло лицо прелестной графини, окруженное мглой.

Глава 17.

Таинственный обитатель паланкина

На следующий день ко мне заглянул маркиз. На столе у меня стоял поздний завтрак.

Маркиз сказал, что зашел попросить об одолжении. По окончании бала его карета в суতোлке попала в канаву и повредила колесо, так что он умоляет, если я еду в Париж, взять его с собой. Я действительно собирался в город и был очень рад составить ему компанию.

Мы поднялись в мою комнату. Я с удивлением увидел, что на стуле, спиной к нам, с газетой в руках сидит какой-то человек. Гость поднялся — это был граф де Сен-Алир. На носу его поблескивали золотые очки, маслянистые букли черного парика прикрывали морщинистую, словно вырезанную из самшита, тощую шею. Неизменный черный шарф свободно болтался на груди, правая рука висела на перевязи. Трудно сказать, действительно ли граф в этот день выглядел как-то необычно или надо мной довлело предубеждение, вызванное рассказом графини на тайном свидании в парке, однако сегодня он показался мне куда более отталкивающим, чем накануне.

Я не настолько погряз в грехе, чтобы не испытать мимолетного содрогания при внезапной встрече с человеком, которому намеревался оказать столь дурную услугу.

Граф улыбнулся.

— Я зашел в надежде застать вас дома, месье Беккет, — скрипучим голосом произнес он. — Осмелюсь смиренно попросить моего друга маркиза д'Армонвилля о небольшой услуге и надеюсь, он не откажет мне в помощи.

— С превеликим удовольствием, — ответил маркиз, — я в вашем распоряжении, но только чуть позже. Сейчас у меня назначена неотложная встреча с четырьмя друзьями; я не могу ее отменить. Я освобожусь не ранее шести часов вечера.

— Но как же мне быть? — воскликнул граф. — Дело мое не терпит отлагательства.

Оно займет всего час, не более. Какое досадное *contretemps*!

— С удовольствием уделю вам час своего времени, — предложил я.

— Очень любезно с вашей стороны, сударь, я даже не смел надеяться на вашу помощь. Такому веселому и очаровательному юноше, как вы, месье Беккет, дело мое покажется немного *funeste*. Пожалуйста, прочитайте письмо, которое я получил сегодня утром.

Да, известие, полученное графом, было печальным. В письме сообщалось, что кузен графа, господин де Сен-Аман, скончался в своем доме, замке Шато-Клери, и в соответствии с письменной волей покойного его останки должны быть захоронены на кладбище Пер-Лашез. Катафалк с телом покойного, с дозволения графа де Сен-Алир, прибудет в его замок, Шато-де-ла-Карк, сегодня около десяти часов вечера, дабы члены семьи могли проститься с усопшим родственником и присутствовать на его похоронах.

— Я едва ли виделся с несчастным пару раз в жизни, — сказал граф, — однако, поскольку у него нет другой родни, печальная обязанность воздать ему последние почести ложится на мои плечи, поэтому мне необходимо сегодня же прибыть в похоронное бюро и выправить все долженствующие бумаги. Но тут есть и другая сложность. К несчастью, я растянул большой палец и в течение ближайшей недели не смогу поставить свою подпись. Однако на похоронных бланках может стоять любое имя, как мое, так и ваше. Не будете ли вы любезны поехать со мной и помочь мне в оформлении необходимых бумаг?

Мы отправились в Париж. По дороге граф сообщил мне фамилию и имя покойного, возраст, причину смерти и прочие сведения, а также подробно описал требуемые размеры и положение могилы — ее следовало выкопать между двумя фамильными склепами семейства Сен-Аман. Похороны были назначены на половину второго ночи — не ближайшей, а следующей за ней; граф вручил мне предназначенный похоронному бюро гонорар, включая дополнительную плату за ночные похороны. Сумма была немалая; я спросил, на чье имя следует выписать квитанцию.

— Только не на мое, любезный друг. Поверенный кузена намеревался назначить меня душеприказчиком, однако вчера я ответил отказом. Мне известно, что, если квитанция о похоронах будет оформлена на мое имя, то в глазах закона я стану официальным душеприказчиком покойного и уже не смогу отказаться от сей обременительной обязанности. Умоляю, если вы не возражаете, выпишите счет на свое имя.

Я, разумеется, согласился.

— Вскоре вы поймете, почему мне приходится вдаваться во все эти подробности.

Мы приблизились к похоронному бюро; я в точности выполнил указания графа. Пока я отсутствовал, граф натянул до самого носа черный шелковый шарф, прикрыл шляпой глаза и откинулся на спинку сиденья. Так он дремал вплоть до моего возвращения.

Париж потерял в моих глазах все свое очарование. Я поспешил как можно скорее покончить с делами, стремясь вернуться в «Парящий Дракон», в мою тихую обитель, и там, среди сумрачных лесов Шато-де-ла-Карк, в трепетной близости от моей возлюбленной, предаться мечтам о ней, героине моего бурного, отчаянного, полного опасностей романа.

Я ненадолго задержался у банковского поверенного. Как я уже говорил, у меня находилась в банке довольно крупная сумма, не вложенная ни в какие ценные бумаги. Меня мало тревожило, что я не получаю с этих денег проценты — финансовые дела казались мне жалкой мелочью в сравнении с прелестным образом, что занимал мои мысли, протягивал белоснежные руки, манил меня в темноту, под сень лип и каштанов графского замка. Но встреча с банкиром была заранее назначена на этот день, и я, к своему облегчению, услышал, что наиболее благоразумным будет оставить эти деньги в банке еще на несколько дней, так как вскоре государственные бумаги непременно начнут падать в цене. Как оказалось впоследствии, этот разговор с банкиром имел самое непосредственное отношение к моим дальнейшим приключениям.

Добравшись до «Парящего Дракона», я, к немалому огорчению, обнаружил в гостинной своего номера двоих гостей, о которых совершенно забыл. Я втайне обругал себя за то, что имел глупость навязать себе на шею их приятное общество. Однако делать было нечего; я

велел слуге подать обед.

Том Уистлвик был в ударе; ему не терпелось поведать мне некую необычайную историю. По его словам, не только Версаль, но и весь Париж бурлит от возмущения: все только и говорят об отвратительной, кощунственной шутке, разыгранной накануне ночью неизвестными святотатцами. Тот самый паланкин, в котором сидел китайский оракул — Том упорно называл его пагодой — до утра простоял на том же месте, где его бросили. Прорицатель, глашатай и носильщики исчезли без следа. Когда бал закончился и гости разъехались, слуги, пришедшие погасить свет и запереть двери, обнаружили паланкин на том же месте. Было решено оставить его там до утра в расчете на то, что к этому времени хозяева пришлют за ним гонцов.

Однако за паланкином никто не прибыл. Слугам приказали убрать его. Паланкин оказался необычайно тяжел, и только тогда вспомнили о его неведомом обитателе. Дверцу паланкина взломали — к ужасу собравшихся, внутри оказался не живой человек, а полуразложившийся труп! Толстяк в китайском халате и расписной шляпе скончался не менее трех-четырёх дней назад. Кое-кто подумал, что шутка эта имела целью нанести оскорбление союзникам, в честь которых и был устроен бал. Другие полагали, что это всего лишь дерзкая циничная выходка не в меру распаясничавшейся молодежи. Третьи, мистически настроенные, пребывавшие в явном меньшинстве, утверждали, что труп был *bona fide* участником представления, что откровения и прозрачные намеки, озадачившие гостей, в самом деле объясняются некроманией.

— Сейчас этим делом занимается полиция, — заметил господин Карманьяк. — А полиция у нас уже не та, что была два-три месяца назад, так что нарушители общественного спокойствия будут вскоре выслежены и отданы под суд. Обычно устроители таких шуток оказываются на поверку жалкими глупцами.

Я вспомнил о необъяснимых откровениях, прозвучавших в моем разговоре с прорицателем, которого господин Карманьяк столь непочтительно поименовал «глупцом». Чем больше я размышлял, тем загадочнее представлялась мне эта история.

— Да, шутка оригинальная, хоть и не очень порядочная, — подытожил Уистлвик.

— Даже не оригинальная, — возразил Карманьяк. — Примерно то же самое произошло на городском балу в Париже лет сто назад. Дерзкие мошенники так и не были найдены.

Как выяснилось позже, господин Карманьяк был совершенно прав: в одном из старинных французских мемуаров я обнаружил описание этого случая и собственноручно пометил его.

Вошедший слуга объявил, что обед накрыт. Мы спустились в столовую. В продолжение обеда я по большей части молчал, однако с лихвой возместили мою неразговорчивость.

Глава 18.

На кладбище

Обед и вино в нашей захолустной гостинице оказались не хуже, чем в самых претенциозных отелях Парижа. Добрая сытная еда обыкновенно приводит человека в самое чудесное расположение духа. Покой и безмятежность, снисходящие на нас после хорошего обеда, не идут ни в какое сравнение с сомнительными милостями Бахуса.

Друзья мои, умиротворенные пиршеством, принялись весело болтать, что избавило меня от необходимости принимать участие в беседе. Они без передышки развлекали меня веселыми историями, которые я по большей части, каюсь, пропускал мимо ушей. Мысли мои блуждали где-то далеко, пока внезапно разговор не зашел о предмете, весьма интересовавшем меня.

— Да, — сказал Карманьяк, отвечая на вопрос, которого я не расслышал. — Помимо того русского дворянина, был и еще один случай, куда более странный. Как раз сегодня утром я пытался выяснить имя того господина, но так и не сумел. Он жил в той же самой

комнате. Кстати, сударь, — он полушутя-полусерьезно обратился ко мне, — если вы собираетесь остаться здесь надолго, не лучше ли вам переселиться в другой номер? Сейчас в гостинице много свободных мест.

— Нет, премного благодарю. Я подумываю о том, чтобы переселиться в другой отель, и вечером, возможно, уеду в город. Даже если мне придется остаться здесь на ночь, я, уверяю вас, не собираюсь исчезать, подобно прочим. Вы хотели рассказать о необычайном происшествии, связанном с комнатой. Прошу вас, продолжайте, но сначала выпейте еще немного вина.

— Господин Карманьяк рассказал нам чрезвычайно любопытную историю.

— Если мне не изменяет память, — начал Карманьяк, — случилось раньше тех двух таинственных исчезновений. Однажды «Парящий Дракон» прибыл некий француз, сын торговца — к сожалению, не могу вспомнить его имя. Хозяин поселил его в той самой комнате, где сейчас остановились вы, сударь. Господин этот был далеко не молод, лет сорока, и отнюдь не красив. Те, кто знали его, говорили, что это уродливейший и добрейший человек на свете. Он играл на скрипке, пел и писал стихи. Образ жизни его был весьма беспорядочен. Иногда он целый день сидел в комнате, музицируя и сочиняя стихи, и лишь ночью выходил прогуляться. Эксцентричная натура, верно? Его нельзя было назвать миллионером, однако он имел *modicum bonum* — чуть больше полумиллиона франков. Как-то раз он посоветовался с банковским поверенным относительно вложения денег в ценные бумаги иностранных государств, а потом забрал у банкира всю сумму наличными. Вот как обстояли его дела накануне катастрофы.

— Прошу вас, налейте себе вина, — сказал я.

— В общем, очертя голову ринулся в лапы к дьяволу! — заметил Уистлвик, наполняя собственный бокал.

— Никто не знает, что произошло с деньгами этого господина. Они исчезли бесследно, — продолжил свой рассказ Карманьяк. — А вот что случилось с ним самим. После этой финансовой операции он снова впал в поэтическую лихорадку: заявил хозяину гостиницы, что давно обдумывает героическую поэму и намерен сегодня ночью приступить к ее сочинению, поэтому просит не беспокоить его до девяти часов утра ни при каких обстоятельствах. Он взял с собой две пары восковых свечей, заказал легкий ужин, кипу писчей бумаги, на которой уместилось бы жизнеописание Генриха V, и соответствующий запас перьев и чернил.

В девять часов утра слуга принес ему чашку кофе — наш поэт сидел за письменным столом и, по словам слуги, строчил так, что из-под пера шел дым. Он был так занят поэмой, что даже не обернулся. Однако через полчаса, когда слуга заглянул еще раз, дверь была заперта. «Я же просил не мешать мне!» — крикнул поэт изнутри.

Слуга ушел; на следующее утро, в девять часов, он постучал в дверь и, не получив ответа, заглянул в замочную скважину: свечи все еще горели, ставни на окнах были по-прежнему закрыты. Слуга постучал еще раз, погромче — ответа не было. Он доложил о случившемся хозяину гостиницы; тот, обнаружив, что постоялец не оставил ключа в замочной скважине, отыскал другой ключ и отпер дверь. Свечи только что потухли, испустив легкий дымок, однако в комнате было достаточно светло, чтобы разглядеть: постельщика нигде нет! Постель была нетронута, оконные ставни заперты. Должно быть, жилец вышел из комнаты, запер дверь снаружи и, положив ключ в Карман, покинул гостиницу. Однако оставалась еще одна неувязка: двери в «Парящем Драконе» запираются в двенадцать часов ночи. После этого часа никто не может выйти из гостиницы иначе, как попросив ключ у хозяина и после ухода поневоле оставив дверь незапертой; без помощи кого-то из находящихся в доме незаметно уйти из гостиницы нельзя.

Как выяснилось, в ту ночь, около половины первого, вскоре после того, как двери были заперты, один из слуг, не знавший о приказе постельщика не беспокоить его до утра, увидел свет, выбивавшийся из замочной скважины, и постучал в дверь, чтобы узнать, не нужно ли гостю что-нибудь. Гость весьма невежливо прогнал слугу, приказав еще раз, чтобы до утра

его не беспокоили. Этот случай подтверждал, что после того, как двери заперты, гость находился в доме. Ключи хранились у хозяина гостиницы; тот клялся, что утром они висели у него над изголовьем постели, на обычном месте, и взять их оттуда, не разбудив его, невозможно. Вот все, что нам удалось установить. Граф де Сен-Алир, владелец этого здания, очень опечалился; он деятельно помогал нам в поисках исчезнувшего постояльца. Но мы ничего не нашли.

— И с тех пор о сочинителе героических поэм ничего не известно? — поинтересовался я.

— Ни малейших следов. Никто больше не видел его. Полагаю, он мертв; если же нет, то, видимо, попал в какой-то дьявольский переплет и вынужден всеми силами скрываться от властей. Мы знаем наверняка лишь то, что, снимая ту комнату, где остановились вы, он исчез совершенно непостижимым образом.

— Вы рассказали о трех таинственных исчезновениях, — сказал я, — и все они связаны с одной и той же комнатой?

— Да, все три. В равной степени непостижимые. Когда человека убивают, перед преступниками стоит чрезвычайно сложная задача: как избавиться от трупа. Трудно поверить, что в этой комнате одного за другим убили трех человек и спрятали тела так удачно, что никто не сумел найти никаких следов.

Разговор перешел на другие темы. Суровый господин Карманьяк развлекал нас скандальными анекдотами, коих за годы работы в полиции накопил великое множество.

К счастью, у моих гостей нашлись дела в Париже, и около десяти часов они уехали.

Я поднялся в комнату и окинул мечтательным взглядом окрестности замка Шато-де-ла-Карк. Луна скрылась за облаками, и в ее неверном свете сумрачный парк приобрел фантастические, зловещие очертания.

В памяти у меня один за другим всплывали загадочные случаи, связанные с моей комнатой; меня охватили тягостные предчувствия, в которых быстро потонули воспоминания о прочих, куда более фривольных историях, рассказанных господином Карманьяком. Я огляделся: комната тонула в зловещем мраке. По спине у меня пробежали мурашки. Я взял пистолеты, будучи почти уверенным, что сегодня ночью они мне пригодятся. Однако следует заметить, что дурные предчувствия ни в коей мере не охладили мой любовный пыл. Меня по-прежнему сжигало стремление помочь возлюбленной графине, однако теперь к нему примешивалась необъяснимая смутная тревога.

Я немного подождал. Днем я успел в точности установить, где находится указанное графинею небольшое кладбище. До него было около мили; мне совсем не хотелось прибыть на условленное место раньше времени.

Я крадучись выбрался из гостиницы. Влево от дороги отходила узкая тропинка; я свернул на нее. Тропинка, едва различимая в тени высоких деревьев, огибала парковую ограду и извилистым путем выходила к старинному кладбищу. Заросший липами погост занимал около полуакра земли между дорогой и стеной, ограждавшей замок Шато-де-ла-Карк.

Я остановился и прислушался. Над заброшенным кладбищем стояла полная тишина. Луна скрылась за густыми тучами, и я едва различал собственные руки. В непроглядном черном тумане призрачно белели смутные очертания надгробных памятников.

На фоне серого, как сталь, горизонта я разглядел заросли кустарника. Я не помню его названия; высотой футов шесть, он похож на наш можжевельник, однако формой кроны напоминает тополь, а листва у него темная, как у тиса. Эти кусты часто высаживают на здешних кладбищах.

Я знал, что пришел немного раньше назначенного времени, и не думал, что прелестная графиня станет рассчитывать на мое появление возле замка прежде, чем было мне велено, поэтому присел на край могильного камня и приготовился терпеливо ждать. Не зная, чем занять себя, я принялся внимательно рассматривать едва различимый черный силуэт того самого то ли дерева, то ли кустарника, который я описал выше. Он возвышался прямо передо

мной, всего в полудюжине шагов.

Луна потихоньку выплывала из-за облака, долго скрывавшего ее лик. Свет становился все ярче, и смутный силуэт вдруг начал изменять очертания. Я понял, что это совсем не дерево — передо мной неподвижно стоял человек. В лучах луны силуэт вырисовывался все отчетливее, и, наконец, я разглядел профиль таинственного незнакомца. Это был полковник Гайяр.

Я не мог ошибиться: седые усы, *farouche* лицо, тощая фигура ростом в шесть футов принадлежали моему бравому знакомцу. По счастью, он стоял вполоборота и не смотрел в мою сторону. Полковник пристально всматривался в темноту прямо перед собой, ожидая то ли сигнала, то ли появления неведомого мне собеседника. Я понимал, что, если он случайно бросит взгляд в мою сторону, мне придется в тот же миг возобновить схватку, начатую не так давно в вестибюле «Прекрасной Звезды». Какая злая шутка судьбы — в этот час, на кладбище, где я ожидал свидания с прелестной графиней, поставить у меня на пути самого опасного в мире свидетеля! Как он был бы рад единым взглядом нанести смертельную рану мне и уничтожить графиню де Сен-Алир, которую он, по всей видимости, считает своим злейшим врагом.

Полковник поднял руку и тихо свистнул; я услышал ответный свист, едва различимый. К моему облегчению, полковник направился в ту сторону, откуда донесся звук, и с каждым шагом расстояние между нами все увеличивалось. До моих ушей донесся приглушенный разговор. Я различил гнусавый голос полковника Гайяра.

С величайшими предосторожностями я подкрался к тому месту, откуда слышались голоса. Над выщербленным краем полуразрушенной стены виднелась высокая шляпа, рядом с ней — другая. Голоса доносились оттуда. Собеседники сделали несколько шагов, но не к замку, а в сторону дороги. Я лег в траву и выглянул из-за могилы, как стрелок, высматривающий неприятеля. Теперь я видел непрощенных гостей в полный рост — один за другим они поднялись на лесенку, ведущую через придорожную изгородь. Полковник, шедший последним, на мгновение задержался на стене, осмотрелся, затем спрыгнул на дорогу. Голоса незнакомцев звучали все тише, и, наконец, они скрылись из виду в направлении, уводящем их все дальше от «Палящего Дракона».

Я подождал, пока их шаги не стихнут вдалеке, и лишь затем проник в парк. В точности следуя указаниям графини де Сен-Алир, я пробрался через заросли кустарника к разрушенной часовне и быстро перебежал через открытую прогалину.

Надо мной снова возвышались величественные кроны старых лип и каштанов. Едва сдерживая бешено колотящееся сердце, я подошел к греческому храму.

Луна светила очень ярко, мягкий свет ее пробивался сквозь густую листву и испещрял неверными бликами зеленый ковер у меня под ногами. Я поднялся по лестнице и остановился среди истертых мраморных колонн. Графини не было ни возле храма, ни во внутреннем святилище, сводчатые окна которого скрывались за густым переплетением плюща. Моя возлюбленная еще не пришла.

Глава 19. Ключ

Я остановился на ступенях и прислушался. Через минуту до меня донесся хруст сучков под чьими-то легкими шагами; обернувшись, я заметил среди деревьев тонкую фигурку, завернутую в плащ.

Я поспешил ей навстречу. Это была графиня. Она не произнесла ни слова, лишь подала мне руку, и я проводил ее к ступеням, на которых состоялась наша прошлая встреча. Мягким, но решительным жестом она прервала мои страстные приветствия. Графиня откинула капюшон, встряхнула роскошными волосами и, устремила на меня печальный взгляд, глубоко вздохнула. Казалось, ее гнетут какие-то тяжкие мысли.

— Ричард, буду говорить начистоту. Близится роковой перелом в моей жизни. Не

сомневаюсь, вы меня защитите. Мне кажется, вы испытываете жалость ко мне, может быть, даже любите.

При этих словах я разразился любовными признаниями. Однако графиня с той же печальной твердостью остановила бурный поток красноречия молодого влюбленного безумца.

— Выслушайте, мой друг, а потом; скажите, в силах ли вы помочь мне. Я понимаю, что поступаю неблагоразумно, доверяясь вам, однако сердце мое подсказывает, что я могу на вас положиться. Встречаться с вами здесь — какое безрассудство! Вы, должно быть, презираете меня! Но как только вы узнаете все, надеюсь, вы измените свое мнение обо мне. Без вашей помощи я не смогу совершить то, что задумала. А если я не совершу этого, мне останется только умереть. Я накрепко связана с человеком, которого презираю, ненавижу. Я решилась бежать. У меня есть драгоценности, большей частью бриллианты, за которые мне предлагали тридцать тысяч ваших английских фунтов стерлингов. Согласно брачному договору, они принадлежат единолично мне; я заберу их с собой. Не сомневаюсь, вы разбираетесь в драгоценностях. Я принесла их на свидание, чтобы показать вам. Вот они, взгляните.

В руках у нее замерцало лунными отблесками бриллиантовое кольцо. Мне подумалось, что даже в эту трагическую минуту ей с чисто женским восторгом хочется подольше полюбоваться драгоценностями.

— Они великолепны! — воскликнул я.

— Да, — ответила графиня, — но я решила расстаться с ними. Я обращаю их в деньги и порву злокозненные оковы священного обета, связывающего меня, вопреки природе, с тираном. Юноша вроде вас, красивый, щедрый, смелый, вряд ли может быть богат. Ричард, вы сказали, что любите меня; так разделите же со мной мою участь. Давайте вместе убежим в Швейцарию. Нам удастся уйти от погони, в этом нам помогут мои влиятельные друзья. Я обрету наконец счастье и сумею вознаградить моего спасителя.

Можете представить себе, в каких красочных выражениях выразил я свою благодарность графине. Я клялся посвятить ей всю свою жизнь, положить на алтарь служения богине все силы души, и отдал себя в полное ее распоряжение.

— Завтра ночью, — сказала графиня, — мой муж должен сопровождать останки почившего родственника, господина де Сен-Амана, на кладбище Пер-Лашез. Катафалк, по его словам, отправится из замка в половине десятого. Ровно в девять часов вы должны быть на этом самом месте!

Я обещал беспрекословно повиноваться.

— Я не встречу вас здесь. Видите окно на угловой башне замка? В нем горит красный свет.

— Вижу.

— Я зажгла его с тем, чтобы завтра вы смогли узнать его. Этот алый огонек будет для вас сигналом, означающим, что похоронная процессия покинула замок. Заметив его, вы можете смело направиться к замку. Подойдите к этому окну; я открою его и впущу вас. Через пять минут у porte-cochere будет стоять готовый к отправке дорожный экипаж, запряженный четверкой лошадей. Я передам бриллианты вам; мы сядем в экипаж и скроемся. Нас хватятся не раньше, чем через пять часов. Я не боюсь ничего; у нас достанет ловкости, сил и средств, чтобы уйти от погони. Вы готовы пойти на это ради меня?

Я снова поклялся верно служить возлюбленной.

— Единственная сложность заключается вот в чем, — сказала графиня. — Я не знаю, как поскорее обратить бриллианты в деньги. Я не решаюсь прикасаться к ним, когда муж в доме.

Вот тут-то у меня и появилась возможность проявить свою преданность. Я сообщил, что у моего банкира хранится сумма не меньше чем в тридцать тысяч фунтов стерлингов; я приду на свидание, имея при себе эти деньги золотом и банкнотами, так что нам не придется подвергать риску ее бриллианты, сбывая их в чрезмерной спешке.

— О небо! — воскликнула графиня с легким разочарованием. — Значит, вы богаты? И

мне не суждено осчастливить моего преданного друга? Что ж, пусть будет так. Вложим в наше предприятие свои средства в равных долях. Приносите свои деньги, а я заберу бриллианты. Для меня будет радостью хотя бы разделить с вами все наши расходы.

Я рассыпался в романтических признаниях, исполненных страсти и поэзии; не стану даже пытаться воспроизвести их.

Графиня дала мне еще несколько важных указаний.

— Я дам вам ключ и объясню, для чего он предназначен. Это был двойной ключ — длинный стержень с бородками по обоим концам. Одна из них, побольше, могла бы отпирать обычную дверь в комнату, другая, маленькая, скорее подходила к стенному шкафу.

— Завтра ночью будьте как можно осторожнее. Малейшее препятствие разрушит все мои надежды. Мне известно, что вы занимаете в «Парящем Драконе» комнату, пользующуюся самой дурной славой. Это очень хорошо; лучшего я и пожелать не могла. Вы удивлены? Я объясню вам. Здесь рассказывают историю о человеке, который однажды ночью заперся в этой комнате, а наутро исчез. На самом деле он, по-моему, хотел улизнуть от кредиторов, а тогдашний хозяин «Парящего Дракона», сам изрядный мошенник, помогал ему в этом. Мой муж расследовал это происшествие и обнаружил путь, которым ускользнул тот пройдоха. Ему помог этот самый ключ. Вот памятная записка и план, объясняющие, как им пользоваться. Я нашла их в секретере графа. Оставляю на ваше усмотрение предлог, которым вы введете в заблуждение хозяев и слуг в «Парящем Драконе». Но, перед тем как уйти, обязательно испытайте ключ: замок от времени мог заржаветь. Я приготовлю в дорогу бриллианты. Что бы нас ни ожидало, лучше все-таки захватите деньги с собой: может пройти не один месяц, прежде чем вам удастся вернуться в Париж или обнаружить свое местопребывание. Позаботьтесь о паспортах: выправите их на любое имя. А теперь, милый Ричард, — она нежно положила руку мне на плечо и с невыразимой страстью заглянула в глаза, — моя жизнь в ваших руках. Я полагаюсь на вашу преданность.

Едва вымолвив эти слова, графиня смертельно побледнела.

— О Боже! Кто там? — воскликнула она и проворно скользнула в узкую дверь, за которой находилась крохотная каморка без крыши, тесная, как усыпальница. Единственное окошко в ней было густо оплетено плющом, и плотные заросли не пропускали внутрь ни единого лучика света.

Я остановился на пороге и вгляделся в кусты, откуда послышались спугнувшие графиню шаги. Неудивительно, что бедняжка испугалась. К нам быстро приближались полковник Гайяр и его неизвестный спутник. До них оставалось не больше двадцати футов. Луна ярко освещала их, я же притаился в тени карниза. Не сознавая, что мраморная стена надежно укрывает меня от глаз полковника, я с трепетом ждал мгновения, когда он с воинственным кличем бросится на меня. Я отступил на шаг, достал из кармана пистолет и взвел курок. Стало ясно, что полковник меня не замечает.

Я стоял, держа палец на спусковом крючке. Если бы полковник приблизился к убежищу, где скрывалась графиня, я бы, не задумываясь, застрелил его на месте. Ради графини я был готов пойти даже на убийство. Так устроен человек: едва вступив тайком на несправедный путь, он готов совершить любые преступления, куда более тяжкие, чем сам готов признать.

— Вот эта статуя, — в своей обычной отрывистой манере бросил полковник. — Вон та.

— Это та самая скульптура, что упоминается в стансах? — спросил его спутник.

— Она самая. В следующий раз разглядим ее получше. Пойдемте, сударь, нам пора.

К моему облегчению, бравый полковник повернулся на каблуках и, приминая траву, зашагал прочь от замка, к парковой стене. По моим расчетам, они перебрались через ограду неподалеку от «Парящего Дракона».

Я вернулся к графине; она трепетала от непритворного ужаса, однако и слышать не хотела о том, чтобы я проводил ее до замка. Я заверил графиню, что ей нечего бояться: я не дам сумасшедшему полковнику вернуться в парк. Она немного успокоилась, нежным голоском пожелала мне доброй ночи и ушла, я же, с ключом в руке, долго смотрел ей вслед.

Перед глазами у меня проносились картины одна другой фантастичнее; в состоянии, близком к безумию, я побрел в гостиницу.

О чем я только думал? Готовый идти наперекор всему свету, попать все соображения чести и совести, презреть все опасности, пойти даже на убийство, впутаться в невероятную историю с непредсказуемыми последствиями — и ради кого? Ради женщины, о которой не знал ничего, кроме того, что она красива и несчастна! Впоследствии я не раз благодарил судьбу за то, что она благополучно вывела меня из трясины, в которой я по глупости едва не утонул.

Глава 20. Старуха в чепце

Я выбрался на дорогу в двух-трех сотнях ярдов от «Парящего Дракона». Ну и приключение выпало на мою долю! А теперь меня, возможно, ждет в гостинице еще одна стычка с отважным рубакой, и трудно сказать, в чью пользу она завершится на этот раз. Я порадовался, что захватил с собой пистолеты. Ни в одном законе не написано, что я обязан без сопротивления отдать себя на растерзание разбойнику.

Полная луна заливала неширокую дорогу ярким серебристым светом. По одну сторону из-за парковой ограды свешивались ветви могучих деревьев, по другую высились стройные тополя.

Я медленно брел к незапертым еще дверям «Парящего Дракона». Мысли мои путались. События следовали друг за другом с такой быстротой, что я, невольный участник странного, неблагоприятного действия, едва осознавал, что со мной происходит.

Полковника нигде не было видно. Я вошел в вестибюль и справился о нем у слуги. «Нет, — ответил он, — за последние полчаса в гостиницу никто не входил». Я заглянул в гостиную. Там никого не было. Часы пробили двенадцать, и я услышал, как слуга задвигает засов на входной двери. Я взял свечу. В этот час огни в сельской гостинице обычно бывают погашены, и в доме стояла тишина, словно все его обитатели давно погрузились в крепкий сон. Я поднялся по широкой лестнице. В окна лился холодный лунный свет. Я на мгновение остановился и окинул взглядом лесистые окрестности древнего замка, столь дорогие моему сердцу. Но тут мне подумалось, что полночный свет в лестничном окне «Парящего Дракона» может привлечь чей-нибудь излишне любопытный взгляд; старый ревнивец граф мог принять нечаянный огонек за тайный сигнал злоумышленников.

Приоткрыв дверь своей комнаты, я с испугом отшатнулся. На пороге стояла старуха, древняя, как мумия, с невероятно длинным лицом. На голове у нее красовался старомодный высокий чепец; рядом с кокетливой белой каемочкой желтовато-бурое морщинистое лицо казалось еще уродливее. Старуха расправила сгорбленные плечи и взглянула мне в лицо. Глаза ее, неестественно черные, горели диким огнем.

— Я тут разожгла очаг, сударь, ночь больно холодная.

Я поблагодарил старуху, но она не ушла. Пламя свечи, зажатой в трясущихся пальцах, трепетало, отбрасывая скачущие тени.

— Простите меня, старую дуру, — проговорила она, — но вы, сударь, знатный милорд из Англии, у ваших ног лежит весь Париж. Какая нелегкая занесла вас в «Парящий Дракон»?

Будь я еще в годах, когда верят в чудесные сказки, я бы принял это иссохшее существо за *genius loci*, духа-хранителя этого зачарованного места, злобную колдунью, по мановению волшебной палочки которой исчезают один за другим злосчастные обитатели этой комнаты. Однако, хоть я и вышел из детского возраста, глаза старой ведьмы неотступно жгли меня, внушая ужас; в их черном пламени я прочел, что моя тайна хорошо ей известна. Я застыл в замешательстве; мне и в голову не приходило спросить старую каргу, какое ей до этого дело.

— Мои глаза хоть и старые, а видели вас в парке возле замка.

— Меня! — я постарался вложить в это слово побольше безразличного удивления.

— Ни к чему отпираться, сударь. Я знаю, что вас здесь держит, и потому говорю:

убирайтесь поскорее! Уезжайте завтра же утром и больше не возвращайтесь! — она взглянула на меня с невыразимым ужасом и предостерегающе подняла руку.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — ответил я, — и почему так печетесь обо мне.

— Не о вас, сударь, — мне до вас дела нет. Я тревожусь за честь знатных господ из старинного рода; я служила им в те лучшие дни, когда знатность была неотделима от чести. Но вижу, сударь, я напрасно трачу слова; вы упорствуете в своей дерзости. Да будет так; я сохраню свою тайну, а вы, если угодно, храните свою. Храните, храните; вскоре вам станет трудновато разгласить ее, даже если захочется.

Не успел я придумать, что ей ответить, как старуха медленно вышла из комнаты и захлопнула дверь. Я простоял еще минут пять, не в силах шелохнуться. Пожалуй, старая карга считает, что нет на свете ничего страшнее ревности господина графа. Как ни презирал я в душе те опасности, на которые смутно намекала старая леди, мне, как вы понимаете, отнюдь не нравилось, что первая же незнакомка, да к тому же приспешница графа де Сен-Алира, с такой легкостью разгадала мою тайну.

Я не знал, стоит ли сообщать графине о том, что наша тайна стала известна злобной старухе. Бедняжка так великодушно, или, по ее собственному выражению, так безрассудно доверилась мне; имею ли я право, как бы рискованно это ни было, скрыть от нее зловещую правду? Не опаснее ли во сто крат идти на свидание, несмотря ни на что? И что значат странные слова чокнутой старухи: «Храните свою тайну, а я сохраню свою»?

Вопросы тысячами роились передо мной, сводя с ума. Я словно блуждал по зачарованным садам Шпессарта, где из-под каждой кочки, из-за каждого дерева на вас готов броситься новый монстр или гоблин.

Я решительно выкинул из головы все страхи и сомнения, запер дверь, сел за стол, зажег свечи и положил перед собой лист пергамента с чертежами, содержащий подробные инструкции о том, как пользоваться ключом.

Изучив как следует все заметки на пергаменте, я отправился на разведку. Возле правой стороны окна угол комнаты был скрыт за косо расположенной панелью стеной обшивки. Я внимательно осмотрел его и обнаружил, что, если нажать на один из отрезков деревянной рамы, он сдвигается в сторону, открывая замочную скважину. Я убрал палец — скрытая пружина тотчас поставила дощечку на место. Значит, я правильно истолковал инструкцию. Я поискал вокруг — над полом, прямо под первой потайной дверцей, обнаружилась еще одна. К обеим замочным скважинам подходила меньшая бородка ключа. Два-три поворота — и дверца в дубовой панели отворилась. В каменной стене темнел сводчатый проем, за ним виднелась винтовая лестница.

Со свечой в руках я шагнул в дверь. Не знаю, вправду ли застоявшийся, годами не потревоженный воздух обладает некими особыми свойствами; мне всегда чудился в нем таинственный аромат. Из забытого коридора повеяло влажным дыханием старинной каменной кладки. В трепетном мерцании свечи я едва различал поросшие мхом стены; основание лестницы терялось во мраке. Пройдя несколько витков, я спустился на каменный пол: Здесь меня ждала еще одна дверь, старинная, дубовая, глубоко утопленная в стену. К замочной скважине подошел больший конец ключа. Замок оказался тугим; я поставил свечу на ступеньку и налег обеими руками. Ключ нехотя повернулся. Замок громко скрипнул; я застыл на месте, опасаясь, как бы предательский скрежет не выдал меня.

Некоторое время я стоял не шевелясь, но вскоре набрался смелости и приоткрыл дверь. В лицо мне пахнуло прохладным ночным воздухом; легкий ветерок задул свечу. Сразу за дверью начинались густые заросли падуба, непроходимые, как джунгли. Я очутился в полной темноте; лишь изредка то тут, то там сквозь листву пробивался тонкий лучик лунного света.

То и дело замирая на месте и прислушиваясь, не распахнул ли окно кто-нибудь из постояльцев, разбуженный скрежетом ржавого замка, я осторожно пробирался сквозь густой подлесок. Наконец я вышел на открытую поляну и обнаружил, что заросли кустарника тянутся до самого парка и смыкаются с высоким лесом, окружавшим греческий храм, возле

которого я встречался с возлюбленной.

Самый талантливый полководец не нашел бы более надежно укрытого от посторонних глаз пути. Я без помех добрался от «Парящего Дракона» до места свидания, где совсем недавно ждала меня обожаемая графиня.

Оглянувшись на старую гостиницу, я обнаружил, что винтовая лестница скрывается в той самой стройной башенке, которая до сих пор казалась мне простым украшением. Она располагалась именно там, где дубовая обшивка моей комнаты образовывала, как и указано на плане, срезанный угол.

Удовлетворенный результатами разведки, я вернулся к двери, вскарабкался по винтовой лестнице обратно в комнату и запер потайную дверь. Поцеловав заветный ключ, который не далее как вчера сжимала боготворимая мною рука, я положил его под подушку, опустил на нее свою забубенную головушку и ненадолго погрузился в глубокий сон.

Глава 21.

Трое в зеркале

Наутро я проснулся очень рано, однако от волнения не мог больше уснуть. Стараясь не возбуждать излишних подозрений, поговорил с хозяином. Я сказал ему, что нынче вечером уеду в Париж, а оттуда отправлюсь в город N..., где у меня состоится деловая встреча, и велел именно так докладывать о моем местопребывании всем знакомым, кто придет навестить меня. Я сообщил, что собираюсь вернуться через неделю; до тех пор ключ от комнаты останется у моего слуги, Сен-Клера, который и присмотрит за вещами.

Введя таким образом хозяина в заблуждение, я отправился в Париж и позаботился о финансовой стороне предприятия. Трудность заключалась в том, чтобы перевести все мои средства, около тридцати тысяч фунтов стерлингов, в такую форму, чтобы я мог не только легко унести их с собой, но и пустить в дело, не оформляя никаких бумаг и не раскрывая никоим образом своего местожительства. Однако все уладилось как нельзя лучше. Не стану утомлять вас рассказом о том, как мне удалось выправить паспорта. Достаточно сказать, что место для нашего побега я выбрал в самом романтическом духе: конечным Пунктом путешествия был указан один из красивейших и самых уединенных уголков Швейцарии.

Я решил обойтись без багажа. В первом же мало-мальски значительном городе, куда мы прибудем на рассвете, можно будет купить все необходимое. Стрелки приближались к двум часам пополудни. Всего только два! Как мне убить остаток дня?

В моих экскурсиях по Парижу мне еще не довелось осмотреть Нотр-Дам; туда я и отправился. Погуляв возле собора около часа, я поехал в Консьержери, затем во Дворец Правосудия, посетил живописную церковь Сен-Шапель. Однако до назначенного времени оставалось еще несколько часов. Не зная, куда себя деть, я принялся бродить по узким улочкам, примыкавшим к собору. На одной из них мне встретилось старинное здание; надпись на стене гласила, что когда-то в этом доме обитал каноник Фульбер, дядя знаменитой Элоизы, возлюбленной Абеляра. Не знаю, сохранились ли до нашего времени эти уютные переулки, где-то тут, то там мне встречались готические церквушки, переделанные под склады. Меня заинтересовала неказистая лавчонка из тех, что торгуют всякой всячиной. Владелец ее предлагал посетителям самые разнообразные старинные украшения, оружие, фарфор, мебель. Я вошел в лавку; внутри было темно и пыльно, низко нависал закопченный потолок. Хозяин, чистивший в уголке средневековые инкрустированные доспехи, разрешил мне походить по лавочке и осмотреть самые любопытные вещицы. Постепенно я добрался до дальнего угла лавки, где тускло мерцало многостворчатое окно, невероятно грязное. Возле окна я обернулся: в нише, ребром к боковой стене, стояло большое зеркало в потертой старинной раме. В нем отражался отгороженный уголок, который в старинных домах, я слышал, называется «альковым». Стены его были увешаны насквозь пропыленными предметами старины; среди хлама, усыпавшего пол, стоял стол, за которым сидели три человека, увлеченно беседовавших. Я

тотчас узнал двоих: это были полковник Гайяр и маркиз д'Армонвилль. Третьим был человек самой гнусной наружности: тощий, бледный, рябой от оспы, с жидкими черными волосами, он лениво поигрывал гусиным пером. Маркиз поднял глаза — товарищи тотчас же проследили за направлением его взгляда. Я застыл в замешательстве, не зная, как поступить, однако вскоре понял, что они меня не узнали. Неудивительно — в этом углу лавки было очень темно, а свет из окна падал из-за моей спины.

Мне хватило присутствия духа сделать вид, что я всецело погружен в рассмотрение какого-то необычайно интересного экспоната. Я неторопливо прошел обратно к дверям лавки, остановился и прислушался. Не услышав за спиной шагов преследователя, я облегченно вздохнул и, как вы догадываетесь, ни на секунду более не задержался в подозрительной лавке, где мне довелось сделать столь неожиданное открытие.

Мне не пришло в голову задаться вопросом, какая нужда свела полковника Гайяра с маркизом, да еще в столь неприглядном месте, или кем была гнусная личность, покусывавшая гусиное перо. Политические дела наподобие тех, в которых участвовал маркиз, иногда заставляют заводить знакомство с самыми неожиданными людьми.

Я был рад убраться подальше из лавки и, едва село солнце, подъехал к крыльцу «Парящего Дракона» и отпустил экипаж. В руке у меня был дорожный сейф, на удивление маленький, если принять во внимание его содержимое. Сверху сейф был обтянут кожей, что придавало ему вид обычного чемоданчика.

Поднявшись в комнату, я позвал Сен-Клера и рассказал ему ту же самую легенду, что придумал для хозяина гостиницы. Я вручил слуге пятьдесят фунтов стерлингов, наказав истратить сколько потребуется на себя и платить за комнату вплоть до моего возвращения. Затем наспех поужинал, то и дело поднимая взгляд к старинным каминным часам, единственному сообщнику в задуманной мною чудовищной аванюре. Само небо благоприятствовало моим замыслам и затянулось густыми облаками, погрузив окрестности в непроглядную темноту.

В вестибюле меня встретил хозяин гостиницы. Он поинтересовался, не желаю ли я заказать экипаж до Парижа. Я был готов к такому вопросу и сказал, что собираюсь пешком пройти в Версаль и там нанять фиакр. Я позвал Сен-Клера.

— Пойди, — сказал я, — и выпей с приятелями бутылку вина. Если мне что-нибудь понадобится, я позову тебя. А до тех пор возьми ключ от моей комнаты, вот он. Мне нужно написать кое-какие письма, поэтому не позволяй никому беспокоить меня по крайней мере полчаса. Если после этого меня не окажется в комнате, не удивляйся; значит, я пешком отправился в Версаль. Позаботься обо всем и запири дверь, понял?

Сен-Клер пожелал мне счастья и удалился, несомненно предвкушая, как повеселится на мои денежки. Я же со свечой в руке поспешил вверх. Мне вдруг захотелось, чтобы до условленного времени оставалось еще хотя бы минут пять. Не думаю, что у меня в характере есть хоть капля трусости, просто перед наступлением решающего часа мною овладела напряженная тревога, знакомая каждому солдату, идущему в бой. Но отказаться от задуманного? Ни за что на свете!

Я опустил засов на двери, надел пальто и положил в карманы по пистолету. Затем отпер потайные замки, чуть приоткрыл спрятанную в дубовой панели дверцу и взял под мышку дорожный сейф. Задул свечу, поднял засов на входной двери, прислушался, не идет ли кто-нибудь, быстро подбежал к потайной дверце, вышел и захлопнул ее за собой. Скрытая пружина тотчас же поставила панель на место. С ключом в руках я очутился, в полной темноте на винтовой лестнице. До сих пор у меня на пути не встретилось никаких осложнений.

Глава 22.

Тайная встреча

Вокруг царила непроглядная тьма. Я спустился по винтовой лестнице на каменный пол,

отыскал дверь и нащупал замочную скважину. Стараясь действовать осторожнее и поменьше шуметь, я отпер дверь и вышел. В зарослях кустарника было едва ли светлее, чем на лестнице.

Я запер дверь и принялся медленно пробираться через подлесок. Вскоре заросли стали не такими густыми. Идти стало легче. Надежно укрытый от посторонних глаз, я шел по лесу, держась неподалеку от опушки.

Вскоре я различил впереди, ярдах в пятидесяти, смутные очертания древнего храма. Мраморные колонны, словно призраки, белели меж высоких стволов. Все складывалось как нельзя лучше. Мне удалось ввести в заблуждение собственного слугу, хозяина «Парящего Дракона» и всех тамошних прислужников; ночь выдалась такая темная, что пусть хоть все постояльцы гостиницы выглянут из окон, заподозрив неладное, я сумею избежать их любопытных взглядов.

Пробираясь между деревьями, перешагивая через могучие корни, я приблизился к условленному наблюдательному пункту. Я поставил кожаный чемоданчик со своими сокровищами в стенной проем и, облокотившись на него, принялся внимательно всматриваться в замок. Очертания шато, едва различимые на фоне ночного неба, терялись во мраке. Ни в одном из окон не было света. Оставалось только ждать, долго ли?

И только сейчас, когда я стоял, облокотившись о чемодан с деньгами, и, окрыленный самыми пылкими и радужными мечтаниями, всматривался в сумрачный силуэт замка, меня вдруг посетила чудовищная мысль, которая, как вы догадываетесь, должна была прийти мне в голову давным-давно. Тотчас же ночь показалась мне гораздо темнее, по спине пробежал неприятный холодок.

Что, если я бесследно исчезну, подобно героям слышанных мною историй? Ведь я сделал все возможное, чтобы замести следы, сохранить в тайне мои истинные устремления, увести всех, кто станет меня разыскивать, в ложном направлении!

Леденящая предательская мысль змеей проскользнула у меня в голове, но я постарался поскорее прогнать ее.

Разве не нахожусь я в расцвете молодости и сил, разве не бурлит во мне кровь, не манит страстная любовь и тяга к приключениям! Разве нет у меня пары дуэльных пистолетов — значит, у меня в руках четыре человеческих жизни! Что может случиться со мной? Старый граф — что из того, если он встанет у меня на пути, я ведь сам видел, как он трясся от страха, когда на него налетел разъяренный полковник. Однако ради спокойствия моей Дульсинеи я, пожалуй, не трону его. Ничего страшнее неожиданной встречи с графом не приходило мне в голову. Нет, графиня такая умная и храбрая, она сумеет устроить так, что никакие недоразумения не смогут помешать нам. Я посмеялся над собственными страхами.

Пока я беседовал сам с собой, в окне загорелся долгожданный свет.

Couleur de rose — огонек цвета розы, цвета надежды, заря счастливого дня.

Фонарик в окне светил ярко, ровно. Каменные башни на крыше замка казались рядом с ним еще чернее. Со словами страстной любви на устах я зажал под мышкой дорожный сейф и, не сводя глаз с заветного огонька, быстрыми шагами направился к замку Шато-де-ла-Карк. Ничто не возвещало об опасности — не мелькал за деревьями свет, не слышались голоса, не звучали чужие шаги, не лаяли собаки. Подойдя к высокому окну, я обнаружил, что к нему ведет лестница из дюжины ступеней. Массивная железная решетка, служившая дверью, была раскрыта, шторы на окне опущены.

Изнутри на шторы упала чья-то тень; невидимая рука раздвинула занавеси. Поднявшись по ступеням, я услышал тихий шепот: «Ричард, дорогой Ричард, придите, придите же скорее! О, как давно я вас жду!»

Моя возлюбленная показалась мне даже прекраснее, чем раньше. Любовь моя переросла в страстный восторг. Я желал только одного — чтобы у меня на пути встала настоящая опасность; тогда я сумею доказать, что достоин быть рядом с таким восхитительным созданием. После бурных приветствий графиня усадила меня на диван

возле себя. Мы поговорили минуточку-другую. Она сообщила, что граф ушел; похоронная процессия направляется на кладбище Пер-Лашез и в эту минуту удалилась от замка, вероятно, не менее чем на милю. Бриллианты находятся у графини. Она торопливо раскрыла шкатулку — внутри искристой россыпью сверкали великолепные драгоценности.

— Что это? — спросила графиня, указывая на мой дорожный сейф.

— Здесь лежат тридцать тысяч фунтов стерлингов, — ответил я.

— Как! Все ваши деньги? — воскликнула она.

— До последнего су.

— Разве нужно было брать с собой так много, ведь у нас есть это, — она указала на бриллианты. — С вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы позволили мне хоть какое-то время содержать нас обоих. Я была бы так счастлива!

— О, мой милый, щедрый ангел! — возгласил я. Как оказалось впоследствии, ничего опрометчивее я не мог произнести. — Не забывайте, что нам придется очень долго скрываться от людей, хранить в тайне наше местопребывание.

— У вас при себе такая большая сумма; вы пересчитали?

— Да, конечно; я получил их не далее как сегодня, — ответил я, не сумев скрыть удивления. — Разумеется, пересчитал, когда получал у банкира.

— Мне не по себе, когда приходится путешествовать с такой крупной суммой; но отправляться в дорогу с этими бриллиантами едва ли не опаснее. Давайте положим их вместе; когда мы сядем в карету, вы снимете пальто и накроете им наш багаж.

Мне бы не хотелось, чтобы кучера заподозрили, что у нас при себе такие сокровища. А теперь будьте добры, задерните занавески и закройте ставни.

Едва я успел выполнить ее просьбу, как в дверь комнаты громко постучали.

— Я знаю, кто это может быть, — шепнула графиня.

Я заметил, что она не встревожилась. Графиня тихо подошла к двери и шепотом заговорила с кем-то.

— Это моя служанка, я ей вполне доверяю. Она поедет с нами. Говорит, что нам следует отправляться не ранее чем через десять минут. Она принесет нам кофе в соседнюю комнату.

Графиня приоткрыла дверь и выглянула.

— Пойду скажу ей, чтобы не брала слишком много чемоданов. Эдакая дуреха! Не ходите за мной, подождите здесь. Будет лучше, если она вас не увидит.

Жестом призвав меня к молчанию, графиня вышла из комнаты. В манерах этой очаровательной женщины произошла необъяснимая перемена. В считанные минуты ее словно накрыла сумрачная тень. Графиня казалась рассеянной; можно было подумать, что она чего-то боится. Почему она побледнела? Почему потемнел ее взгляд? Почему изменился голос? Что-нибудь идет не так, как было задумано? Нам грозит опасность?

Сомнения мои, однако, сразу утихли. Случись что-нибудь непредвиденное, графиня, разумеется, сказала бы мне об этом. Вполне естественно, что с приближением решающей минуты она все больше и больше тревожится. Я ждал графиню; она все не возвращалась. Вряд ли кто-нибудь на моем месте сумел бы сохранить спокойствие. Я взволнованно расхаживал взад и вперед. Комната была небольшая. В противоположной стене я заметил дверь и, не раздумывая, распахнул ее. Прислушался — из-за двери не доносилось ни шороха. Нервы мои были напряжены до предела, все умственные и физические силы сосредоточены на предстоящем побеге, поэтому я плохо понимал, что происходит вокруг. Только этим я могу объяснить, почему в ту ночь наделал столько глупостей — ведь в другие времена хитрости мне было не занимать. В следующий миг я сотворил самую большую глупость — вместо того, чтобы тотчас закрыть дверь, которую мне и открывать не следовало, я взял свечу и вышел из комнаты. Меня ждало совершенно неожиданное, ужасающее открытие.

Глава 23.

Чашка кофе

В комнате не оказалось ни одного ковра. Пол был усыпан древесными стружками и битым кирпичом. Я не поверил своим глазам — в глубине, на узком столике, лежал предмет, который я меньше всего ожидал увидеть.

Я приблизился и стянул простыню, почти не скрывавшую очертаний странного предмета. Я не ошибся: это был гроб. Надпись на крышке гласила:

PIERRE DE LA ROCHE ST. AMAND

Ager de XXIII ans

Я отшатнулся; по спине у меня пробежала дрожь. Значит, похоронная процессия еще не отбыла! Тело покойного лежит здесь. Меня обманули. Так вот чем объясняется странное замешательство графини. Куда разумнее было бы объяснить мне истинное положение вещей. Я вышел из печальной комнаты и закрыл дверь. Недоверие графини не только обидело меня, оно могло сорвать все дело. Нет ничего опаснее, чем осторожность, направленная не по адресу. Ничего не подозревая, я вошел в комнату; а ведь я мог столкнуться там с людьми, которых мне пуще всего следует остерегаться.

Грустные размышления мои прервались так же внезапно, как и начались: на пороге появилась графиня де Сен-Алир. Она бросила быстрый взгляд на противоположную дверь, и я тотчас же понял, что у меня на лице написана вся правда о случившемся.

— Милый Ричард, вы видели что-то такое, что вас встревожило? Вы выходили из комнаты?

Я тотчас же ответил «Да» и честно рассказал обо всем, что произошло.

— Поверьте, я просто не хотела вселять в вас излишнее беспокойство. К тому же все это так ужасно и неприятно. Тело действительно там; однако граф отбыл за четверть часа до того, как я зажгла на окне цветную лампу. Тело прибыло минут через десять после отъезда графа. Он боялся, что могильщики на кладбище Пер-Лашез решат, что похороны перенесены на другой день. Граф знал, что, несмотря на непредвиденную задержку, тело бедного Пьера непременно прибудет нынче ночью. У моего мужа есть причины желать, чтобы похороны состоялись до наступления завтрашнего дня. Катафалк с телом отбудет минут через десять. Тотчас же после этого мы обретем свободу и отправимся в наше безумное, радостное путешествие. Лошади запряжены, карета ждет нас у porte-cochere. Что же до этого ужаса (она изящно пожала плечиками), не стоит больше думать о нем.

Графиня опустила засов на пресловутой двери и обернулась. На ее очаровательном личике было написано такое раскаяние, что я готов был броситься к ее ногам.

— Клянусь, это в последний раз, — с нежной мольбой произнесла она. — Больше никогда я не буду обманывать моего прекрасного, храброго Ричарда, моего героя. Я прощена?

Я разразился новым потоком бурных излияний, пылких признаний и восторгов, однако произносил их шепотом, чтобы они не долетели до посторонних ушей.

Внезапно графиня подняла руку, словно призывая меня не двигаться, и застыла, прислушиваясь к звукам, доносившимся из соседней комнаты, где находился гроб. Затем слегка кивнула мне, на цыпочках подошла к двери и снова прислушалась, протянув руку назад, словно приказывая мне не приближаться. Через минуту графиня вернулась ко мне, по-прежнему на цыпочках, и прошептала:

— Выносят гроб. Пойдемте, со мной.

Вслед за ней я прошел в будуар, где графиня, по ее словам, несколько минут назад разговаривала со служанкой. На серебряном подносе нас ждал кофейник и старинные фарфоровые чашки — они показались мне очень красивыми. На другом подносе стояли рюмки и оплетенная бутылка с ликером, настоящим на персиковых косточках.

— Я поухаживаю за вами. Сегодня я ваша служанка. У меня свои понятия: если вы откажетесь потакать любым моим прихотям, я решу, что мой милый меня так и не простил.

Она наполнила мою чашку и протянула ее, нежно обняв за плечи правой рукой и ласково перебирая мои волосы.

— Выпейте. Я тоже налью себе, — шепнула графиня.

Кофе оказался превосходным. Едва я допил чашку, как графиня протянула мне рюмку с ликером. Я выпил.

— Милый, пойдем в соседнюю комнату, — сказала графиня. — Эти ужасные люди, должно быть, уже вынесли гроб, и там мы будем в большей безопасности, чем здесь.

— Командуйте, и я подчинюсь. Повелевайте мною не только сейчас, но и всегда, везде, во всем, о, моя прекрасная королева! — прошептал я. Сия напыщенная речь происходила из моих идеализированных представлений о традициях французских влюбленных. До сих пор мне стыдно вспоминать велеречивые эпитеты, которыми я осыпал графиню де Сен-Алир.

— Тогда, пожалуйста, выпейте еще один бокал ликера, совсем маленький, — весело сказала графиня. Моя возлюбленная снова была весела, как птичка; казалось, ее не тревожили ни мрачная атмосфера траурной залы, ни предчувствия неведомых испытаний, ожидавших нас в будущем. Она обегала в гостиную и возвратилась с крохотным бокалом, который я с приличествующими случаю восторженными речами поднес к губам и выпил.

Я заглядывал в прелестные глаза, целовал ей руки, губы. Она не сопротивлялась.

— Вы зовете меня Ричард, но каким же именем называть вас, о мое прекрасное божество? — спросил я.

— Зовите меня Эжени; это мое настоящее имя. Если вы любите меня так же всецело, как я люблю вас, то давайте же откроемся друг другу.

— О Эжени! — воскликнул я и снова и снова восторженно повторил ее имя.

В конце концов я признался, что мне не терпится поскорее отправиться в путь. Однако в этот миг меня захлестнуло странное ощущение. Нет, я отнюдь не собирался падать в обморок. Не нахожу слов, чтобы описать свое состояние; похоже было на то, словно мозг внезапно отказал мне, или же оболочка, в которую он заключен, если такая имеется, вдруг стала жесткой и сжалась, как сухая кожа.

— Ричард, дорогой! Что случилось? — в ужасе воскликнула графиня. — О небо! Вы заболели! Сядьте, умоляю вас. Садитесь в кресло. — Она едва не силой усадила меня. Я не мог оказать ни малейшего сопротивления. С пугающей отчетливостью я узнал овладевшее мною бессилие. Я откинулся в кресле, не в силах произнести ни звука, не в силах опустить веки, шевельнуть хоть одним мускулом. В считанные секунды я впал в то же состояние, в котором провел не один час в ночной карете, едущей в Париж, рядом с маркизом д'Армонвиллем.

Моя подруга громко рыдала от ужаса. Казалось, она не сознавала опасности, не понимала, что нас могут услышать. Она звала меня по имени, трясла за плечо, приподнимала и роняла мою руку, в смятении пыталась отыскать хоть малейший признак жизни и, не найдя его, возопила, что, если я умру, то и она покончит с собой.

Однако через минуту-другую бурные излияния внезапно стихли. Графиня замолчала; теперь она казалась совершенно спокойной. Она деловито взяла свечу и подошла ко мне. Лицо ее оставалось очень бледным, но испытующий взгляд выражал лишь серьезное внимание с легким налетом ужаса. Графиня медленно поводила свечой у меня перед глазами, убеждаясь, что я не реагирую на свет. Затем отставила свечу и громко зазвонила в колокольчик. Положив на стол шкатулку с бриллиантами и мой дорожный сейф, графиня тщательно заперла дверь в будуар, где я только что пил свой злосчастный кофе.

Глава 24.

Надежда

Едва графиня успела опустить на стол мой дорожный сейф, явно слишком тяжелый для нее, как дверь в залу, где стоял гроб, распахнулась, и на пороге появился человек, которого я поначалу принял за чудовищное видение.

Передо мной стоял граф де Сен-Алир, который, по словам графини, должен был находиться где-то на полпути к кладбищу Пер-Лашез. На мгновение его тощая гнусная

фигурка застыла в дверях наподобие портрета, где рамой служил дверной проем, а фоном — зловещая темнота сумрачной комнаты. Граф был одет в черный траурный костюм, в руке он держал пару черных перчаток, шляпу обвивала креповая лента.

Злобное лицо графа подергивалось от беспокойства, тощие губы беспрерывно кривились. Этот уродец казался напуганным до смерти.

— Ну как, Эжени? Что, детка? Вижу, все идет удачно?

— Да, — тихо, но твердо ответила графиня. — Но вы с Планаром напрасно не заперли эту дверь. Он вошел и увидел то, что ему видеть совсем не полагалось. Хорошо еще, что он не успел сдвинуть крышку гроба, — сурово добавила она.

— За этим должен был присмотреть Планар, — резко ответил граф. — *Ma foi!* Не могу же я уследить за всем! — Он торопливо мелкими шажками подошел ко мне и надел очки. — Месье Беккет, — громко окликнул он пару раз. — Эй! Вы меня не узнаете! Он склонился надо мной и внимательно всмотрелся в мое лицо, приподнял и встряхнул мою руку, окликнул еще раз и удовлетворенно произнес: — Все удалось как нельзя лучше, моя милая *mignonne*. Когда это началось?

Графиня подошла ближе и смерила меня оценивающим взглядом. Трудно представить, до чего тяжело выносить пристальный взгляд двух пар злобных глаз. Затем графиня перевела взгляд туда, где, по моим представлениям, должна была находиться каминная полка с часами; до меня доносилось их громкое тиканье.

— Четыре... пять... шесть с половиной минут, — холодно произнесла она.

— Браво! Брависсимо! Моя прелестная королева! Моя Венера! Жанна д'Арк! Моя героиня! Образец совершенства!

Граф пялился на меня с чудовищной злорадной ухмылкой. Он пошарил у себя за спиной тонкими бурыми пальцами, пытаясь найти руку графини, но она, не желая (как мне хотелось бы думать) его ласки, чуть подалась назад.

— Пойди сюда, *ma chère*, давай-ка посмотрим. Что это? Записная книжка? Или... или...

— Вот оно! — воскликнула графиня, с отвращением указывая на мой дорожный сейф в кожаном футляре, лежавший на столе.

— О! Давай посмотрим... посчитаем... посмотрим... — бормотал граф, развязывая дрожащими пальцами ремни. — Надо посчитать... надо посмотреть. Вот тут у меня карандаш и записная книжка... но где же ключ? Проклятый замок! Черт бы его побрал! Где же ключ?

Шаркая ногами, он подошел к графине и протянул руки с трясущимися пальцами.

— У меня его нет; откуда ему взяться? Наверняка он у него в кармане, — ответила дама.

В следующий миг гнусные пальцы старого негодяя залезли ко мне в карман. Он выгреб оттуда все содержимое, в том числе и несколько ключей.

Я застыл в том же самом оцепенении, какое сковало меня в карете, когда я ехал с маркизом в Париж. Трагедия разыгрывалась не на шутку, а я никак не мог до конца понять, какую роль играет в ней графиня. Женщинам присуще куда больше присутствия духа и актерского мастерства, чем выпало на долю нашего неуклюжего пола; я не понимал, было ли возвращение графа неожиданностью для графини, не знал, для чего граф затеял обыск моего дорожного сейфа. Однако обстоятельства прояснялись с каждой минутой; очень скоро мне было суждено осознать всю бедственность моего положения.

Силы изменили мне, я не мог отвернуться от этого гнусного зрелища, не мог опустить глаза. Попытайтесь, как я, сесть в самом конце комнаты; вы убедитесь, что взгляд ваш, не меняя направления, охватывает все обширное помещение и даже различает, вследствие особого преломления лучей в глазу, даже то, что находится очень близко от вас. От меня не ускользало ничто из происходившего в комнате.

Старик наконец нашел у меня в кармане нужный ключ, раскрыл кожаный футляр и отпер окованный железом сундучок. Резким движением он высыпал на стол все его содержимое.

— Монеты завернуты в столбики по сто наполеондоров в каждом. Один, два, три. Быстрее! Записывай: тысяча наполеондоров. Раз, два... да, верно. Еще тысяча. Пиши! — Они быстро пересчитали золотые монеты и дошли до банкнот.

— Десять тысяч франков. Пиши! Еще десять тысяч — записала? Еще десять тысяч; готова? Лучше бы он взял банкноты помельче. Меньше было бы хлопот. Запри получше дверь. Если Планар узнает, сколько тут денег, он с ума сойдет. Почему ты не велела ему взять банкноты помельче? Впрочем, теперь уж все равно... давай дальше... ничего не поделаешь. Пиши: еще десять тысяч франков, еще, и еще. — Таким образом они прямо у меня перед носом не торопясь пересчитали мое состояние. Я видел и слышал все до последней мелочи, на редкость хорошо осознавал происходящее, но в остальном был все равно что мертв.

Пересчитав деньги, граф аккуратно сложил все банкноты и монеты в сундучок, запер его, упаковал в кожаный футляр, открыл стенной шкаф, скрытый за дубовой обшивкой, уложил туда шкатулку с бриллиантами графини и мой дорожный сейф и запер дверцу. Покончив с делами, он снова принялся сердито ворчать и чертыхаться, недовольный на сей раз тем, что Планар задерживается.

Он поднял засов на двери, выглянул в темную комнату и прислушался. Затем прикрыл дверь и нервно прошелся из угла в угол. Старик явно сгорал от нетерпения.

— Я отложил для Планара десять тысяч франков, — сказал граф, коснувшись жилетного кармана.

— Ему этого хватит? — спросила леди.

— Черт бы его побрал! — завизжал граф. — У него что, совести нет? Я скажу ему, что это половина всей суммы.

Злоумышленники снова подошли ко мне и с тревогой всмотрелись в мое лицо. Старый граф опять принялся на чем свет стоит ругать Планара, то и дело поглядывая на часы. Графиня проявляла меньше нетерпения. Она села боком ко мне, так, чтобы не смотреть на меня. Профиль ее оказался прямо передо мной — странное дело; графиня была не похожа на себя, в лице ее появилось что-то темное, колдовское. Она походила на ведьму. При виде ее зловещего лица, с которого спала маска, последняя надежда покинула меня: Я был уверен, что эти грабители не остановятся перед убийством. Но почему они сразу не прикончили меня? Для чего тянут со злодеянием, которое в конечном счете позволит им уйти безнаказанными? До сих пор не могу воскресить в памяти неописуемые ужасы, через которые мне довелось пройти. Вообразите себе кошмар наяву — я имею в виду такой кошмар, в котором вам грозит настоящая опасность, а мучители, наслаждаясь вашими нечеловеческими терзаниями, оттягивают желанный миг телесной смерти. У меня не осталось сомнений относительно того, по чьей вине я впал в свое странное оцепенение.

Терзаемый страшными пытками, еще более мучительными оттого, что я не мог никак выразить своих страданий, я увидел, как дверь комнаты, где стоял гроб, медленно растворилась. На пороге стоял маркиз д'Армонвилль.

Глава 25. Отчаяние

На миг во мне вспыхнула надежда, неистовая и трепещущая, почти столь же мучительная, как моя чудовищная беспомощность, но при первых же словах графа я снова впал в глубокое отчаяние.

— Слава Богу, Планар, наконец-то вы пришли. — Граф крепко вцепился в локоть вошедшего обеими руками и подвел ко мне. — Вот, взгляните. До сих пор все прошло гладко, гладко, лучше не бывает. Поддержать вам свечу?

Мой друг д'Армонвилль, он же Планар, подошел ко мне, стянул перчатки и запихнул их в карман.

— Свечу сюда, — велел он и, склонившись надо мной, внимательно всмотрелся в мое

лицо. Потрогал лоб, провел по нему ладонью и заглянул в глаза.

— Ну как, доктор, что вы думаете? — прошептал граф.

— Сколько вы ему дали? — спросил маркиз, внезапно низведенный до простого врача.

— Семьдесят капель, — ответила графиня.

— В горячем кофе?

— Да, шестьдесят в чашке горячего кофе и десять в ликере.

Мне показалось, что голос ее, низкий и твердый, слегка дрогнул. Не так-то легко победить собственный характер; внешние признаки волнения часто оказываются более стойкими, они сохраняются на лице еще долго после того, как погибнут все хорошие качества, что заложены в нас природой. Доктор, однако, проявлял ко мне не больше жалости, чем к безымянному трупу, который вот-вот будет препарирован на потеху студентам. Он снова заглянул мне в глаза, взял меня за руку и нащупал пульс.

— Сердечная деятельность остановилась, — сказал он про себя. Потом он поднес к моим губам некий предмет, который я разглядел лишь мельком — он показался мне похожим на металлический щиток, каким ювелиры прокатывают золото в листки, — и отстранился, чтобы его собственное дыхание не замутило зеркальной поверхности. — Да, — очень тихо произнес он.

Затем он разорвал на мне рубашку и приложил к груди стетоскоп. Приложив ухо к его концу, он долго водил трубкой по моей груди, прислушиваясь к малейшим звукам, затем выпрямился и сказал, опять же словно про себя:

— Вся наблюдаемая деятельность легких прекратилась. Обернувшись, врач произнес:

— Семьдесят капель, десять из них — на всякий случай. Такая доза продержит его в неподвижности шесть с половиной часов. Тогда, в карете, я дал ему всего лишь тридцать капель — его мозг оказался хорошо восприимчивым к снадобью. Эта доза его не убьет. Вы уверены, что дали ему семьдесят капель, а не больше?

— Разумеется, — ответила графиня.

— Разве вы не понимаете? Если он умрет от снадобья, ядовитые испарения останутся в легких, и в животе можно будет найти посторонние вещества. Если вы сомневаетесь, лучше сделать промывание желудка.

— Эжени, милая, скажи, скажи откровенно, прошу тебя, скажи честно, — суетился граф.

— Чего мне сомневаться? Я вполне уверена, — отвечала она.

— А когда именно вы дали снадобье? Я велел вам заметить точное время.

— Я и заметила; минутная стрелка была вон там, возле ноги Купидона.

— Значит, действие будет продолжаться еще семь часов. Затем он очнется; выделение лекарства из легких прекратится, и в животе не останется ни одной капельки.

Я был рад слышать, что в их намерения не входит убить меня. Тот, кто не пережил этого, не может представить себе, как ужасно ждать ее приближения, когда разум совершенно ясен, все жизненные инстинкты сохраняются и ничто не может остановить этот неведомый доселе ужас. Однако я не подозревал, какова истинная цель неожиданной доброты моих мучителей.

— Полагаю, вы покинете Францию? — спросил мнимый маркиз.

— Конечно, завтра же, — ответил граф.

— И куда направитесь?

— Мы еще не решили, — поспешно ответил старик.

— Что, не хотите сказать другу?

— Пока что я сам не знаю. Уж больно неприбыльным оказалось дельце.

— Ну, это мы со временем уладим.

— Не пора ли укладывать? — граф указал пальцем на меня.

— Да, надо поторапливаться. Ночная рубашка и ночной колпак — сами понимаете, о чем я говорю — готовы?

— Все готово, — ответил граф.

— А теперь, мадам, — доктор обернулся к графине и, несмотря на серьезность положения, отвесил ей низкий поклон, — вам пора удалиться.

Графиня вышла в соседний будуар, где я не так давно выпил чашку отравленного кофе, и больше я ее не видел.

Граф взял свечу, вышел в противоположную дверь и вернулся с матерчатым свертком в руках. Затем он тщательно задвинул засовы на обеих дверях.

Они молча принялись раздевать меня. Это заняло немного времени. То, что доктор называл моей ночной рубашкой, оказалось длинным одеянием, укутавшим меня с головы до пят. На голову мне напялили шляпку, больше всего напоминавшую женский ночной колпак, и завязали под подбородком ленты.

Теперь, подумал я, меня, должно быть, уложат в постель, чтобы я поправился, а заговорщики тем временем ускользнут с добычей, и никакая погоня их не настигнет. Таковы были мои самые радужные надежды; однако вскоре выяснилось, что планы злоумышленников были куда ужаснее.

Граф с Планаром вышли в комнату, находившуюся прямо передо мной. До меня доносились их голоса, шарканье ног. Затем послышался тяжелый грохот. Он стих, зазвучал снова и опять стих. В дверях, спиной ко мне, бок о бок показались мои недруги. Они тащили по полу какой-то тяжелый предмет, гулко громыхавший при каждом их шаге. Однако они заслоняли его от меня, и я не мог разглядеть, что же это такое. Они подтащили странный предмет прямо ко мне... О небо! Это был тот самый гроб, что стоял на столе в соседней комнате. Теперь он лежал возле меня, касаясь ножки моего кресла. Планар снял крышку. Гроб был пуст.

Глава 26. Катастрофа

— Лошади, видать, неплохие, к тому же по дороге мы их сменим, — сказал Планар. — Дайте слугам наполеондор или два. Нужно уложиться в три часа с четвертью. А теперь взяли; я подниму его справа, чтобы получше уложить ноги, а вы держите их вместе и как следует натяните на них рубашку.

В следующий миг меня, поддерживаемого Планаром, поставили в ногах гроба и медленно опустили, уложив в него во весь рост. Затем мнимый маркиз, которого граф называл Планаром, вытянул мои руки вдоль боков, аккуратно расправил оборки на манжетах и складки на саване. После этого он встал в ногах гроба и придирчиво осмотрел дело своих рук; результат, по-видимому, удовлетворил его. Граф, мелочный по природе, торопливо свернул мою одежду и запер в одном из трех стенных шкафов, что скрывались за дверцами в деревянной обшивке.

Теперь, наконец, я разгадал их чудовищный план. Этот гроб был приготовлен для меня; похороны Сен-Амана были придуманы для отвода глаз. Я собственной рукой заполнил заказ на похороны на кладбище Пер-Лашез, подписал его и уплатил пошлину за погребение вымышленного Пьера де Сен-Амана. На деле же мне предназначено было занять его место, лечь в гроб, на который привинчена табличка с его именем. Сверху на меня насыплют многотонный слой глины. И вот, проведя много часов в могиле, я очнусь от каталепсии и погибну смертью столь ужасной, какую не может представить себе самое пылкое воображение. Если же впоследствии по чьей-либо прихоти, любопытству или подозрению гроб будет эксгумирован и тело подвергнуто вскрытию, самый лучший химик не обнаружит ни следа яда, самое тщательное обследование не найдет ни малейших признаков насилия. Если мое исчезновение и будет кем-то замечено, то никакое следствие не обнаружит ничего противозаконного: я сам, своими руками сделал все возможное, чтобы запутать следы, даже написал своим друзьям в Англии, чтобы они, по меньшей мере, три недели не ждали от меня известий.

Смерть подкараулила меня в тот самый миг, когда я безрассудно предавался греховным

восторгам, и спасения не было. Обезумев от ужаса, я пытался возносить молитвы Господу, но в голову лезли лишь покаянные мысли о Страшном суде, справедливом возмездии и вечных муках.

Не стану вспоминать то, что не поддается описанию — чудовищные ужасы, переполнявшие мой разум. Лучше просто рассказать по порядку о том, что случилось — каждая подробность тех событий навечно врезалась мне в память.

— Служители из похоронного бюро уже собрались в вестибюле, — сказал граф.

— Не впускайте их, пока мы не закончим, — откликнулся Планар.

— Будьте добры, поддержите нижний конец, а я возьмусь здесь. — Вскоре я понял смысл их слов: над лицом у меня, всего в считанных дюймах, отсекая меня от дневного света, скользнула темная тень. Звуки начали доноситься приглушенно, неразборчиво. Я отчетливо слышал лишь скрип отвертки да недовольный скрежет завинчиваемых винтов. Даже трубный глас, что прозвучит в день Страшного суда, вряд ли будет ужаснее, чем, эти зловещие шорохи.

Дальнейшие события я буду излагать не так, как они доносились до моих ушей, — слишком невнятно и бессвязно, — а так, как мне рассказали впоследствии добрые друзья.

Завинтив крышку гроба, злоумышленники прибрались в комнате и аккуратно установили гроб вдоль обеденного стола. Графа особенно заботило, чтобы в комнате не осталось следов беспорядка или спешки, способных возбудить ненужные подозрения.

Когда все было готово, доктор Планар выразил готовность спуститься в вестибюль и вызвать слуг, которые вынесут гроб и положат его на катафалк. Граф натянул черные перчатки и сжал в руке белый носовой платочек, словно неутешный родственник, оплакивающий смерть любимого племянника. Стоя чуть позади изголовья гроба, он ждал прибытия Планара со слугами. Вскоре на лестнице послышались их торопливые шаги.

Первым появился Планар. Он вошел через комнату, где недавно стоял гроб. Манеры его изменились; в них появилось чванливое, развязное самодовольство.

— Господин граф, — бросил он, размашисто шагая по комнате в сопровождении полудюжины незнакомых людей. — С огорчением вынужден сообщить о прискорбной задержке. Разрешите представить вам господина Карманьяка, состоящего на службе в полицейском департаменте. По его словам, к нему поступили сведения о том, что в окрестностях замка обнаружена партия контрабандного английского и другого иностранного товара и что часть этого товара скрывается в вашем доме. Я пытался уверить господина Карманьяка, что, насколько мне известно, сведения эти абсолютно неверны и что вы охотно откроете для осмотра все комнаты, шкафы и буфеты в вашем доме, дабы разубедить его.

— С превеликим удовольствием, — решительно провозгласил граф, однако лицо его стало блее бумаги. — Благодарю вас, дорогой друг, что предупредили меня. Я предоставлю в распоряжение нашего уважаемого гостя мой дом и все ключи, если только он будет любезен сообщить мне, о каком именно контрабандном товаре идет речь.

— Прошу простить меня, граф де Сен-Алир, — довольно сухо ответил Карманьяк. — Мои полномочия не позволяют мне разглашать сведения о характере товара. Я получил приказ провести общий обыск. Удовлетворит ли господина графа такое разъяснение?

— Могу ли я надеяться, господин Карманьяк, — перебил его Планар, — что вы позволите графу де Сен-Алиру отправиться на похороны почившего родственника, который, как видите, лежит здесь, — он указал на крышку гроба, — и сопровождать его на кладбище Пер-Лашез? Катафалк ждет внизу у дверей.

— К сожалению, не могу вам позволить. Мой приказ совершенно однозначен. Однако, надеюсь, задержка будет недолгой. Надеюсь, господин граф не полагает, что я в чем-то подозреваю его. Просто у меня есть обязанности, и я должен их выполнять. Если мне приказывают провести обыск, я обыскиваю дом. Иногда искомые вещи прячут в самых неожиданных местах. Например, я не знаю, что содержит в себе этот гроб.

— Тело моего родственника, господина Пьера де Сен-Амана, — высокомерно ответил граф.

— Да? А вы его видели?

— Видел ли я моего любимого кузена? Премного раз! — Граф был явно встревожен.

— Я имею в виду тело.

Граф бросил быстрый взгляд на Планара.

— Н-нет, господин... то есть, видел, только мельком. — Граф еще раз взглянул на Планара.

— Надеюсь, достаточно долго, чтобы узнать его? — настаивал полицейский.

— Да... конечно. Мельком, но разглядел хорошо. Что, я не узнаю Пьера де Сен-Амана с одного взгляда? Нет, нет. Бедняга, я очень хорошо его знал.

— Предметы, которые я разыскиваю, — сказал господин Карманьяк, — могут уместиться в очень узком объеме. Вы сами знаете, как бывают изобретательны слуги. Разрешите поднять крышку.

— Простите, сударь, — безапелляционно возразил граф, подходя ближе к гробу, — не могу позволить вам такого... такого святотатства.

— Но ведь там нет ничего противозаконного, не так ли? Мы просто поднимем крышку. Вы можете остаться в комнате. Если все окажется хорошо, как мы оба надеемся, вы, к вашему удовольствию, лишний раз, теперь уже последний, увидите дорогого почившего родственника.

— Но, я не могу...

— Но, я должен.

— Но, кроме того, эта штука... отвертка. Она сломалась, когда завернули последний винт. Клянусь честью, сударь, в этом гробу нет ничего, кроме тела.

— Разумеется, сударь, вы верите в то, что говорите; но я лучше вас знаю уловки, которые в ходу среди слуг, промышляющих контрабандой. Филипп, подойдите сюда и снимите крышку с гроба.

Граф запротестовал, но Филипп — лысый толстяк с чумазым лицом, грязный, как кузнец за работой, поставил на пол кожаный сундучок с инструментами, деловито осмотрел фоб, поковырял ногтем головки винтов, выбрал подходящую отвертку и ловко открутил винты. Полувывинченные головки торчали, как шляпки грибов, крышка приподнялась.

Я увидел свет, как мне подумалось, в последний раз. Но глаза мои смотрели только вперед, я не мог изменить направления взгляда. Застыв в каталепсии, я лежал так, как меня уложили, и теперь взгляд мой был устремлен в потолок. Надо мной склонилось нахмуренное лицо Карманьяка. Мне показалось, что он меня не узнает. О небо! Если бы я мог испустить хоть слабый стон! С другой стороны на меня взидала гнусная физиономия коротышки-графа. Лицо мнимого маркиза тоже было передо мной, но чуть в стороне от линии взгляда. Видел я и другие лица.

— Так, так, — сказал Карманьяк и выпрямился. — Ничего похожего на контрабанду.

— Не будете ли вы любезны приказать вашему человеку установить крышку гроба на место и завернуть винты? — набравшись храбрости, бросил граф. — И... и... надо продолжать похороны. Нехорошо заставлять людей, получающих весьма скромные сверхурочные за ночную работу, ждать час за часом после назначенного времени.

— Граф де Сен-Алир, я отпущу вас через несколько минут. Не волнуйтесь, я отдам все необходимые распоряжения насчет гроба.

Граф посмотрел на дверь — там стоял жандарм. Еще двое или трое могучих представителей этой службы сурово расхаживали по комнате. Графу стало не по себе: дело принимало нежелательный оборот.

— Поскольку этот господин препятствует моему присутствию на похоронах родственника, я прошу вас, Планар, сопровождать погребальную процессию вместо меня.

— Еще минутку, — ответил неумолимый Карманьяк. — Сначала будьте добры предоставить нам ключи от этого стенового шкафа. — Он указал на дверцу, за которой была спрятана моя одежда:

— Я... я не возражаю, — пробормотал граф, — пожалуйста, если вам угодно. Но

должен предупредить, что этим шкафом не пользовались уже много лет. Сейчас я пошлю кого-нибудь из слуг поискать ключ.

— Если у вас нет его при себе, не волнуйтесь. Филипп, подберите к замку отмычку. Мне нужно открыть его. Чья это одежда? — спросил Карманьяк, когда на свет Божий был извлечен костюм, который положили туда всего пару минут назад.

— Не знаю, — ответил граф. — Понятия не имею о том, что лежит в этом шкафу. Ключ был у одного слуги по имени Лабле, отпетого вора. Я уволил его год назад. Я уже лет десять не видел этот шкаф открытым. Должно быть, это костюм Лабле.

— Здесь визитные карточки, а вот и платок с меткой — «Р.Б». Надо думать, он его украл у человека по имени Беккет — Р. Беккет. На карточках написано: «Мистер Беккет, Беркли-Стрит». Вот это да! Здесь есть еще и часы, и связка печатей; на одной из них инициалы «Р.Б». Да, этот слуга, Лабле, и впрямь отпетый воришка!

— Вы правы, сэр, воистину так.

— Сдается мне, господин граф, — продолжал Карманьяк, — что он украл этот костюм у человека, который сейчас лежит в гробу. Стало быть, его и зовут господин Беккет, а не месье де Сен-Аман. Ведь, сударь, странно подумать, часы-то все еще идут! Человек в гробу, полагаю, отнюдь не мертв, его просто опоили каким-то снадобьем. Я арестовываю вас, Никола де ла Марк, граф де Сен-Алир, за ограбление и попытку убийства!

Мгновение спустя старый негодяй был взят под стражу. До меня доносился его надтреснутый голос, дрожащий от негодования. Хрипя и повизгивая, он сыпал протесты, угрозы, нечестиво взывал к Богу, которому-де «ведомы все тайны людские». Жандармы выпроводили неистовствующего графа из комнаты и усадили в ту же карету, где уже дожидалась его прелестная покинутая сообщница, также арестованная. В сопровождении двух жандармов злоумышленников быстро доставили в тюрьму Консьержери.

К общему хору, звучавшему вокруг меня в гостиной, присоединились еще два голоса, весьма непохожих друг на друга. Один из них принадлежал бравому полковнику Гайяру, которому нелегко было до поры до времени оставаться на заднем плане; другой — моему веселому другу Уистлвику, пришедшему опознать меня.

Я расскажу еще о том, как моим друзьям удалось сорвать гнусный чудовищный план моего ограбления и убийства. Но сначала несколько слов о себе. Меня, по указанию Планара, поместили в теплую ванну. Планар, такой же отпетый негодяй, как и все остальные члены этой банды, на сей раз, понимая, что судьба его зависит от того, останусь ли я в живых, ретиво помогал следствию. Затем меня уложили в теплую постель и широко распахнули окна.

С помощью этих несложных мер через три часа я был в полном порядке; в противном случае я, возможно, пробыл бы в каталепсии часов семь.

Заговорщики обстрепывали свои гнусные дела с завидной изобретательностью и коварством. Жертвы их, наподобие меня, сами невольно становились пособниками обмана, подготавливая собственное неминуемое уничтожение.

Разумеется, было организовано расследование. На кладбище Пер-Лашез вскрыли несколько могил. Однако эксгумированные тела пролежали в земле слишком долго, и опознать их было невозможно. Удалось с достоверностью опознать лишь один труп. Вот как это случилось. Распоряжение о похоронах было подписано неким Габриэлем Гайяром, он же уплатил положенную сумму. Клерк, оформлявший документы, лично знал Габриэля. С несчастным произошло то же самое, что эти негодяи намеревались сотворить со мной. Человек, для которого предназначалась могила, был, разумеется, вымышленным. Габриэля Гайяра уложили в гроб, на крышке которого было выгравировано совсем другое имя, то же самое, что украшало могильный камень. Возможно, такая же честь, под псевдонимом Сен-Амана, была уготована и мне.

Опознание было проведено весьма занятным образом. Лет за пять до своего таинственного исчезновения Габриэль Гайяр неудачно упал с лошади и получил тяжелые ранения. Он лишился глаза и нескольких зубов, сломал правое бедро чуть выше колена,

однако держал повреждения в строжайшей тайне. Поэтому, когда его хоронили, в глазнице остался стеклянный глаз. За время нахождения в могиле глаз, конечно, немного сместился, однако мастер, изготовивший его, легко опознал дело своих рук. Более точным свидетельством были вставные зубы чрезвычайно искусной работы. Лучший дантист Парижа, идеально подогнавший их к малейшим изгибам челюсти, по счастью, сохранил матрицу, в которой они отливались. Золотая пластинка, найденная во рту черепа, в точности подходила к этой матрице. Дополнительным подтверждением послужила метка на бедренной кости выше колена, там, где сломал ногу Габриэль Гайяр.

Узнав об исчезновении Габриэля, полковник, его младший брат, пришел в ярость, не столько из-за утраты любимого родственника, сколько из-за потери денег, которые он считал чуть ли не своей собственностью, находящейся на хранении у старшего брата вплоть до кончины последнего. У него были веские причины полагать, что Габриэля обчистили граф де Сен-Алир и красивая дама, его подруга, графиня или кто бы она ни была. К этим подозрениям подмешивались и другие, куда более мрачные. Но поначалу это были скорее смутные догадки, непомерно раздутые его яростью, чем конкретные умозаключения. Наконец счастливое совпадение натолкнуло полковника на верный след. Один из негодяев, Планар, случайно узнал, что заговорщикам, и ему в том числе, грозит опасность. Опасаясь за свою жизнь, он пошел на сговор с полицией, стал информатором. В самый роковой для злоумышленников момент, когда все было готово, чтобы выдвинуть против них неопровержимое обвинение, Планар по договоренности с полицией явился в замок Шато-дела-Карк.

Нет нужды описывать, с какой скрупулезностью и предусмотрительностью полицейские агенты собирали мельчайшие доказательства, на которых должно было строиться дело. На случай, если Планар в решающую минуту откажется помогать, они взяли с собой опытного врача, который должен был обеспечить медицинское освидетельствование.

Как видите, моя поездка в Париж обернулась отнюдь не таким приятным развлечением, как я рассчитывал. Я проходил главным свидетелем в слушаниях по этому *cause celebre*, со всеми *agreements*, что сопутствуют этому завидному положению. «Со скрипом», как выразился милейший Уистлвик, избежав опасности для жизни, я наивно полагал, что теперь окажусь в центре внимания парижского общества. Однако, к своему горькому разочарованию, я обнаружил, что являюсь предметом добродушных, но довольно непочтительных насмешек. Я считался *balourd*, *benet*, *un ane*, меня даже изображали на карикатурах. Я стал чем-то вроде героя народных сказок, удостоен величания, «с которым не был я рожден» и от которого поспешил избавиться при первом же удобном случае, не нанеся даже визита моему другу маркизу д'Армонвиллю в его гостеприимном замке.

Маркизу удалось уйти безнаказанным. Его сообщник, граф, был казнен. Для очаровательной Эжени отыскились смягчающие обстоятельства — заключающиеся, как я полагаю, в ее прелестных глазках, — и она отделалась шестилетним тюремным заключением.

Полковник Гайяр частично вернул состояние брата, пополнившего в свое время не слишком богатую казну графа и *soidisant* графини. Это обстоятельство, а также казнь графа привели его в весьма доброжелательное расположение духа. Поэтому он, не проявляя ни малейшей враждебности, благосклонно пожал мне руку и заявил, что рассматривает рану на голове, нанесенную набалдашником моей трости, как полученную на почетной дуэли, которая, хоть и велась не совсем по правилам, все же не дает ему повода жаловаться на несправедливость или нечестность.

Полагаю, я должен упомянуть еще о двух обстоятельствах. Кирпичи, найденные в комнате, где стоял гроб, были аккуратно уложены в него и упакованы в солому, чтобы гроб не казался носильщикам чересчур легким. Прибытие в замок пустого гроба могло вызвать ненужные подозрения и кривотолки. Во-вторых, знаменитые бриллианты графини были осмотрены опытным ювелиром, и тот объявил, что стоят они самое большее пять фунтов. За эту цену их и продали некой примадонне, которой как раз понадобились для спектакля

украшения из поддельных драгоценных камней.

Сама же графиня несколько лет назад блистала на одной из небольших сцен Парижа, где ее и нашел граф. Он забрал ее из театра и сделал своей главной сообщницей. Это она, скрытая за мужским костюмом, копалась в моих бумагах в ту достопамятную ночную поездку в Париж. Она же представляла волшебника, толкователя предсказаний на балу в Версале. Хитроумная мистификация была задумана для того, чтобы подогреть мой интерес к прекрасной графине, который, как они опасались, мог за много дней отчасти рассеяться. Выдумка эта имела целью привлечение и других возможных жертв, но о них, полагаю, нет смысла распространяться. В паланкине сидел настоящий труп, предоставленный человеком, поставляющим материал в анатомические театры Парижа. Никакой серьезной опасности затея с трупом не представляла, она лишь придала делу мистический налет и дала дополнительную пищу ходившим в городе слухам о загадочном пророке. Впрочем, простофили, общавшиеся с оракулом, и без того долго не могли забыть странных предсказаний.

Остаток лета и осень я провел в путешествиях по Швейцарии и Италии. Горький опыт, что называется, умудрил меня. Самые тяжелые впечатления от случившегося были, разумеется, связаны с колоссальным нервным и умственным потрясением. Но остались и более серьезные, глубокие чувства. Пережитый ужас оказал влияние на всю мою последующую жизнь. Он заронил мне в душу ростки, из которых через много лет произросли чувства куда более счастливые, но оттого не потерявшие серьезности. Я имею все основания благодарить всемилостивейшего Создателя за то, что еще в ранней юности Он преподавал мне урок благочестия, показав, к каким тягчайшим последствиям могут привести греховные дела.